

От автора

Эта книга развивает идеи, заложенные в моих предыдущих работах — «Громких делах» и «Чисто российском преступлении». В ее основу легли знаковые для истории России преступления, в которые трудно поверить.

Как и прежде, главным источником информации для моего исследования стали подлинники материалов уголовных дел. Большинство из них я изучала в архивах судов. Моя многолетняя работа изначально получила официальную поддержку Судебного департамента при Верховном суде РФ, а издание первой книги было одобрено решением выездной комиссии Совета судей России. Символично, что эту инициативу со временем подхватили пресс-службы судов по всей стране. Мое исследование фактически вдохновило отечественную Фемиду пристальней взглянуть на собственное прошлое.

В этой книге также использованы уникальные архивные документы, которые мне удалось разыскать в Центральном архиве ФСБ РФ и Государственном архиве РФ.

Материалы уголовного дела о теракте на Красной площади, а также дело сына Сталина Василия мне удалось увидеть благодаря председателю Верховного суда РФ Вячеславу Лебедеву. Дело Василия Сталина, кажется, видели всего два журналиста: моя коллега, ставшая потом генералом Генпрокуратуры, Марина Гриднева, и я. Мне посчастливилось отыскать ветерана ФСИН, который лично охранял Сталина-младшего во Владимирском центре. В тюрьме даже у самых молчаливых развязывается язык. В изоляции они заново переживают давние обиды, обнажая неизвестные черты своего характера. Тюрьма — это беспощадный фильтр, который сильных делает сильнее, а слабых убивает. Что она сделала с сыном Сталина? Надеюсь, вы найдете ответ в моей книге.

Громкое дело по обвинению в шпионаже «главного цензора» СССР, следователя НКВД Николая Шиварова (в прошлом болгарского журналиста и скрипача), мы изучали прямо на Лубянке вместе с его внучкой Екатериной. Похоже, мы стали первыми гражданскими исследователями, кто листал эти страницы. Для меня эта история носит почти личный характер. Дело в том, что именно Шиваров в 1934 году вел первое уголовное дело в отношении Осипа Мандельштама за его знаменитое антисоветское стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...». Поразительно, но спустя десятилетия внучка Шиварова стала сотрудницей «Московского комсомольца» — газеты, с которой неразрывно связана моя жизнь и где печатался сам Мандельштам. Круг замкнулся. Неожиданным было прочесть, что вменялось Шиварову. Цитирую: «В течение нескольких лет не поставил вопроса об аресте ни одного писателя при наличии серьезных оперативных данных об их антисоветской деятельности».

В архиве ФСБ я изучала дело Дмитрия Быстролётова — легендарного советского разведчика-нелегала. Его личность поражала масштабом и разнообразием дарований: он в совершенстве владел 22 языками, имел докторские степени по медицине и праву, писал стихи, прозу и картины. На пике своей блестящей карьеры этот мастер перевоплощений пал жертвой сталинских репрессий: его обвинили в шпионаже. Как оказалось, изначально доносы на него писали из зависти и желания отобрать недвижимость. Почти 16 лет разведчик провел в лагерях. Он не сломался, выжил и впоследствии добился полной реабилитации. Его внук передал мне некоторые уникальные фотографии. К сведению, он издал книги деда (в том числе «Пир бессмертных»), о чем широкая общественность не знает. Очень рекомендую вам прочитать.

Многое из того, что вы прочитаете в этой книге, наверняка станет для вас открытием. И это притом что на ее страницах оживут имена, без преувеличения известные каждому: Пушкин, Киров, Ленин, Сталин, Павлик Морозов... Особое место в исследовании

занимает глава об Александре Пушкине. Общество никогда не примирится с безвременной гибелью поэта, и неослабевающий интерес к деталям его роковой дуэли — лучшее тому подтверждение. Вы узнаете, за что великого поэта судили посмертно, почему приговоренный к расстрелу Дантес избежал казни и какие тайны скрывали материалы военно-судного дела. Несколько лет назад эксперты-криминалисты смогли получить образцы крови раненого Пушкина, и мне посчастливилось стать первой из журналистов, кто увидел результаты этой экспертизы. Тогда в шутку даже возник вопрос: возможно ли, с учетом современных технологий, клонировать поэта? Наука, вероятно, способна на подобное, но в таком случае надо было бы клонировать и няню, и преподавателей лицея, где Пушкин учился. И еще многих-многих, кто был рядом с ним и оказал на становление его личности огромное влияние.

И это далеко не все исторические сенсации. К примеру, материалы дела об убийстве Кирова раскрывают шокирующие подробности: видный партийный деятель был убит в комнате отдыха во время интимной встречи с женщиной. А в архивных документах об убийцах «пионера №1» Павлика Морозова обнаружилось железное алиби его обвиненных родственников. Более того, открылся поразительный факт: сам Павлик никогда не состоял в пионерской организации, а его отец, вероятно, вообще не привлекался к уголовной ответственности.

Традиционно я включила в книгу расследования о самой судебной системе. Канонизация судьи Владимира Трубникова происходила фактически на моих глазах. Благодаря содействию председателя Вологодского областного суда Игоря Трофимова была написана икона первого на Руси святого судьи.

Отдельный блок книги посвящен авиационным преступлениям — историям, разыгравшимся в буквальном смысле в небе.

И, наконец, последняя часть — о маньяках. Она ни в коем случае не повторяет мое другое исследование «Я иду искать». Сюда вошли исключительно нестандартные, нетипичные дела, которые

не вписывались в привычные криминалистические рамки. Вы узнаете, как один маньяк превратился в палача для другого, а также погрузитесь в материалы дела Анатолия Москвина — гениального историка, ставшего «кукольным» (он делал куклы из трупов детей). На сегодняшний день, вопреки собственным протестам и попыткам адвокатов оспорить вердикт, он продолжает находиться в психиатрической больнице.

Подводя черту, важно признать: у каждого преступления своя глубокая трагедия.

Одни герои этих историй стали жертвами обстоятельств — их закрутило в безжалостный водоворот эпохи, и они стали оружием в руках самого Провидения. Другие пали жертвой собственных роковых заблуждений, слепо поверив, будто насильем можно решить любую проблему. Третьи совершали преступления из банальной жажды денег и мимолетной славы, паразитируя на чужих судьбах и жизнях.

В основе преступного поведения лежат страх и невежество. Дай бог, чтобы эта книга развеяла хотя бы немного того и другого.

Слово эксперта

Обращение к истории вообще и к летописи уголовной юстиции в частности — шаг всегда полезный и важный. Изучение прошлого служит ключом к пониманию настоящего и позволяет предвидеть будущее. Недаром еще в XIX веке в юриспруденции сформировалось особое научное направление — историческая школа русского уголовного права, ратовавшая за самобытность национального законодательства.

Сегодня на стыке дисциплин складывается новая область юридической науки — правовая археология. Она предполагает детальную историческую реконструкцию и анализ важных уголовных дел. Успешный опыт такой реконструкции автор книги демонстрирует на примере «Мултанского дела», которое в силу ряда обстоятельств в свое время получило широчайшую известность.

Обращение к конкретным уголовным делам прошлого не только обогащает наши знания о правоприменительной деятельности следственных органов и суда, о «жизни» уголовного и уголовно-процессуального закона, об истоках ряда институтов или положений законодательства, но и формирует представления о российской дореволюционной юстиции, деятельности следователей, прокуроров и адвокатов, правовой психологии и правосознании как юристов, так и обывателей.

Для читателя, не являющегося юристом, это может быть интересно еще и потому, что все публикуемые дела имеют остросюжетный характер, содержат определенную интригу, раскрывают сложные жизненные перипетии, психологические коллизии и тонкие взаимоотношения людей (может быть, поэтому так любимы произведения Достоевского).

Александр Чучаев, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором Института государства и права РАН

Часть I

«Дело века»

Глава 1

Убийство Пушкина: по кровавым следам

СПРАВКА:

27 января 1837 года на Черной речке состоялась дуэль Александра Пушкина и Дантеса. Дантес выстрелил первым и тяжело ранил поэта. Пушкин скончался через два дня в возрасте 37 лет.

Этому делу почти два века. Покрытое пылью времен, затянутое паутиной тайны... Впрочем, многие считают, что никакой тайны тут нет. Они уверены, что Пушкин стрелялся на дуэли из-за Натальи Николаевны, которую винил в измене. А ведь именно его заклятые враги хотели, чтобы все так думали. Выходит, они победили? Российские ученые доказали, что нет. Они воспроизвели события последних дней жизни поэта. Более того, выяснили даже группу крови гения и сделали анализ его волос. Юристы изучили материалы судебного дела о дуэли Пушкина и восстановили картину процесса, в ходе которого судили не только Дантеса, но и — посмертно — самого поэта, ведь дуэли в те времена были вне закона.

Пушкинский диван

А началось все с дивана. Того самого, что стоял в кабинете петербургской квартиры Пушкина на Мойке, где поэт работал над

Кабинет Пушкина, куда принесли раненого поэта.
В правой части — диван, пропитанный кровью умирающего

своими произведениями. Именно на этот диван положили раненого гения, когда принесли после дуэли, и на нем же спустя двое суток остановилось его сердце.

И вот ученые заявили, что смогли выделить из дивана следы крови Пушкина.

Помню, как помчалась (другого слова не подобрать) из Москвы в Санкт-Петербург, чтобы увидеть этот уникальный экспонат.

— Диван принадлежит Эрмитажу, — объяснила Галина Седова, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина на Мойке, один из ведущих пушкинистов России. — Его передали нам на временное хранение, когда делалась новая экспозиция кабинета поэта. А передали потому, что существовала, как говорят музейщики и криминалисты, легенда. Согласно ей, ученый секретарь Эрмитажа Марк Философов привез диван из имения своих родителей. Вот все, что мы знали. Все последние годы я искала в архивах подтверждения тому, что диван

действительно принадлежал Пушкину. И нашла! Мне удалось выяснить, что Наталья Николаевна, когда стала вдовой, раздавала вещи супруга близким и друзьям. Своего дома у нее не было, она сначала жила в имении родителей, потом в Петербурге снимала квартиру, и возить с собой все имущество она просто не могла. Мы знаем, что, к примеру, эти трость, курительная трубка, перо, часы, графин рубинового стекла точно пушкинские, знаем, откуда они. Но вот с диваном все было по-другому. Наталья Николаевна предлагала его Жуковскому, Нащокину, кому-то еще. Но все побаивались этой реликвии, говорили, что диван со следами крови. И так получилось, что его никто не взял. Вдова увезла его в Михайловское в 1841 году. Когда младший сын Григорий, уже будучи взрослым, покидал село, уезжая к своей жене в поместье под Вильнюс, он тоже стал раздавать вещи. И диван отдал сестре жены, которая была замужем за Философовым. Его сын Марк и был ученым секретарем Эрмитажа.

Итак, теперь все сходилось. Однако, осматривая диван, ученые поняли, что кожа на нем от времени потрескалась и начала осыпаться. Прежде чем начать реставрацию предмета, музейщики решились на смелый шаг — попытаться обнаружить следы крови и взять ее на анализ. Никто из криминалистов не брался за это безнадежное расследование — ведь прошло почти два века! Рискнул пойти на эксперимент лишь заместитель начальника Ленинградского областного бюро судмедэкспертизы профессор Юрий Молин.

Юрий Александрович тогда сказал: «Если Богу угодно, мы что-то найдем». А Седова уточнила: «Если Пушкину угодно». Галина Михайловна изначально считала, что отрицательный результат тоже результат, и рассуждала так: «Пусть крови не обнаружат, но я хотя бы со спокойной душой отдам диван на реставрацию».

Хотя, конечно, все надеялись на чудо. Если бы нашли следы и доказали, что кровь именно Пушкина, тогда даже у скептиков отпали бы все сомнения. Можно было бы сравнить эту кровь с образцами той, что есть на жилете. Точно известно, что это тот самый жилет поэта, который Наталья Николаевна отдала Петру Вяземскому, и князь долгие годы хранил его в Остафьеве в специальной витрине.

Галина Михайловна показывает жилет. Видно, что реликвия хранит следы частой носки — на ткани заметны заломы и потертости, ведь поэт часто надевал эту вещь. Но главное — на сукне до сих пор различимы пятна крови. Именно этот жилет стал главным объектом исследования для криминалистов.

— Когда мы начали делать «компрессы», чтобы извлечь драгоценный биологический материал, у нас сразу ничего не получилось, — говорит Молин. — Обычно для процедуры достаточно нескольких часов. А тут только через сутки и лишь с помощью груза удалось извлечь клетки крови. Я потом попытался понять, почему так произошло. И вспомнил, что, когда открыли

Д. А. Белюкин. Картина «Смерть Пушкина». 1986

опечатанную витрину, где хранился пушкинский жилет (а она не открывалась бог знает сколько времени, ключи от нее есть только у заведующей, которая с ними фактически не расстается), я почувствовал запах дуста и нафталина. Вещь неоднократно обрабатывалась, чтобы ее не съели моль, различные жучки-паучки, которые любят натуральные ткани. А действие у дуста и нафталина универсально на любой живой белок — они его денатурируют, то есть полуразрушают. Наше счастье, что в глубоких слоях, в подкладке жилета (она из сатина), эритроциты все-таки сохранились. Мы смогли определить группу крови — вторая. Сложности были и с диваном. Когда я впервые осмотрел его, увидел, что большая часть поверхностного слоя сафьяна утрачена. Процент вероятности найти что-либо на такой поверхности стремится к нулю. Но оказалось, что в глубоких трещинах, куда не добирались моющие и дезинфицирующие средства, сохранилось то небольшое количество эритроцитов, которые мы смогли извлечь. Группа крови совпала с той, что идентифицировали на жилете. Это была победа!

Интересно, что кровь криминалисты обнаружили лишь в одном из 27 произведенных смывов с поверхности дивана. Когда эксперты положили на диван бумажный манекен, повторявший контуры тела поэта, то увидели, что обнаруженное пятно точно совпадает с локализацией входного огнестрельного ранения. В этот момент все сомнения исследователей окончательно рассеялись.

— Было обильное кровотечение прямо на месте происшествия: когда он шел до саней, за ним тянулся кровавый след, — говорит Юрий Молин. — Сильно была окровавлена шинель. Много крови он потерял, пока его везли до дома. И наружное кровотечение не могли остановить, несмотря на применение холода (и местно, и внутрь ему давали), еще почти четыре часа, отчего диван в некоторых местах пропитался кровью. Прекратилось оно наконец поздней ночью.

Но прекратилось только наружное кровотечение, а внутреннее продолжалось.

У Пушкина была серьезная травма костей таза — многооскольчатый перелом. Врачи тогда ее диагностировать не смогли, поскольку не было рентгена. Повреждены оказались артерии и вены таза. Он уходил медленно от нараставшей кровопотери.

— Как быть с диваном?

— У меня лично отношение к нему почти не изменилось, — заверяет Седова. — Я всегда считала, что это пушкинский диван, и видела на нем только Александра Сергеевича. И за эти годы, что я храню музей, у нас проходило несколько съемок, где в роли поэта выступали и Безруков, и Караченцов, и другие известные актеры. Если артисту предстояло в кадре находиться рядом с диваном, то мы с мебели снимали подушку. Если же сцена требовала лечь — диван вообще выносили в детскую комнату, накрывали и огораживали. А вместо него ставили копию, сделанную на «Ленфильме». И никто не может сказать, что когда-либо сидел или лежал на подлинном пушкинском диване. Я этого никогда не позволяла ни себе, ни кому бы то ни было.

Когда удалось исследовать кровь Александра Сергеевича, музейщики были в таком восторге, что сразу же предложили криминалистам провести экспертизу сохранившихся локонов Пушкина.

Всего их в Музее-квартире на Мойке два. И один, вне всякого сомнения, пушкинский — он был срезан с головы поэта, лежавшего в гробу, и впоследствии бережно хранился у Ивана Тургенева. А вот происхождение другого локона, помещенного в изящную бронзовую урночку, долгое время оставалось неясным. Он другого тона, что заметно даже невооруженным глазом. В XIX веке урночка поступила в Пушкинский Дом, но как и от кого — неизвестно. Никакой исторической легенды вокруг нее не существовало. Единственная зацепка — гравировка на основании: *«Память А. С. Пушкина»*.

— Обычно в таких случаях мы берем пучок волос и сжигаем его, — объясняет Юрий Александрович. — А потом пепел подвергаем спектральному анализу. Здесь же так поступить было невозможно. Нам выдали всего по десять волосков, сжигать которые было нельзя. Единственным помощником в этом деле для нас стал микроскоп. Мы просветлили образцы в спирте. Как известно, в стержне волоса находится пигмент, который обуславливает цвет. Локализация и характер этого пигмента подчиняются определенным биологическим закономерностям. И когда мы сравнили одну пробу волос с другой, то увидели, что расположение и форма гранул практически идентичны. Небольшие отличия укладываются в рамки особенностей разных зон головы. Мы уверены, что первый локон — его по просьбе Тургенева (ему в тот момент было всего 18 лет) за один золотой срезал лакей — с височной области, на границе с пушкинской бакенбардой. А второй, скорее всего, с затылочной области головы.

Посмертная маска поэта

В московском Музее А. С. Пушкина хранится третий локон, по легенде срезанный кем-то в те скорбные дни, когда с покойным гением прощался весь Петербург. Возникает закономерный вопрос: почему бы не подвергнуть экспертизе и эту реликвию, чтобы убедиться в ее подлинности?

— Мы знаем, что в те дни было срезано очень много локонов, — объясняет Галина Михайловна Седова. — Почитатели гения Пушкина хотели оставить себе память о нем. И потом некоторые даже возмущались, что поэт лежит в гробу сильно обстриженный.

Вокруг Пушкина до сих пор существует множество легенд. Некоторые из них уже удалось развенчать, в том числе с помощью криминалистов.

Виновата ли Наталья Николаевна в смерти Пушкина

— Всем известно обвинение, что Наталья Николаевна якобы виновата во всей этой истории, а причиной дуэли стал обычный любовный треугольник, — говорит Седова. — Действительно, первый ноябрьский конфликт 1836 года был косвенно связан с ее именем из-за анонимного пасквиля. А вот в январе 1837-го Пушкин самого Дантеса на дуэль не вызывал. Он написал оскорбительное письмо его приемному отцу, барону Геккерну. Долгое время считалось, будто Дантес пошел на поединок вместо барона, поскольку тот из-за своего пожилого возраста не мог в нем участвовать. На самом деле Геккерн вовсе не был престарелым — он был всего на семь лет старше Пушкина и вполне мог держать в руке пистолет. И его дипломатический сан не освобождал его от участия в поединках. Опытный дипломат просто сделал так, чтобы все общество думало: раз Дантес стреляется с Пушкиным, значит, дело в Наталье Николаевне. Конфликт же поэта был именно с Геккерном (Пушкин понял, что барон — вдохновитель пасквиля), который распускал о нем сплетни.

Александр Сергеевич собирался расправиться с дипломатом, а заодно и со всей этой семейкой. Почему барон так ненавидел Пушкина? По многим причинам. В том числе потому, что Дантес был его любовником, но при этом Жорж одно время всерьез увлекся Натальей Николаевной. Геккерн хотел отвести от нее своего возлюбленного. К сожалению, версия барона Геккерна, что Пушкин якобы сам избрал Жоржа орудием своего ухода, столько десятилетий побеждала...

Галина Михайловна убеждена: последний год жизни Пушкина — это не время подведения итогов, а поиск способа нравственной победы. Известно, что своей приятельнице, навещавшей его накануне дуэли, поэт прямо сказал, что убьет Дантеса, после чего его сошлют в Михайловское. В этой ссылке он видел долгожданное освобождение от петербургской грязи и придворных обязанностей камер-юнкера.

— Многие до сих пор думают, что Пушкин неожиданно стал верующим человеком лишь перед лицом смерти, — добавляет Седова. — Дескать, всю жизнь он был атеистом, безбожником, а на пороге гибели вдруг осознал, что путь спасения — вера. Это далеко не так. Александр Сергеевич прекрасно знал священные тексты и цитировал их. Вера всегда присутствовала в нем как часть его внутренней культуры и мировоззрения.

Посмертный суд

Общественные деятели и политики не раз официально обращались к главе Следственного комитета РФ с просьбой или даже требованием заново расследовать причины дуэли и смерти поэта (дескать, Пушкин мог стать жертвой заговора) и пересмотреть историческое дело по «вновь открывшимся обстоятельствам».

СПРАВКА:

Дело о дуэли Александра Пушкина, повлекшей за собой его смерть, рассматривал военный суд сразу после трагедии. Некоторые историки предполагали, что он не мог быть справедливым, ведь судьи (гвардейские офицеры) в силу своей, выражаясь по-современному, «корпоративной» морали были на стороне Дантеса. Они якобы видели в Пушкине человека, затеявшего дуэль по причине своей неимоверной ревности, и потому вынесли фактически равный по суровости приговор обоим дуэлянтам (Пушкину — посмертно).

Однако всю правовую оценку этим требованиям уже давно дал один из авторов Уголовного кодекса РФ, выдающийся ученый-юрист Анатолий Наумов. Уверена, что лучшего эксперта по делу об убийстве Пушкина в стране нет. Анатолий Валентинович посвятил много лет скрупулезному исследованию материалов следствия и документов суда.

— Следствие и суд велись над умершим поэтом (ведь дуэли были запрещены законодательством), его секундантом Данзасом и дуэльным противником Дантесом, — разъясняет Наумов. — Секунданту Дантеса — чиновнику французского посольства виконту д'Аршиаку — удалось избежать судебного преследования лишь потому, что сразу же после поединка, справедливо опасаясь тяжких для себя последствий, он уехал из России во Францию. В материалах дела отсутствует специальное решение суда о принятии мер пресечения к Дантесу и Данзасу. Однако из документов вытекает, что Дантес формально должен был находиться под арестом непосредственно в полку, но ввиду легкого ранения в правую руку оставался в своей квартире. Данзас же содержался на гауптвахте по месту своей службы.

Судопроизводство осуществлялось в соответствии с законодательством России первой половины XIX века. О следствии и суде мы говорим условно, так как процесс по данному делу объединял следствие и суд. Члены комиссии фактически совмещали в себе обязанности следователей, обвинителей, защитников и собственно судей — они собирали доказательства и сами же выносили приговор.

— **Роковая дуэль состоялась 27 января 1837 года. А когда начался процесс?**

— Уже на следующий день, 28 января, командир Отдельного гвардейского корпуса генерал-лейтенант Бистром рапортом уведомил Николая I о случившейся дуэли и ее результате. Сделано это было, как требовалось, через военного министра А. И. Чернышёва.

29 января министр объявил Бистрому резолюцию императора, повелевшего судить военным судом как дуэлянтов Пушкина и Дантеса, так и всех прикосновенных к делу, включая секундантов.

Во исполнение этого повеления была создана Военно-судная комиссия из офицеров лейб-гвардии Конного полка Отдельного гвардейского корпуса. Ее председателем назначили флигель-адъютанта полковника Бреверна, а членами комиссии — представителей той же части: ротмистра, штабс-ротмистра, двух поручиков и двух корнетов. Делопроизводство поручили аудитору 13-го класса Маслову. Все они были типичными представителями гвардейского офицерского корпуса — не лучше и не хуже других, ничем себя особенно не проявившими.

Такой порядок полностью соответствовал нормам и правилам, которые заложил еще Петр I в своем известном Воинском уставе. Это касалось в том числе и разбирательств о дуэлях.

Вы спросите — зачем нужен был аудитор? Петр понимал, что силами одних только офицеров в таком процессе обойтись нельзя, и предусмотрел в составе комиссии фигуру человека,

сведущего в праве. Аудиторы отвечали за то, чтобы вынесенное решение полностью соответствовало законам. Ответственность на них лежала огромная, а вот прав по сравнению с офицерами-судьями было мало. Еще в петровском «Кратком изображении процессов» строго предписывалось, что аудиторы «при суде голосу в приговорах не имеют, чего ради оных при судейском столе и не сажают, но обыкновенно при особливом столе купно с секретарем или протоколистом».

2 февраля был назначен следователь по делу — полковник Конного полка Галахов. Он провел первичную работу по горячим следам.

На следующий день, 3 февраля, состоялось первое заседание Военно-судной комиссии. Еще раз подчеркну: вся эта процедура строго следовала принятой тогда юридической практике по делам о дуэлях. Необычным здесь было лишь то, что одним из подсудимых дуэлянтов оказался величайший поэт.

— Расскажите, как проходили следственные действия, в чем они заключались и сколько длились?

— В основном это были допросы. 3 февраля следователь Галахов произвел первые допросы Данзаса и Дантеса. А 6 февраля они предстали перед судом. Судей интересовал главный вопрос — причины и обстоятельства дуэли.

Дантес во всем обвинял поэта. В своих показаниях он, в частности, утверждал (цитирую): «В ноябре 1836 года получил я словесный и беспричинный камергера Пушкина вызов на дуэль, который мной был принят. Спустя же некоторое время камергер Пушкин без всякого со мной объяснения словесно просил нидерландского посланника барона Д'Теккерна передать мне, что вызов свой он уничтожает и что в письме моему секунданту Д'Аршиаку объяснял, что он ошибся в поведении моем и что он более еще находит оно благородным».

И далее: «Генваря 26-го нидерландский посланник барон Геккерн получил от камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое якобы он не адресовал на мое

имя единственно потому, что считает меня подлецом и слишком низким». Нас, конечно же, более всего интересует правдивость его показаний о событиях, предшествовавших дуэли. И то, как военный суд отнесся к ним — согласился с ними или отверг.

— На этом этапе хорошо бы вспомнить подоплеку конфликта между Пушкиным и Дантесом. Какова была истинная, а не формальная причина их противостояния?

— В 1836 году назойливые и откровенные ухаживания Дантеса за женой Пушкина привлекли внимание петербургского высшего общества и породили массу толков в столичных салонах. Встречаться с Натальей Николаевной Дантес мог только на светских балах и в домах близких поэту людей (в первую очередь Карамзиных и Вяземских), куда он был вхож.

4 ноября 1836 года Пушкин получил по почте гнусный анонимный пасквиль — «диплом рогоносца» с издевательскими намеками в адрес поэта и его жены. С этого момента для него начались мучительные дни. Произошло тяжелое объяснение с женой. По словам князя Вяземского, «эти письма... заставили невинную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветрености, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерн [Дантеса]... Пушкин был тронут ее доверием, раскаянием, но, обладая горячим и страстным характером, не смог отнестись хладнокровно к положению, в которое он с женой был поставлен».

Положение оказалось еще более невыносимым, когда поэт узнал, что точно такие же анонимные послания получили люди из его близкого окружения: Карамзины, Виельгорские, Сологуб, Хитрово и братья Россет. При этом у Пушкина не было уверенности в том, что адресатами не оказались и другие его знакомые. Для него супружеская верность Натальи Николаевны была очевидной, но дворянская честь требовала решительных действий, и в тот же день он отправил Дантесу вызов на дуэль. Так в действительности обстояло дело с тем, что сам Дантес позже назвал в показаниях «беспричинным вызовом».

— Суд в итоге установил истинные причины вызова на дуэль?

— Со слов Дантеса, этот вызов был лишь плодом воображения болезненно ревнивого Пушкина. Подсудимый утверждал, что поэт одумался и сам признал благородство своего соперника. Разумеется, эти показания были далеки от искренности. Сегодня мы понимаем, что они во многом являлись ложными, хотя Дантес и пытался выстроить их на внешне правдоподобной основе.

— Внешняя правдоподобность заключалась в том, что Пушкин действительно взял свой вызов назад и подтвердил это письменно. Однако причины и обстоятельства этого шага были совершенно иными.

— После пушкинского вызова первая просьба о мире поступила как раз от противников. Геккерн-старший был ошеломлен, поскольку понимал: неизбежный скандал вокруг дуэли разрушит как его собственную дипломатическую карьеру, так и будущее его приемного сына. Как опытный дипломат, он сразу определил главную задачу — любой ценой добиться отсрочки поединка. Вначале поэт оставался непоколебим, но хитрому барону Геккерну все-таки удалось смягчить его гнев, и Александр Сергеевич согласился отложить дуэль на две недели.

В улаживании конфликта активное участие принял Василий Жуковский. При очередной встрече с Геккерном поэт услышал от него новость: оказывается, Дантес намерен жениться на Екатерине Гончаровой (старшей сестре Натальи Николаевны). Хитрый дипломат говорил примерно так: теперь, после принятого вызова, Дантес не может просить руки Екатерины, так как этот шаг сочтут трусостью и попыткой избежать дуэли. Другое дело, если Пушкин отзовет свой вызов. В таком случае Дантес немедленно сделает предложение, честь обоих соперников будет спасена, а дуэль отменится сама собой. Жуковский признал доводы посланника убедительными и вновь поехал на Мойку, надеясь склонить Александра Сергеевича к примирению.

Однако Пушкин был совсем другого мнения. Он разгадал коварство и низость поведения обоих Геккернов. Поэта привело в бешенство стремление врагов убедить его в том, будто Дантес давно влюблен в Екатерину. Александр Сергеевич прекрасно понимал: этот маневр его противники изобрели лишь для того, чтобы избежать дуэли.

Между тем свадьба Дантеса с Екатериной состоялась. Однако вскоре новоиспеченный супруг вновь принялся ухаживать за женой Пушкина. Графиня Дарья Фикельмон писала по этому поводу в своем дневнике: «Вскоре Дантес, хотя и женатый, возобновил свои прежние ухаживания, свое прежнее преследование».

Сохранились свидетельства, что особо вызываяще Дантес вел себя по отношению к Наталье Николаевне 23 января 1837 года на балу у Воронцовых. Фикельмон сделала в те дни примечательную запись об этом вечере: «Он так скомпрометировал господа Пушкину своими взглядами и намеками, что все ужаснулись, и с тех пор Пушкин принял окончательное решение».

— **Что стало одним из главных доказательств в материалах дела?**

— Письмо. 25 января Пушкин направил нидерландскому посланнику настолько оскорбительное письмо, что на этот раз враги уже не могли уклониться от поединка. Так, факты опровергают и ложь Дантеса относительно его якобы учтивого по отношению к поэту поведения.

Напротив, допрошенный почти одновременно с Дантесом секундант поэта Константин Данзас совсем по-другому объяснил поведение Геккернов и их роль в трагической развязке. В его официальных показаниях отмечалось: «Геккерн даже после свадьбы не переставал дерзким обращением с женой его... давать повод к усилению мнения, поносительного как для его чести, так и для чести его жены». Эта формулировка в итоге была зафиксирована в материалах следствия и легла в основу многих официальных документов дела.

12 февраля состоялся четвертый допрос Дантеса. Уже по формулировкам вопросов, которые Военно-судная комиссия задавала подсудимому, становится ясно: судьи уделили самое пристальное внимание показаниям Дантаса. По сути, комиссия подробно разбирала версию о том, что именно вызывающее поведение молодого кавалергарда спровоцировало роковой вызов со стороны Пушкина.

Прошло всего лишь 10 дней с начала работы комиссии, а следователи уже фактически приняли версию секунданта поэта. Очевидным подтверждением тому служит едва ли не дословное совпадение вопросов, которые Военно-судная комиссия задавала Дантесу, с формулировками из предыдущего допроса Дантаса. Следствие приближалось к концу: собранных материалов было вполне достаточно для вынесения приговора.

— Были ли все-таки какие-то пробелы в следственных действиях?

— Да, были. Например, аудитор Маслов категорически не согласился с поспешным закрытием дела. Он подал официальный рапорт в Военно-судную комиссию с требованием вызвать на допрос Наталью Николаевну. Однако члены комиссии, изучив документ, вынесли отказное определение: «О заслушивании в комиссии рапорта аудитора Маслова о том, что он считает неизлишним потребовать от вдовы камергерши Пушкиной некоторые объяснения. А как комиссия при слушании вчерашнего числа дела имела оные в виду и нашла дело довольно ясным, то — дабы без причин не оскорблять г-жу Пушкину требованием изложенных в рапорте аудитора Маслова объяснений — определила: приобщив помянутый рапорт к делу, привести оное к окончанию...»

— Чего именно хотел аудитор и почему?

— Свои требования он изложил в трех пунктах. Он настаивал на том, чтобы официально спросить у вдовы:

1. «Не известно ли ей, какие безымянные письма получил покойный муж, которые вынудили его написать...

к нидерландскому посланнику барону Геккерну оскорбительное письмо, послужившее, как по делу видно, причиною дуэли...»

2. «Какие подсудимый Геккерн [Дантес], как он сам сознался, писал к ней письма или записки... и где все сии бумаги ныне находятся...»

3. «Из письма умершего подсудимого Пушкина видно, что посланник барон Геккерн, когда сын его... по болезни был содержан дома, говорил жене Пушкина, что сын его умирает от любви к ней и [умолял] возвратить ему его [любовь], а после уже свадьбы... они, Геккерны... давали повод к усилению поносительного для чести Пушкиных мнения».

Аудитор Маслов резюмирует свой рапорт следующим образом: «Посему я считал бы нужным о поведении господ Геккернов, в отношении обращения их с Пушкиной, взять от нее также объяснение. Если же Комиссии военного суда неблагоугодно будет истребовать от вдовы Пушкиной по вышеизложенным предметам объяснения, то я всепокорнейше прошу — дабы за упущение своей обязанности не подвергнуться мне ответственности — рапорт сей приобщить к делу для видимости высшего начальства».

Аудитор был достаточно опытным в юридических делах чиновником и профессионально указал на ряд упущений судебного следствия.

Во-первых, он был единственным, кто заметил, что в материалах отсутствует тот самый анонимный пасквиль («диплом рогоносца»), который послужил причиной всего конфликта.

Во-вторых, Маслов настойчиво обращал внимание коллег на то, что позднее Пушкин получал и другие оскорбительные анонимные письма, и пытался выяснить их происхождение.

В-третьих, аудитор, судя по всему, лично пришел к убеждению в виновности Дантеса, но был обеспокоен тем, достаточно ли улик собрано. Именно поэтому он предлагал конкретные способы сбора дополнительных доказательств, которые закрепили бы вину подсудимого, и так упорно настаивал на допросе вдовы поэта.

Кроме того, необходимо отметить стремление аудитора собрать убедительные доказательства вины старшего Геккерна, подчеркнув его сводническую и подстрекательскую роль в преддуэльных событиях. Не может не подкупить и то, что в своих выводах этот скромный судейский чиновник полностью исходил из позиции самого погибшего поэта, изложенной в его письме к нидерландскому посланнику.

Однако Военно-судная комиссия отклонила ходатайство Маслова, сославшись на две причины. Во-первых, по мнению судей, материалы дела были предельно ясны и без привлечения новых сведений. Во-вторых, члены комиссии заявили о нежелании причинять лишние моральные страдания вдове поэта.

Строго по закону аудитор, требовавший устранить пробелы в следствии, был абсолютно прав. Вопрос же о том, противоречил ли возможный допрос вдовы Пушкина нормам светской морали, — тема весьма деликатная. Забегая вперед, отметим: командующий Отдельным гвардейским корпусом генерал Бистром полностью солидаризировался с позицией скромного аудитора. А ведь Бистром входил в ближний круг самого императора и не понаслышке знал моральные принципы придворного общества.

— Каким был приговор?

— Дантеса приговорили к смертной казни через повешение. В отношении Пушкина суд постановил: «Надлежало бы назначить такое же наказание, но, как он уже умер, то суждение его за смертью прекратить».

Со смертной казнью вышла неувязка. С 1 января 1835 года вступил в силу Свод законов Российской империи 1832 года, и в соответствии с ним суд не мог в 1837 году приговорить кого-либо за дуэль к смертной казни. Это противоречило и сложившейся судебной практике.

Обычно за дуэль офицеров переводили из престижной столичной гвардии в армейские полки на периферию, например

на Кавказ, либо подвергали кратковременному заключению в крепости. Достаточно вспомнить судьбу Михаила Лермонтова, которого за дуэли дважды отправляли в действующую армию на Кавказ. Убийца же самого Лермонтова, Николай Мартынов, впоследствии был приговорен всего к трем месяцам гауптвахты, а секунданты и вовсе оказались прощены. Так что смертный приговор объяснялся недостаточной профессиональной юридической компетенцией как аудитора, так и членов Военно-судной комиссии, что и было исправлено в решении ревизионной (по-современному «кассационной») инстанции по делу — определении Генерал-аудиториата (вынесен и подписан девятью генералами — членами этой судебной инстанции). Там наконец-то уточнено настоящее придворное звание поэта: камер-юнкер, а не камергер.

— Кстати, почему вообще в материалах военно-судного дела Пушкин изначально именуется камергером?

— Авторитет поэта в обществе был настолько велик, что для современников он казался фигурой гораздо более высокого ранга. Камергером его поначалу именовали не только судьи Конного полка, но и сам Дантес, и представители николаевского генералитета — включая командира корпуса и других высокопоставленных военачальников. А ведь все они были людьми, искушенными в вопросах придворного этикета и чиновничьего производства.

И лишь генерал-аудитор 16 марта — то есть почти через месяц после вынесения приговора первой инстанцией — усомнился в столь высоком придворном звании поэта. В Придворную контору из Аудиторского департамента был направлен официальный запрос: «Какое имел звание умерший от полученной на дуэли раны Пушкин — камер-юнкера или камергера Двора его Императорского Величества?» В тот же день пришел ответ: «Умерший 29-го прошедшего генваря титулярный советник Александр Пушкин состоял при высочайшем дворе в звании камер-юнкера».

— И каким в итоге было решение Генерал-аудиториата?

— Лишение дворянского звания и разжалование в рядовые.

На следующий день, 18 марта 1837 года, император Николай I утвердил это решение, начертав на документе следующую резолюцию: «Быть по сему, но рядового Геккерна, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты». Фактически монарх свел наказание для Дантеса к чисто символическому.

— Как воспринял свое осуждение Дантес?

— Суровый приговор Военно-судной комиссии стал для него полной неожиданностью. Уже после оглашения приговора, но еще до того, как материалы дела ушли на рассмотрение в Генерал-аудиториат, Дантес отправил письмо на имя председателя комиссии полковника Бреверна. В этом послании подсудимый вновь пытался переложить всю вину на смертельно раненного поэта, сославшись на его необузданную и беспринципную ревность.

Однако этот документ примечателен другим. Дантес высказал в нем глубокую обиду на петербургское светское общество в целом и в частности посетовал на предвзятость членов комиссии, вынесших столь суровый приговор.

Как уже отмечалось, в самые трудные преддверные дни поэт оставался в страшном одиночестве. Напротив, Дантеса до самого рокового дня радушно встречали даже в салоне Карамзиных — людей, казалось бы, наиболее близких Александру Сергеевичу. К примеру, Софья Карамзина в письме брату Андрею открыто осуждала поведение Пушкина и сочувствовала «несчастному» Жоржу.

Однако после гибели поэта многие из тех, кто прежде принимал сторону Геккернов, были вынуждены изменить свое мнение. Поистине всенародная любовь к умирающему Пушкину и всеобщая скорбь оказались настолько мощными, что заставили светское общество содрогнуться. Даже те, кто раньше был настроен скептически, наконец осознали: Пушкин являлся

национальной гордостью и его нельзя было судить мелкими мерками великосветских салонов. Поэтому двери многих домов, где еще вчера Дантеса принимали с восторгом, навсегда для него закрылись.

Дантес сокрушался в письме: «Правда, все те лица, к которым я Вас отсылаю, чтобы почерпнуть сведения, от меня отвернулись с той поры, как простой народ побежал в дом моего противника...» Столь обиженный тон объяснялся тем, что суровый вердикт комиссии застал Дантеса врасплох. Подобного исхода он не допускал, ведь ответственность за участие в поединках обычно сводилась к формальным мерам. Очевидная поддержка со стороны высшего света воспринималась Дантесом как аванс будущего милосердия со стороны юстиции и гарантия того, что и в этот раз наказание окажется чисто символическим.

Дантес прекрасно помнил, что члены комиссии — это те самые люди, которые еще вчера принимали его в своих домах, восторгались его плоскими казарменными шутками и открыто принимали его сторону. Однако и Геккерны, и многие представители светского общества допустили роковую ошибку: они не смогли предвидеть широкого общественного резонанса и той искренней скорби, которую вызвала смерть Пушкина. Именно поэтому Военно-судная комиссия подошла к делу со всей строгостью.

— Как вел себя Дантес после оглашения приговора?

— О редкостной безнравственности убийцы великого поэта красноречиво говорит его поведение после дуэли. Разумеется, он понимал, что его блестящая российская карьера навсегда разрушена. Однако этот человек не унывал ни при каких обстоятельствах.

Лучше всего его душевное состояние передает письмо Андрея Карамзина, написанное близким через несколько месяцев после трагедии: «Странно мне было смотреть на Дантеса, как он с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном, как в дни былые». Примечательно,

что это происходило на балу в Бадене, устроенном русской знатью — то есть фактически тем самым высшим обществом, которое погубило Пушкина и для которого Дантес был «несчастливым».

— Признал ли суд причастным к дуэли приемного отца Дантеса — Геккерна-старшего?

— И в приговоре Военно-судной комиссии, и в определении Генерал-аудиториата фигурирует важнейший для установления истины документ — «Записка о мере прикосновенности к дуэли иностранных лиц». К их числу был отнесен и нидерландский посланник барон Геккерн.

Мера его вины в этом документе определялась следующим образом: «По имеющемуся в деле письму убитого на дуэли камергера Пушкина видно, что сей Министр [дипломатический статус посланника], будучи вхож в дом Пушкина, старался склонить жену его к любовным интригам с своим сыном, поручиком Геккерном».

И далее: «По показаниям подсудимого инженера-подполковника Данзаса, основанных на словах Пушкина, [барон Геккерн] поселял в публике дурное о Пушкине и жене его мнение насчет их поведения. А из собственного его, барона Геккерна, письма, писанного к камергеру Пушкину в ответ на вышеупомянутое его письмо, выражением онаго высказывал прямую готовность к мщению, для исполнения коего избрал сына своего, подсудимого поручика барона Геккерна».

Как видим, члены комиссии не проявили никакого снисхождения к нидерландскому дипломату. Оценка, которую Пушкин и Данзас дали преддуэльным событиям (и, в частности, откровенно своднической роли Геккерна-старшего), полностью подтверждается многочисленными мемуарами и свидетельствами современников.

В письме Александра Карамзина к брату, отправленном 13 марта 1837 года, эти события описываются так: «Дантес в то время был болен грудью и худел на глазах. Старик Геккерн

сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сына, потом стал грозить местию».

По свидетельству князя Вяземского, Наталья Николаевна после получения пасквилей «раскрыла мужу все поведение молодого и старшего Геккернов по отношению к ней», причем последний активно «стремился склонить ее изменить своему долгу».

Барон Фризенгоф (впоследствии женившийся на Александре Гончаровой, старшей сестре Натальи Николаевны) в письме Александре Ланской — дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака — также подтверждал: «Старый Геккерн написал вашей матери, чтобы убедить ее оставить своего мужа и выйти за его приемного сына».

Наконец, существует и монаршее свидетельство. Император Николай I так писал по этому поводу своему брату Михаилу: «Пушкин погиб и, слава Богу, умер христианином. Это происшествие возбудило тьму толков, наибольшей частью самых глупых, из коих одно порицание поведения Геккерна справедливо и заслуженно; он точно вел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто бы к ней умирал любовью».

Как видно, все эти свидетельства перекликаются с обвинениями самого поэта в адрес Геккерна-старшего. Именно пушкинская трактовка событий, как отмечалось ранее, легла в основу официальной судебной записки о мере причастности нидерландского дипломата к этой трагедии.

— Суд над Дантесом некоторые исследователи рассматривают как комедию — спектакль, поставленный по сценарию самого императора. Это действительно так?

— Подобное утверждение совершенно не соответствует историческим фактам. Более того, такая оценка этого процесса явно принижает то общественное положение, которое занимал Пушкин в жизни России — даже в суровых сумерках николаевского правления.

Никакой комедии не было и быть не могло. И сам ход процесса свидетельствовал об обратном. Да, суд проходил в полку, шефом которого был лично император. Да, офицеры Конного полка, и генералы Генерал-аудиториата, которых судьба избрала в судьи поэта, были тесно связаны со светским обществом. Однако члены комиссии и не думали шутить: они подошли к делу со всей серьезностью и вынесли Дантесу суровый приговор.

Военный суд отверг все объяснения Дантеса и его приемного отца, пытавшихся оправдать свои действия. В своем решении комиссия исходила исключительно из пушкинской версии событий. Как ни оценивай этот процесс, вывод очевиден: посмертно поэт победил!

Для нас, живущих в другом тысячелетии, это дело, вполне обыкновенное по формальному содержанию для николаевской юстиции, навсегда останется весьма необычным.

— Если бы суд над Дантесом проходил в наши дни, каким бы было решение?

— В современных реалиях убийство на дуэли, совершенное безотягчающих обстоятельств, квалифицировалось бы по части 1 статьи 105 УК РФ. Наказание по ней предусматривает лишение свободы на срок от 6 до 15 лет. Если же усмотреть в действиях Дантеса отягчающие обстоятельства, то обвинение предъявили бы по части 2 той же статьи. В этом случае ему грозило бы лишение свободы на срок от 8 до 20 лет, пожизненное заключение или смертная казнь. Впрочем, как известно, на применение высшей меры наказания в России сейчас наложен мораторий Конституционного суда.

В сети можно найти яркий пример подобной «современной дуэли» и ее реального судебного финала. 20 августа 2017 года возле кафе в центре Хабаровска произошел конфликт между мастером спорта международного класса по силовому троеборью Д. и другим посетителем — бойцом смешанных единоборств А.

После короткой словесной перепалки нетрезвые мужчины отправились выяснять отношения на улице. Примечательно, что Д. предлагал решить вопрос мирно: встретиться на следующий день в спортзале, чтобы провести спарринг. Однако его оппонент настоял на немедленном уличном «поединке». За начавшейся дракой наблюдали сотрудники Росгвардии и полиции, решившие не вмешиваться.

Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как А. ударом ноги повалил Д. на асфальт. Тот попытался подняться, но сразу же пропустил следующий выпад и оказался в нокауте. После этого нападающий нанес лежащему без сознания сопернику несколько ударов руками в голову. Медики не смогли спасти пострадавшего. А. был задержан.

Следователи вначале возбудили уголовное дело по части 4 статьи 111 УК РФ как «Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть», однако затем пере-квалифицировали по части 2 статьи 105 УК — убийство, совершенное из хулиганских побуждений, а Хабаровский краевой суд приговорил убийцу к 18 годам колонии строгого режима и штрафу.

Правда, по нашему мнению, квалификация действий виновного как убийства из хулиганских побуждений является достаточно сомнительной, и, как уже отмечалось, содеянное скорее подпадает под признаки части 1 статьи 105 УК РФ как убийство без отягчающих обстоятельств.

— Можно ли сейчас пересмотреть приговор по делу о смерти Пушкина? Не так давно депутат Законодательного собрания Ленинградской области даже направлял обращение на имя главы Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина с предложением инициировать новое расследование причин и обстоятельств гибели поэта.

— Увы, авторов подобных инициатив придется разочаровать. Реабилитация — это признание вынесенного приговора

неправосудным, то есть признание человека невиновным в совершении того деяния, за которое его судили. К нашему случаю это абсолютно неприменимо.

Никто, в том числе и Главная военная прокуратура РФ, не сможет опровергнуть очевидный исторический факт: Пушкин действительно стрелялся на дуэли с Дантесом. Согласно действовавшему в то время российскому законодательству, участие в поединке (причем не только самих дуэлянтов, но и их секундантов) безоговорочно рассматривалось как уголовное преступление.

Это соображение, если можно так выразиться, формально-юридического свойства. Но кроме него есть и нравственная сторона вопроса. В приговоре старого военного суда нет ничего, что оскорбляло бы репутацию поэта. В те времена дуэль была для дворянина законным способом защиты чести, к которому Александр Сергеевич прибегал достаточно часто.

Не надо принижать и духовный облик гвардейских офицеров и генералов, на чью долю выпала нелегкая ноша — судить участников дуэли Пушкина. Вынося суровый приговор, члены комиссии наверняка прекрасно осознавали, кем был погибший поэт для России и ее культуры.

И последнее, что хочется сказать авторам подобных «сенсационных» инициатив: сегодня просто не существует инстанции, которая имела бы законное право отменить приговор, вынесенный во второй четверти XIX века. Этим правом не наделен даже Верховный суд РФ. Нет у него для этого — и слава богу! — никаких юридических полномочий. В этом вопросе окончательную точку уже давно поставила сама история.

— Если не считать упомянутой инициативы, много ли вообще появлялось «сенсационных» открытий в трактовке событий последней дуэли Пушкина?

— Более чем достаточно. Общественное мнение, по-видимому, никогда не смирится с безвременной гибелью поэта, поэтому интерес к обстоятельствам поединка не утихает.

Медики до сих пор спорят о том, можно ли было спасти тяжело раненого Александра Сергеевича. Криминалистам же не дает покоя тот факт, что Дантес отделался лишь легким ранением. Вначале это объясняли тем, что пуля Пушкина срикошетила от пуговицы на мундире.

Однако известный писатель В. В. Вересаев высказал предположение, что в этой истории не все чисто, будто на Дантеса была надета нательная кольчуга — и именно она, а не пуговица спасла ему жизнь.

В начале 1990-х годов криминалисты выдвинули другую версию. Будто бы Данзас прямо на глазах у секунданта соперника, д'Аршиака, тайно уменьшил — возможно, наполовину — заряд пороха в пистолете Пушкина, чтобы искусственно снизить убойную силу выстрела.

Следующая «сенсация» появилась в газете «Совершенно секретно» в марте 1997 года. В объемном материале под громким названием «Пушкин был убит киллером» на полном серьезе доказывалось, что роковой выстрел совершил вовсе не Дантес. По версии авторов, Геккерн-старший вместе с секундантами нанял... профессионального снайпера!

Очередная «сенсация» была опубликована в газете «Совершенно секретно» в феврале 1999 года (№2). В материале под названием «Тайное хобби Пушкина» утверждалось, будто великий поэт являлся автором глубоких научных работ, посвященных артиллерийскому делу. В авторстве создатели теории не сомневались, ведь архивные документы были прямо подписаны «А. Пушкин». Да, ничего не попишешь: ошибся, оказывается, поэт в своем истинном предназначении! Если бы не его увлечение поэзией, какой бы специалист по артиллерийскому делу из него получился! Буквально зарыл Александр Сергеевич в землю свой инженерный талант.

Думается, что все подобные «открытия» не заслуживают серьезного научного опровержения.

— А что вы думаете о версии, связанной с болезнью Пушкина?

— Понимаю, о чем вы. В свое время в двух номерах газеты «Московский комсомолец» была опубликована очень серьезная и интересная статья Владимира Козаровецкого «Тайна пушкинской дуэли». В ней достаточно аргументированно исследовалась гипотеза о том, что поэт страдал болезнью Паркинсона. Якобы именно этот недуг заставил Александра Сергеевича сознательно пойти на дуэль, чтобы погибнуть.

Да, подобный взгляд в литературоведении существует. Однако эта версия категорически не соответствует установленным в суде фактам — в частности, поведению тяжело раненого поэта. В материалах дела сохранились подробные свидетельства обоих секундантов. Вот слова д'Аршиака: «Господин Пушкин был ранен, что он сам сказал, упал на шинель, которая была вместо барьера, и остался недвижим лицом к земле. Секунданты приблизились, он до половины приподнялся и сказал: “Погодите...” Г-н Пушкин, опершись левою рукою об землю, прицелил твердой рукою, выстрелил. Недвижим с тех пор, как выстрелил, барон Геккерт, раненый, также упал».

Данзас подтвердил эти показания, добавив важную деталь: «Когда Пушкин упал, то Геккерт [Дантес] сделал движение к нему; после слов же Пушкина, что хочет стрелять, он возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правою рукою». Согласитесь, такое поведение раненого поэта совершенно опровергает версию о его сознательном стремлении погибнуть на этой дуэли.

Думается, все подобные гипотезы лишь иллюстрируют тщетные попытки историков и криминалистов реконструировать некую альтернативную «истину», так как подобные предположения обязательно должны соответствовать твердо установленным фактам преддуэльных событий и самого поединка на Черной речке.

Письмо Татьяны

Казалось, что после экспертизы пушкинского дивана и подробнейших изысканий профессора Наумова вряд ли произойдет какое-то новое крупное открытие, касающееся Пушкина. Однако в начале 2026 года мне позвонили эксперты и сообщили сенсационную новость: *«Мы установили ранее неизвестный подлинник рукописи поэта!»*

Знаменитые строчки «Я к вам пишу — чего же боле?» знакомы, пожалуй, каждому со школьной скамьи. Но теперь мы наконец-то можем увидеть, какими их зафиксировал сам автор. Исследование, которое провели в Федеральном центре судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России, официально подтвердило: текст действительно написан рукой Александра Сергеевича Пушкина.

До сих пор были известны лишь два оригинальных варианта письма: черновой набросок и чистовик, предназначенный для публикации. Новое открытие свидетельствует о существовании еще одной копии, предназначенной для отправки цензору (на нем есть соответствующая пометка). Письмо датировано 1826 годом, то есть в 2026 году ему ровно 200 лет.

Удивительное совпадение — эксперты обнародовали свои выводы о письме накануне 195-летия со дня венчания Пушкина с красавицей Натальей Гончаровой (состоялось 2 марта 1831 года в церкви у Никитских ворот).

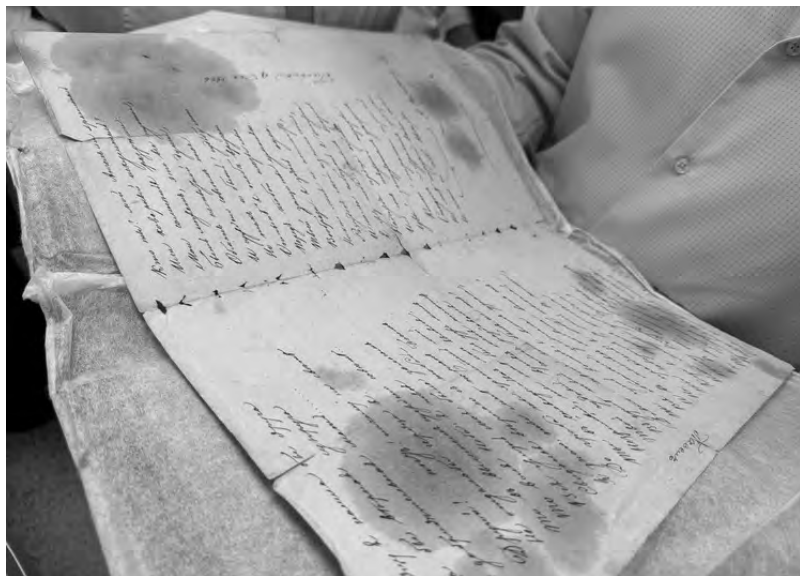
«№1» — эта пометка стоит на желтой страничке. Под ней надпись «Письмо Татьяны», выведенная аккуратным, красивым почерком. И дальше строчки, которые вошли в знаменитое произведение Пушкина «Евгений Онегин»:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня...

Этот документ, состоящий из двух листов, летом прошлого года принесла экспертам Центра Минюста женщина-коллекционер. Она сообщила, что обнаружила его в семейном архиве. Разумеется, сразу поняла, что это письмо Татьяны из произведения Пушкина. И почерк узнаваемый (подпись великого поэта есть почти в каждой книге его стихов, когда бы они ни были изданы). А поскольку семейный архив содержал в себе много подлинных исторических документов, то родилась надежда — вдруг это написал своей рукой сам Пушкин?

Коллекционер отправилась в Санкт-Петербург — в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, где хранятся почти

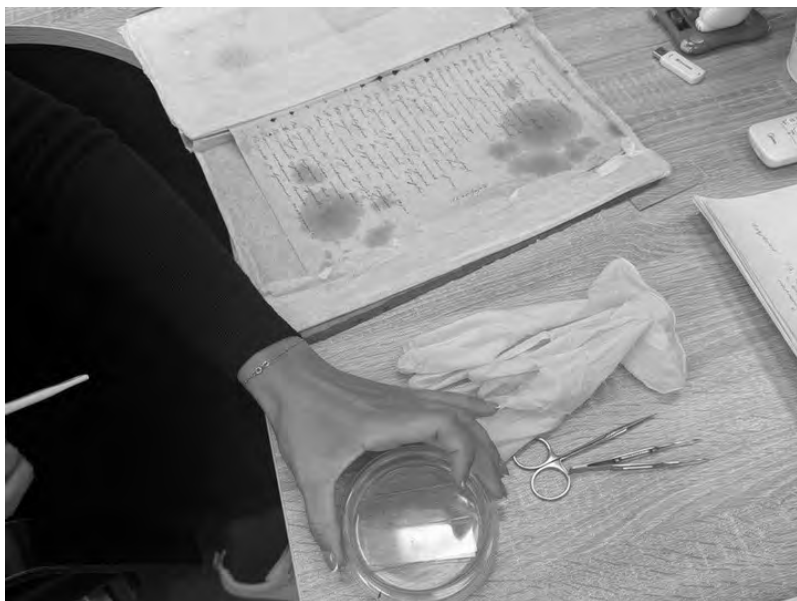
Неизвестное письмо Татьяны.

Фото предоставлено автору Российским федеральным центром судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России

все (а точнее, около 98%) рукописи великого поэта. Сравнила находку с ними — вроде бы все сходится. Но однозначный ответ могла дать только экспертиза. Так автор удивительной находки оказалась в Федеральном центре судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте.

— К нам часто попадают различные интересные исторические документы, — говорит эксперт Центра Наталья. — Но рукопись, которая может принадлежать перу Пушкина, мы видели впервые. Признаюсь, были удивлены и взволнованы. На нас лежала большая ответственность.

Рукопись была проложена пергаментной бумагой. Благодаря тому, что листы не были скреплены между собой, документ прекрасно сохранился до наших дней.

Исследование рукописи.

Фото предоставлено автору Российским федеральным центром судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России

На самих страницах видны пожелтевшие со временем пятна и округлые следы. Может быть, в какой-то момент кто-то поставил на бесценное письмо стакан с чаем или уронил на нечистый пол. За два столетия-то чего только не могло произойти! Но главное — письмо сохранилось, оно прекрасно читается.

— Мы собрали комиссию экспертов, — говорит представитель Центра Ольга Мошканова. — Комиссия решала, в какой последовательности будут проводиться исследования. Всего были задействованы наши четыре отдела и 20 специалистов.

Работа заняла почти полгода. Это объясняется тем, что использовались только те методы, которые позволяют сохранить документ без повреждений.

— Сначала исследовали рукопись методом рентгенофлуоресцентного анализа, — говорит другой эксперт. — Затем — методом инфракрасной спектроскопии. Для последнего исследования взяли образцы бумаги размером приблизительно один-два миллиметра. Кроме того, были отобраны микроскопы материала, которым написано письмо. Вот так получилось установить, что письмо написано чернилами. Они, как оказалось, содержали в себе танины (дубильные вещества), что характерно для железистых, железогалловых или орешковых чернил. Как раз такие использовались и в XVIII веке, и до середины XX века. Что касается бумаги, она тоже относилась к этому периоду, а с помощью инструментальных методов и исследования волокнистого состава получилось установить ее состав. Бумага сделана на основе хлопковой и льняной целлюлозы, то есть это «тряпичная» бумага, которая изготавливалась из натуральных волокон, полученных в результате переработки тряпок, и широко применялась именно в ту эпоху.

Но самое, пожалуй, интересное — это экспертиза почерка. Для сравнения были взяты болдинские рукописи, а также рабочие

тетради Пушкина. Образцы были представлены в высоком разрешении в электронном виде. Период разный — начиная с лицейского времени и до самой смерти поэта.

— Сложность была в том, что у поэта во время создания «Письма Татьяны» в написании слов еще преобладали элементы с французскими буквами и кириллицей, которая тогда применялась, — рассказывает сотрудник отдела технической экспертизы. — Но нам хватило объема рукописей Пушкина, среди них нашлись и на французском языке. Так что было что сравнивать с объектом нашего исследования. Мы создали специальную таблицу, куда занесли каждую букву и каждый знак препинания из письма для дальнейшего анализа символов. Все варианты просчитали, устойчивость нашли (если говорить нашими терминами).

Эксперты ответили на три поставленных перед ними вопроса.

Первый — соответствует ли бумага представленного документа периоду, указанному в нем, то есть 9 декабря 1826 года?

Ответ: бумага соответствует указанному периоду в документе.

Второй вопрос — соответствует ли материал, которым выполнены рукописные записи, периоду, указанному в нем, — 9 декабря 1826 года?

Ответ: материал письма по своему составу соответствует периоду, указанному в документе.

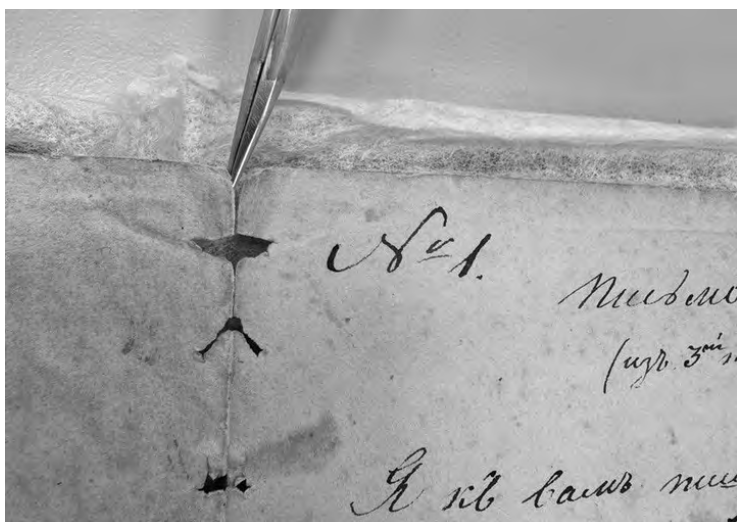
Третий вопрос — Александром Сергеевичем Пушкиным или иным лицом выполнен рукописный текст в исследуемом объекте?

Ответ: Александром Сергеевичем Пушкиным.

Само содержание письма эксперты не исследовали, так что не могут сказать, отличается ли оно хоть в чем-то от того письма Татьяны, которое мы все учили в школе. Впрочем, очевидно, что отличается хотя бы использованием французских букв. Несомненно, теперь письмо будет исследоваться уже совсем другими экспертами — лингвистами, историками, литераторами и т.д. А это значит, что нас может ждать несколько научных открытий.

Кстати, у письма есть еще одна особенность — цензурная надпись, сделанная рукой главного цензора того периода — Павла Ивановича Гаевского.

— Держать в руках рукопись Пушкина — это восторг, — делится впечатлениями от проделанной работы эксперт Центра. — На протяжении всей работы мы проводили фото- и видеосъемку, потому что понимали: это история, ее важно сохранить для потомков.

Письмо Татьяны.

Фото предоставлено автору Российским федеральным центром судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России

Вообще сама по себе находка подлинника письма Татьяны — чудо. И это подарок не только всем пушкиноведам и пушкинолюбам. Ведь считалось, что все подлинные документы Пушкина давно известны. Обнаружение нового экземпляра — это практически научная сенсация. Ну а то, что это произошло ровно в год 200-летия написания письма и 195-летия со дня венчания Пушкина, можно воспринимать как добрый знак.

...Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю.

Этими строчками заканчивается письмо. Под ними подпись «А. Пушкин» и знак в виде большой красивой буквы «зет». Она символизировала завершение. Это такой способ подчеркнуть, что письмо окончено. Как и завершено комплексное исследование ценнейшего документа.

«Мултанское дело»: грандиозная фальсификация

Ошибки суда и следствия в Российской империи, как и в любом другом государстве, случались всегда. Но в некоторых случаях их было особенно трудно исправлять на фоне фальсификаций и мракобесия. Именно они привели к громкому «Мултанскому делу» — процессу о жестоком убийстве в селе Старый Мултан, которое следствие объявило «ритуальным жертвоприношением».

В 1892 году на сельской дороге обнаружили обезглавленное тело крестьянина. Следствие выдвинуло версию, что это ритуальное убийство в угоду языческим богам. Вскоре на скамье подсудимых оказались более десяти местных жителей-удмуртов. Все они категорически отрицали свою вину.

Благодаря вмешательству писателя Владимира Короленко, а также поддержке выдающегося юриста Анатолия Кони обвиняемых полностью оправдали, а миф о человеческих жертвах был развеян. Само «Мултанское дело» стало в России синонимом кровавого навета.

Об этом процессе написано множество книг и статей, однако споры вокруг него не утихают до сих пор. Настоящие убийцы так и не были преданы суду, а мотивы преступления по сей день остаются загадкой.

Изучить материалы дела мне удалось благодаря заведующему сектором Института государства и права РАН, доктору юридических наук Александру Чучаеву. Ему, в свою очередь, в поиске документов помог Следственный комитет РФ.

Обвиняемые по мултанскому делу и их защитники

Но обо всем по порядку.

Александр Чучаев занимается юридической археологией — областью правовой науки, которая включает в себя детальную историческую реконструкцию и анализ резонансных судебных процессов. Он обратил внимание на важную деталь: ни в одной публикации о «Мултанском деле» нет глубокого анализа первоисточников. Из-за этого возникло множество разночтений — авторы называют даже разное число подсудимых: 10, 11, 12 и 14 человек. Устранить эти противоречия можно было только с помощью оригинальных документов, и ученый задался целью их отыскать. Задача оказалась крайне сложной.

Поиски материалов начались с архивов Удмуртии, но не принесли результатов. Местные архивисты высказали предположение: если уголовное дело не уничтожено, оно может храниться в Кировской области. Однако и там документов не оказалось. Поиски зашли бы в тупик, если бы не помощь заместителя председателя Следственного комитета России, профессора Александра

Федорова, который также серьезно увлекается историей и исследует становление следственных органов в России.

В итоге уголовное дело обнаружили в Государственном архиве Республики Татарстан.

На его обложке синими чернилами от руки выведено: «Дело Сарапульского окружного суда. С присяжными. О крестьянах А. Андрееве, Д. Степанове, Андриане Александрове и других, обвиняемых в убийстве с целью жертвоприношения».

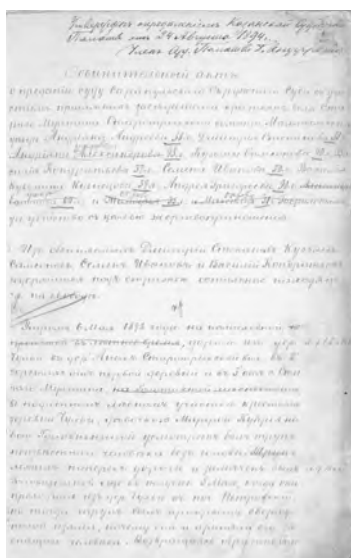
Внизу стоит пометка: судебное дело начато 9 сентября 1894 года, окончено 10 декабря того же года. Таким образом, этот конкретный судебный процесс длился три месяца.

Всего в деле два небольших тома, содержащих 205 листов. В них подшиты основные процессуальные документы.

Обвинительный акт был составлен 24 августа 1894 года. Согласно документу, перед судом предстали: «Анисим Андреев, 38 лет, Дмитрий Степанов, 31 год, Андриан Александров, 43 года, Кузьма Самсонов, 40 лет, Василий Кондратьев, 37 лет, Семен Иванов, 50 лет, Василий Кузьмин

Обложка Мултанского дела

Обвинительный акт

Кузнецов, 39 лет, Андрей Григорьев, 90 лет, Александр Ефимов (сверху приписано: “умер”), Тимофей и Максим Гавриловы». Отдельно отмечалось, что под стражей находились далеко не все фигуранты, а только Степанов, Самсонов, Иванов и Кондратьев. Остальные обвиняемые во время процесса оставались на свободе.

Вот как в обвинительном акте описывается обнаружение тела:

Утром 6 мая 1892 года на пешеходной дороге, не проезжей в летнее время, из дер. Чульи в дер. Анык Старотрыкской волости, в 2-х верстах от первой деревни и в 3-х верстах от с. Старого Мултана, на болотистой местности в податном лесном участке крестьян деревни Чульи Марфой Куприяновой Головизниной усмотрен был труп неизвестного человека без головы. Труп лежал поперек дороги и замечен был Головизниной еще в полдень 5 мая, когда она проходила из дер. Чульи в поч. Петровский, но тогда труп был прикрыт сверху полкой азяма [верхняя крестьянская одежда]. Возвращаясь обратно, Головизнина нашла неизвестного лежащим на том же месте, только пола азяма была кем-то откинута и видно было отсутствие головы...

Там же излагается суть обвинения: крестьянина убили для принесения в жертву языческим богам. По версии следствия, в моленном шалаше мужчине отрезали голову, подвесив тело так, чтобы вся кровь стекла.

Приведу еще одну цитату из обвинительного акта:

...Нищенское состояние покойного, не имевшего никаких ценностей, на которые мог бы польститься убийца, наконец, целость всей бывшей с ним одежды, оставление трупа на дороге, где присутствие его не могло быть незамеченным, и, главным образом,

самый способ убийства, соединенный с обескровлением трупа и вырезанием из него грудных внутренних и головы, указывали, что убийство Матюнина совершено умышленно и притом с какой-либо особой религиозной или суеверной целью, для которой необходимы были кровь покойного и его внутренности.

Материалы дела наглядно обнажают грубые ошибки и странности расследования. Мы разбираем их с Александром Чучаевым, строго придерживаясь хронологии.

Тело без головы обнаружили **5 мая 1892 года**.

На месте происшествия урядник Соковников оказался лишь **7 мая 1892 года**. По документам, найденным в валявшемся рядом мешке, установили личность убитого. Им оказался крестьянин села Завод-Нырты Конон Матюнин, страдавший падучей (эпилепсией). К моменту приезда урядника на лесной тропинке успели потоптаться десятки любопытных — они осматривали тело и сами разыскивали голову, полностью уничтожив возможные улики. Не составив протокола осмотра, Соковников сообщил о страшной находке судебному следователю 2-го участка Малмыжского уезда, сразу выдвинув голословное предположение: Матюнина убили удмурты.

Становой пристав Тимофеев пошел еще дальше. Опираясь на дремучие слухи о том, будто вотяки (историческое название удмуртов) каждые 40 лет приносят человека в жертву, он изначально задался целью доказать версию о ритуальном убийстве. Во дворе местного крестьянина Моисея Дмитриева пристав обнаружил запачканное кровью корыто, а в клетке — окровавленный полог. Вещдоки он изъяс, опять же проигнорировав составление протокола. Пол в молельном шалаше показался ему сырым (на самом деле там просто крыша протекала). И всего этого оказалось достаточно для того, чтобы взять Дмитриева под стражу.

О качестве расследования наглядно говорит тот факт, что следователь осмотрел место происшествия только **10 января 1893 года** — после письменного указания товарища прокурора

Раевского. Что можно было обнаружить там спустя практически восемь месяцев, зимой?!

При этом еще **17 мая 1892 года**, вскоре после обнаружения тела, в Мултан прибыл следователь Казанский. Тогда все действия ограничились лишь беглым осмотром ритуального шалаша. Впоследствии эту постройку осматривали еще трижды. Каждый раз там находили волосы, которые обвинение демонстрировало в суде как доказательство того, что Матюнина убили здесь. Позже экспертиза установила: человеческие волосы не принадлежали покойному, а часть находок и вовсе оказалась шерстью животных.

3 июня 1892 года по делу арестовали еще семерых крестьян: Титова, Андреева, Яковлева, Степанова, Максимова, Петрова и Терентьева. Все они были уважаемыми и влиятельными людьми среди удмуртов, принимавшими участие в религиозных обрядах. Единственным основанием для их задержания стали голословные утверждения волостного старшины о том, что Матюнина зарезали в шалаше Дмитриева.

28 июня 1892 года следователь вынес постановление о привлечении к ответственности сразу 11 человек. Дмитриева, Петрова, Степанова, Титова, Максимова, Яковлева, Андреева, Гаврилова, Терентьева, Александрова и Иванова официально обвинили в убийстве Конона Матюнина с целью ритуального жертвоприношения.

В **декабре того же года** обвинение предъявили еще одному удмурту — Кузьме Самсонову. На его рубаше и штанах обнаружили пятна крови. Самсонов работал мясником, поэтому наличие крови на его одежде было вполне естественным. Однако следствие этот факт не смутил — как и то, что вещи у подозреваемого изъяли спустя семь месяцев после совершения убийства.

Собранных за 15 месяцев доказательств оказалось недостаточно для передачи дела в суд, поэтому следствие длилось еще 12 месяцев.

В **конце 1893 года** новая следственная группа — пристав 4-го стана Шмелев и урядник Иванов — нашла новые «улики». Ряд

допрошенных ими лиц, ранее ничего не знавших о случившемся, дали нужные обвинению показания. Среди них оказался и некий арестант Голов, неоднократно судимый за мошенничество и клевету. Именно он стал основным свидетелем по делу: его показания легли в основу будущего обвинительного приговора.

Только 27 июля 1894 года Раевский составил обвинительный акт по делу. Уголовное преследование в отношении Дмитриева, его жены (они к этому времени умерли), Петрова, Терентьева, Максимова, Яковлева и Титова прекратили за отсутствием улик. Однако за сухими строками процессуального акта скрывалась совсем иная картина, особенно в ситуации с освобождением Титова. Следствие заключило с ним тайную сделку: он должен был оговорить остальных подсудимых и стать основным свидетелем обвинения. Каковы были истинные мотивы поведения Титова, сейчас уже сказать невозможно, но надежд следствия он в итоге не оправдал. На судебном процессе, объясняя изменение показаний, заявил, что дал их в результате побоев и истязаний.

На фальсификациях и грубых просчетах, которые выявил в материалах дела Александр Чучаев, стоит остановиться подробнее.

Во-первых, ряд свидетелей показали, что накануне гибели Матюнин находился вовсе не в Мултане, а в селе Кузнерка. Хозяин дома, где он ночевал, подтвердил это. Следовательно, уже одно это исключает версию убийства в Мултане.

Во-вторых, затоптанные следы. Они вели из Чульи (может быть, поэтому труп переносили на другое место за мзду?), если бы они были из Мултана, вполне можно предположить, что они бы сохранились... На месте обнаружения тела валялись окровавленные щепки, пристав их уничтожил как не имеющие отношения к произошедшему, не указав это в протоколе. На самом деле они разрушали версию следствия: наличие крови на земле доказывало, что мужчину убили прямо на дороге, а вовсе не обескровливали в ритуальном шалаше.

В-третьих, в промежуток между обнаружением тела Марфой Головизниной и приездом урядника кто-то явно переворачивал или переодевал покойника, так как при осмотре азиям уже находился за лямками котомки (вероятно, это сделано для того, чтобы было видно отсутствие головы).

Примечателен и другой важный эпизод. Со стороны обвинения в суде участвовал ведущий специалист по истории и культуре финно-угорских народов Поволжья, профессор Казанского университета Иван Смирнов. Он был убежден, что удмурты в прошлом практиковали человеческие жертвоприношения, а значит, могли совершить подобное и теперь.

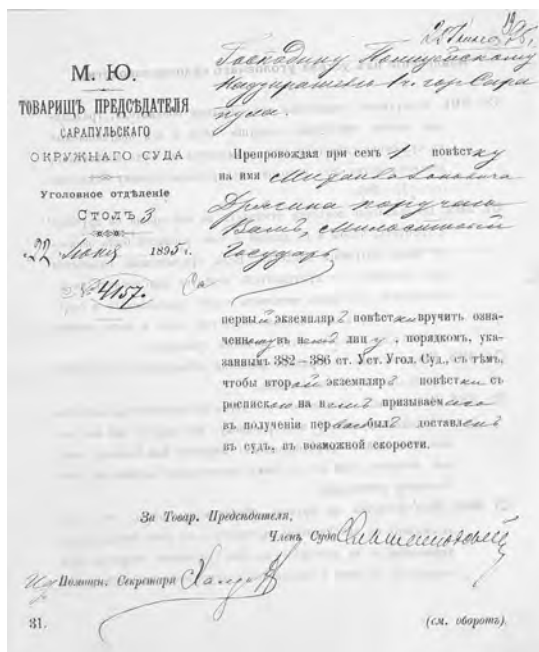
Владимир Короленко жестко раскритиковал позицию ученого, обвинив его не просто в некомпетентности, но и в преднамеренной фальсификации фактов. Писатель отмечал: *«...представителю ученой экспертизы... приходилось ссылаться не на факты, а на сказки и притом не вотского, а черемисского народа, который в каннибализме никем не обвинялся»*.

Со стороны защиты выступал Григорий Верещагин — первый удмуртский ученый и просветитель, собравший уникальные материалы по этнографии своего народа. Он категорически не согласился с выводами Смирнова. Кроме того, суду представили доклад отделения этнографии Императорского Русского географического общества. На основе архивных документов XVIII века, принадлежавших Святейшему синоду и Вятской духовной консистории, исследователи доказали: в истории края не зафиксировано ни одного случая человеческого жертвоприношения.

Возможное признание судом наличия человеческих жертв в верованиях удмуртов имело бы катастрофические последствия, далеко выходящие за рамки конкретного уголовного дела.

По делам об убийствах ключевое значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы. Что же по этому поводу думали врачи?

Согласно материалам дела, вскрытие тела провели лишь через месяц после его обнаружения. На трупе имелись ножевые раны, однако эксперты не смогли точно определить их количество: в разных отчетах фигурировали цифры от 3 до 10.

Повестка, отправленная судом надзирателю тюрьмы, где содержались обвиняемые

В Елабужском суде на процессе были допрошены три судебно-медицинских эксперта. Их мнения принципиально разошлись в главном вопросе: каков был сам механизм причинения смерти? Проще говоря, от чего именно скончался мужчина — от удушения или от ножевых ран? Более того, проводивший вскрытие врач Минкевич умудрился изменить свою позицию в ходе судебного следствия. Изначально он утверждал, что «повреждения... могли произойти... от подвешивания за ноги во время убийства с целью обескровить труп...».

— Замечу, что рост убитого и высота шалаша, в котором якобы было совершено убийство, исключали подвешивание, — говорит Чучаев. — Как бы то ни было, затем Минкевич опроверг свое же заключение, заявив, что исследование трупа исключает какие-либо признаки жертвоприношения и свидетельствует об осквернении тела.

Судов было несколько.

Первый раз дело рассматривалось в 1894 году. Присяжные заседатели (большинство из которых составляли местные крестьяне) и коронный суд признали доказанным факт ритуального убийства. Трех обвиняемых оправдали из-за недоказанности их участия в преступлении, а остальных приговорили к каторжным работам на срок от восьми до десяти лет с последующей ссылкой в Сибирь.

Защита подала обстоятельную, хорошо аргументированную кассационную жалобу в Сенат, который отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение, но уже в Елабужский окружной суд и в совершенно ином составе присяжных.

В архивных документах подробно указаны мотивы этого решения.

Сенат, в состав которого входил легендарный юрист Анатолий Кони, пришел к выводу, что были допущены существенные нарушения, — объясняет Чучаев. — Их перечень оказался внушительным: ущемление прав защиты при допросе свидетелей, предвзятость при оценке достоверности их показаний и вещественных доказательств — в частности, тех самых седых волос, обнаруженных, как было указано, при обысках спустя долгое время после гибели Матюнина. Но главное, цитирую: «В обвинительном акте не было явно и точно установлено самое существование между вотяками человеческих жертвоприношений и не были

указаны с достаточной полнотой фактические основания для обвинения каждого из... подсудимых в тяжком, влекущем за собой уголовное наказание, преступлении».

После первой отмены приговора министр юстиции Николай Муравьев выразил недоумение по поводу слишком строгого отношения Сената к допущенным судом нарушениям. Но при этом его волновало, кажется, только одно: что он скажет государю, если тот поинтересуется делом. Муравьев допускал, что императору о нем сообщит Победоносцев (член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего синода, преподаватель законоведения наследникам престола), которому особо не понравился ряд мест заключения. Ответ Кони был прост: кассационный суд для того и существует, чтобы отменять приговоры, вынесенные с нарушением коренных условий правосудия, сколько бы раз эти нарушения ни повторялись.

Второй суд опять отказал во всем защите, в том числе в вызове эксперта-этнографа П. М. Богаевского, но зато удовлетворил все просьбы обвинения. Плюс ко всему в подготовительной части второго заседания принимал участие тот же судья, что постановил первый обвинительный приговор. Подсудимые вновь были признаны виновными в совершении убийства с целью человеческого жертвоприношения и приговорены к длительным срокам каторжных работ и ссылке в отдаленные места Сибири.

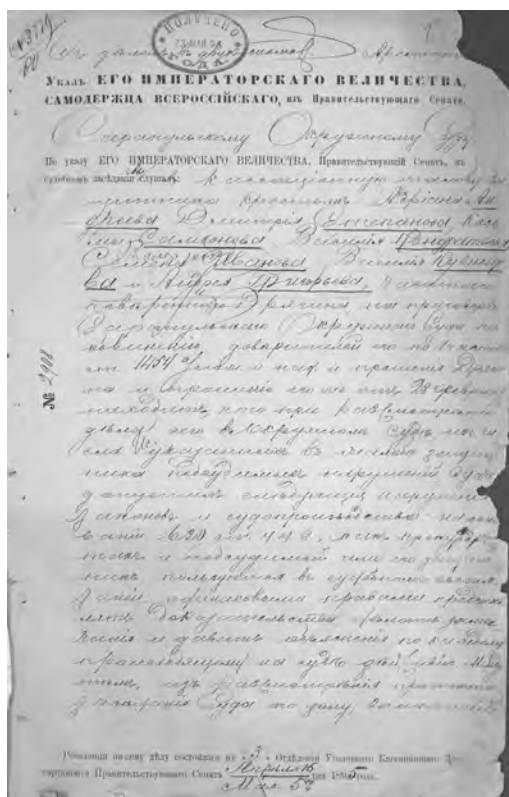
Защита вновь обратилась с кассационной жалобой в Сенат.

Сенат отменил приговор суда по тем же основаниям, что и в первый раз. По сути, он пришел к выводу, что «Мултанское дело» представляет собой явную судебную фальсификацию, призванную скрыть все недозволенные методы предварительного расследования.

Кстати, заключение по делу готовил Анатолий Кони, в то время вновь исполнявший обязанности обер-прокурора департамента.

Приведем его цитату: «Рассмотрев принесенную на этот приговор кассационную жалобу, Сенат нашел, что при производстве дела было нарушено равноправие сторон и, вопреки требованию закона, допущены показания свидетелей “по слуху”».

Третий судебный процесс поначалу шел по тому же сценарию. Судьи по-прежнему отклоняли ходатайства защиты и удовлетворяли запросы обвинения. Результат мог бы оказаться тем же, но тут уже была усилена защита! Интересы удмуртских крестьян в зале суда отстаивали выдающийся российский адвокат Николай Карабчевский, присяжный поверенный Петр Красников, частный поверенный Михаил Дрягин и лично Владимир Короленко.

Указ императора о равноправии сторон на суде

Дрягин представил суду анализ фактических обстоятельств дела, Красников — медицинских заключений. В многочасовой речи Карабчевский показал противоречия в показаниях свидетелей, некомпетентность экспертов, непрофессиональный сыск, недопустимые приемы расследования (пытки).

«Большое горе и несчастье — преступление, — подчеркивал выдающийся адвокат, — но преступные и безнравственные приемы расследования — еще большее горе и несчастье. Это аксиома, которой проникнут весь гуманный дух наших уставов».

Александр Чучаев уверен: Владимир Короленко выступил на процессе скорее не как защитник, а как эксперт-этнограф. Он продемонстрировал поразительные знания мифологии, фольклора и религиозных обрядов удмуртов, а также детально раскрыл перед присяжными эволюцию языческих верований.

Благодаря усилиям защиты, общественному вниманию обвиняемые были оправданы. Но, как говорится, есть нюансы. И вот как их описывает Чучаев.

Во-первых, некоторые из подозреваемых не дожили до оправдательного приговора. Во-вторых, подсудимые были оправданы, но травля удмуртов не прекратилась. На этом этапе к ней подключилась пресса, в частности «Московские ведомости», «Новое время» и другие издания. Эту позорную кампанию Владимир Короленко описал в письме Кони, обратив внимание на еще один путающий аспект проблемы. В ходе судебных заседаний обвинитель Раевский утверждал, будто «ритуальные убийства» совершались годами, но оставались нераскрытыми лишь из-за взыточничества прежних судей. Эту же позицию защищал вятский вице-губернатор Николай Блинов. Он настаивал, что до «Мултанского дела» местные власти сознательно укрывали подобные преступления, что «обошлось недешево воякам». Владимир Короленко задался резонным вопросом: материал напечатан в газете «Вятка», значит, прошел цензуру, книга продается в официальном

учреждении, следовательно, в укрытии «жертвоприношения» или иного убийства повинна уже вся администрация?

Максим Горький писал: *«Мултанское жертвоприношение»* вотяков — процесс не менее позорный, чем дело Бейлиса, принял бы еще более мрачный характер, если б В. Г. Короленко не вмешался в этот процесс и не заставил прессу обратить внимание на идиотское мракобесие». Напомним, что Бейлис также обвинялся в ритуальном убийстве (якобы умертвил 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища), провел два года в тюрьме.

Проведя собственное расследование, Владимир Короленко фактически установил истинных виновников преступления, однако их имена раскрывать не стал. В официальных судебных томах этих сведений нет — изученные архивные материалы обрываются на оправдательном приговоре. У меня создалось стойкое впечатление, что за прошедшие 100 лет из дела могли бесследно исчезнуть ключевые материалы.

По сути, преступление так и осталось нераскрытым. Лишь в 1932 году историк-этнограф Михаил Худяков обнаружил имена тех, кого он считал убийцами. Ими, по его мнению, были Тимофей Васюкин и Яков Конешин из деревни Анык.

История их мести оказалась банальной и страшной. За совершенное воровство они были изгнаны из села Анык, просили принять их в Старый Мултан, но мултанцы отказали им. Тогда они пригрозили отомстить. И отомстили. Один из них признался в убийстве на исповеди священнику Тукмачеву. Но разглашать тайну исповеди нельзя, и это сделало невозможным привлечение преступника к ответственности.

Конечно, сводить мотив этого страшного преступления к мести — значит упускать главное. За этим убийством скрывалось вполне прагматичное желание: добиться выселения мултанцев, чтобы занять их плодородные земли, выгодно отличающиеся от угодий близлежащих сел. Именно она обуславливала

постоянные тяжбы крестьян соседних деревень из-за земли, пастбищ и покосов.

Почему вообще стало возможным «Мултанское дело»?

Александр Чучаев уверен, что сыграли роль три фактора. Первый — несовершенство отправления правосудия (хотя дело уже рассматривалось после Судебных реформ 1864 года, утвердивших передовые принципы судоустройства). Второй — полицейский произвол, мздоимство, карьеризм чиновников. Третий — безграмотность населения, отягощенная предрассудками.

Глубинные же причины лежали в этноконфессиональной плоскости. Местные светские и церковные власти боролись с языческими верованиями и связанными с ними обрядами (например, как у вотяков — моления в родовых шалашах, приношение языческим богам домашних животных). А еще они использовали удачно сложившиеся обстоятельства, чтобы оправдать свое отношение к удмуртам (они пытались их отстранить от культурной, политеистической жизни России).

«Мултанское дело» стало одним из самых громких судебных разбирательств в Российской империи конца XIX века. Оно послужило серьезным испытанием для российского судопроизводства. Но оно его выдержало.

Глава 3

Убийство Павлика Морозова: в поисках правды

История Павлика Морозова из села Герасимовка Уральской (ныне — Свердловской) области стала одной из главных легенд советской эпохи. Согласно ей, в 1932 году 13-летний пионер-герой заплатил жизнью за то, что разоблачил своего отца — председателя местного сельсовета и родственников-кулаков. Поступок мальчика сделал его кумиром для миллионов пионеров.

В поздний период СССР отношение к нему изменилось: из героя Морозов превратился в отрицательного персонажа — «доносчика», ставшего героем анекдотов.

Сегодня многие и вовсе сомневаются в реальности этой истории по принципу «а был ли мальчик?».

Был. Как были и те, кого обвинили в его гибели. Их потомки до сих пор настаивают на реабилитации, и, кажется, для этого есть все основания.

Но — по порядку.

3 сентября 1932 года недалеко от села Герасимовка в лесном массиве нашли трупы двух детей.

Павлик Морозов

ТАВДИНСКИЙ РАБОЧИЙ

Единственный рабочий газет
Органа Тавдинского Райкома ВКП(б), Райисполкома и Райкомхоза

О ЕДИНОВРЕМЕННОМ НАЛОГЕ НА ЕДИНОЛИЧНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ В 1933 г.

Положения ЦК и СНК СССР
от 10 ноября 1932 года

ВЕСЬ С НАС СООБЩАЮТ: Установлен для единоличных крестьянских хозяйств дополнительный налог на сельскохозяйственные продукты, подлежащий уплате в 1933 году. С 1 января 1933 года вводится единый налог на сельскохозяйственные продукты, подлежащий уплате в 1933 году. Этот налог вводится в отношении всех единоличных крестьянских хозяйств, имеющих земельные участки, подлежащие обработке. Налог устанавливается в зависимости от количества земли, обрабатываемой крестьянином, и от количества скота, имеющегося в хозяйстве. Налог устанавливается в размере 10% от стоимости сельскохозяйственных продуктов, подлежащих уплате. Налог устанавливается в размере 10% от стоимости сельскохозяйственных продуктов, подлежащих уплате. Налог устанавливается в размере 10% от стоимости сельскохозяйственных продуктов, подлежащих уплате.

ПОДЪЕМОМ ПРОИЗВОДСТВЕННОСТИ, АКТИВНОСТИ, КРЕСТЬЯНСКИХ БОЯЗНИ С ЖЕЛТЫМИ ТРУДИЯЩИЕСЯ Р-НА НА УБИЙСТВО КУЛАКОВ ПАШИ И ФЕДИ МОРОЗОВЫХ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД КУЛАКАМИ УБИЯЩИМИ ПИОНЕРА МОРОЗОВА

В этот суровый час... Судебный процесс над кулаками убийцами пионера Морозова начался в Тавдинском районном суде. В зале суда собрались представители власти, пионеры, крестьяне и жители района. Суд начался в 10 часов утра. В зале суда сидели: председатель суда, прокурор, защитники, подсудимые и свидетели. Суд начался с чтения обвинительного заключения. Затем началось чтение показаний свидетелей. Суд продолжался до 18 часов. Суд закончился в 19 часов. Суд постановил: признать виновными в убийстве пионера Морозова кулаков Павла и Федю Морозовых. Суд постановил: признать виновными в убийстве пионера Морозова кулаков Павла и Федю Морозовых. Суд постановил: признать виновными в убийстве пионера Морозова кулаков Павла и Федю Морозовых.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ГАЗЕТУ «ТАВДИНСКИЙ РАБОЧИЙ»

В ВОЗМОЖНОСТИ ПОДПИСАТЬСЯ НА ДЕНЬ В МЕСЯЦ 1932 г.
на 12 копеек и не более того.

Подписываясь, вы не только поддерживаете газету, но и получаете возможность ознакомиться с ее содержанием. Подписываясь, вы не только поддерживаете газету, но и получаете возможность ознакомиться с ее содержанием. Подписываясь, вы не только поддерживаете газету, но и получаете возможность ознакомиться с ее содержанием.

СТАРУХА МОРОЗОВА РАСПРАВЕДЛИВО ПОТРУДИЛАСЬ НА ПУТИ УБИЙСТВА

Правда, что старуха Морозова... Старуха Морозова, мать пионера Морозова, была свидетелем убийства своего сына. Она рассказала, что в тот день она была дома, когда ее сын пришел домой. Она рассказала, что в тот день она была дома, когда ее сын пришел домой. Она рассказала, что в тот день она была дома, когда ее сын пришел домой.

Страницы газеты с описанием судебного процесса

убийства, согласно опубликованному в местной газете «Тавдинский рабочий» приговору суда, стала «классовая ненависть, возникшая в результате активной борьбы пионера Павла с вылазками кулачества».

Расправы над убийцами требовали даже дети. Группы советских пионеров, потрясенные ужасным убийством, писали письма в газеты, а те их охотно публиковали на первых полосах. Из речи представителя ЦК юных пионеров товарища Смирнова,

Приговор был напечатан в газете полностью

Неудивительно, что четверо обвиняемых были приговорены к расстрелу (одного из фигурантов оправдали за недоказанностью).

Вскоре газеты написали: смертный приговор был приведен в исполнение. С этого момента в стране началось формирование культа пионера-героя. Мальчики посвящали стихи и песни, с упоминания его подвиги начинались пионерские собрания, памяти ему устанавливали по всему Советскому Союзу. Пожалуй, в СССР не было ни одного человека, который бы не знал этой

трагической истории. В Книге почета пионеров он представлен под номером один.

Но у подобного «пиара» обнаружились и пугающие побочные эффекты. Взрослые стали бояться откровенных разговоров при собственных детях. В те годы в органы действительно начало поступать множество доносов от мальчиков и девочек, стремившихся повторить растиражированный газетами «подвиг» Павлика Морозова. Но даже те школьники, кто никуда не писал, старались быть активистами и поучать родителей как «отсталых элементов». Разумеется, это нанесло мощный удар по традиционному семейному укладу, где авторитет старших был непререкаем. К тому же издревле на Руси считалось дикостью, если ребенок свидетельствовал против отца или матери. В уголовных делах XVII–XVIII веков, которые мне удалось изучить в архивах, суд прямо высказывался по этому поводу, защищая незыблемость кровных уз (к слову, в современной России этот древний принцип закреплён в 51-й статье Конституции).

В 1990-х годах вышла первая книга-разоблачение, написанная журналистом Юрием Дружниковым. Он несколько лет вел свое независимое расследование, опрашивая очевидцев тех событий и людей, лично знавших Павлика Морозова. Однако ответа на главный вопрос — кто именно совершил убийство — Дружников не нашел. Он лишь выдвинул гипотезу, что за преступлением могли стоять местные правоохранители: в разгар насильственной коллективизации режиму срочно требовались «герои» для борьбы с врагами коммунизма. Впрочем, вывод этот ничем не подтверждается — Дружников попросту не видел материалов уголовного дела.

Все дело (оно в двух томах) до 1997 года хранилось в архиве органов госбезопасности Свердловской области. Позже оно попало в Москву, в архив Генеральной прокуратуры, откуда в итоге было передано в Центральный архив ФСБ России, где и хранится по сей день.

Удивительно, но британский исследователь, филолог-русист Катриона Келли в начале 2000-х годов сумела получить доступ к этим закрытым материалам.

Ознакомившись с архивными материалами дела, Катриона Келли так описала структуру и состояние этого исторического двухтомника:

«Первый том составляют в основном около 500 писем от пионеров и школьников, требующих смертного приговора убийцам. Второй том содержит собственно документы следственного дела — примерно 250 страниц показаний, в подавляющем большинстве рукописных.

Документы не аннотированы и не содержат указателей, многие из них написаны выцветшими чернилами или, того хуже, полустертыми карандашами на пожелтевшей от времени крошащейся бумаге, часто — неразборчивым почерком. Грамматика и орфография некоторых участников просто ужасны».

Келли досконально изучила двухтомник, скопировав ключевые страницы, а остальные переписав практически дословно.

«Следствие было проведено с грубейшими нарушениями, свидетелям навязывалось “правильное видение” того, что произошло, неудобные показания полностью игнорировались», — писала она.

Итак, заглянем в материалы уголовного дела.

Согласно им, первыми под подозрение попали жившие по соседству братья Шатраковы, у которых незадолго до трагедии случился открытый конфликт с Павликом. Судя по свидетельским показаниям, мальчик донес на соседей за незаконное хранение ружья (этот факт они, к слову, не отрицали).

Так, из протокола допроса свидетеля Прохора Варыгина от 7 сентября 1932 года следует, что жители Герасимовки изначально подозревали Данилу Морозова и Ефрема Шатракова. Причиной была та жалоба Павла, после которой, по словам свидетеля,

«Шатраков угрожал Павлу убийством». Также Варыгин утверждал: когда Ефрем и Данила находились под арестом в одном сарае, они успели договориться между собой — ни в чем не сознаваться и переложить вину на других.

Здесь важно сделать юридическое отступление: уголовное законодательство РСФСР 1930-х годов не предусматривало расстрел за «общеуголовное убийство». А ведь изначально это дело квалифицировалось именно так.

Все изменилось после того, как в расследование вмешались сотрудники ОГПУ. Под контролем Тучкова — заместителя полномочного представителя ведомства по Уралу — делу экстренно придали политическую окраску. Бытовую трагедию переформатировали в показательное «убийство на фоне борьбы с коллективизацией». Вслед за этим изменился и состав обвиняемых. Теперь «убийцами» стали «кулаки и подкулачники»: 80-летние бабушка и дедушка Павлика, его двоюродный брат Данила, а также его дядя Арсений Кулуканов. К слову, вопреки советскому мифу, Арсений вовсе не был крестным отцом мальчика. Согласно метрической записи о крещении от 18 ноября 1918 года, крестным отцом Павлика являлся Прокопий Кулуканов — сын Арсения.

За короткий срок следствия — всего два с половиной месяца — Данила Морозов неоднократно менял свои показания. Первоначально он винил во всем братьев Шатраковых. Однако в итоге сознался сам, заявив, будто идея расправы принадлежала Арсению Кулуканову, а непосредственными исполнителями были он и дед. Бабушка же, по его словам, помогала отмывать кровь с одежды. Старики Морозовы тоже частично признали вину. Были они малограмотные и вряд ли понимали, что подписывали. К сведению, бабушка Павлика Ксения Морозова в день допроса перенесла полостную операцию — ей удалили яичник. Но уже на следующий день по требованию ОГПУ женщину вновь заставили участвовать в следственных действиях, проигнорировав запрет врача.

Единственным, кто до конца так и не признал свою вину, остался Арсений Кулуканов.

Следствие, как известно, утверждало: Павлик был пионером-активистом и в 1931 году донес на собственного отца Трофима Морозова, которого якобы осудили на 10 лет лагерей. Однако никаких документальных подтверждений этому в архивах нет. В материалах полностью отсутствуют следы следственного дела самого Трофима Морозова — нет ни заявления-доноса, ни протоколов допросов, ни приговора, ни даже банальной справки о том, где именно он отбывал наказание.

Более того, Павлик Морозов физически не мог быть пионером: детская коммунистическая организация появилась в таежной Герасимовке уже после гибели мальчиков. Вполне вероятно, что ее создали на фоне громкого судебного процесса. Утверждение, что Павлик якобы был принят в пионеры «за время пребывания в районной школе», опровергал его брат Алексей Морозов. Он вспоминал, что Павлик никогда не уезжал далеко и учился вместе с ним исключительно в родном селе.

Так называемые убийцы не были никакими кулаками — уровень их жизни оставлял желать лучшего. В Герасимовке, где проживало около сотни семей, зажиточных крестьян не было. Именно поэтому коллективизация шла со скрипом: это было единственное село в районе, где так и не смогли создать колхоз. Согласно официальным статистическим данным за 1927 год, кулаки в этих краях отсутствовали как класс и лишь 27% населения можно было с натяжкой причислить к середнякам. Однако спускаемые сверху планы по раскулачиванию выполнять как-то требовалось. В таких условиях под ударом оказывался любой, кто просто умел хорошо работать, имел крепкий дом, лошадь и корову.

Под эти беспощадные жернова и попал Арсений Кулуканов. В 1930 году его обвинили в уклонении от сдачи зерна и осудили. Но Кулуканов проявил редкую смелость: он оспорил решение в кассационной инстанции и... выиграл!

Ситуацию проясняют комментарии директора Герасимовского музея имени Павлика Морозова Нины Купрацевич:

«В начале XX века на эти земли хлынул поток столыпинских переселенцев из Витебской, Минской губерний. В 1909 году из Витебской губернии приехала семья Кулукановых. Арсений Игнатьевич — глава большого семейства, его жена Ефимия Сергеевна (дочь Морозовых Сергея Сергеевича и Ксении Ильиничны), их дети: Феоктист, Прокоп, Анна, Захар, Матрена. По благосостоянию крепче жили те семьи, в которых были постарше сыновья, главные помощники по хозяйству.

К таким относилась и семья Кулукановых. Что касается Морозовых, то они были одними из самых бедных, поскольку дети были еще маленькие — помощников не было. Попивавший отец Трофим Сергеевич Морозов, будучи председателем сельского совета, вел не очень порядочный образ жизни: драчливый, обижал жену Татьяну Семеновну. В конце концов он бросил семью и женился на другой крестьянке. Семья осталась без кормильца».

— Историю о Павлике я знал с самого детства, как, наверное, и большинство людей, рожденных в советское время, — начинает нашу беседу юрист Иван Викторович Игнатенко. — И неожиданно для себя в ходе генеалогического исследования я обнаружил свое родство с Кулукановыми и Морозовыми! Арсений Игнатьевич Кулуканов, как выяснилось, был моим прапрадедушкой, который вместе с семьей в 1909 году приехал из Витебской губернии на Герасимовский переселенческий участок осваивать сибирские земли в рамках Столыпинской аграрной реформы (семья Морозовых переехала в Герасимовку немного позже, в 1910 году, также из Витебской губернии). Я ознакомился с трудами Дружникова, связался с Келли, после чего сам включился в архивную работу.

— Полную версию приговора я обнаружил в подшивке местной газеты «Тавдинский рабочий», — продолжает Игнатенко. — Там же, кстати, были зарисовки из суда. Они доказывают, что Арсений Кулуканов до конца настаивал на своей невиновности.

Написаны эти заметки в обличительном и даже издевательском тоне: «У стола суда подсудимый Кулуканов. В овечьем полубубке, его физиономия выглядит бодро. Блестят хитроватые глаза. На вопросы председателя отвечает незнанием: “Я не я, и лошадь не моя”».

По официальному запросу в Государственном архиве Свердловской области Игнатенко сумел получить внушительный массив документов, копии которых он передал мне.

Р.С.Ф.С.Р. Н.К.Ю.
УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
г. Свердловск, ул. Малышева 68 тел. 3-93
21. Марта 1933 г. **БР-3**
НАШ № _____
ВЛШ № _____ от _____

гп. 2 экз.
Н.И. Сов. секретно.

ЧЛЕНУ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА
Тов. ЗАГРЕВСКОМУ С.И.

ПРЕД П И С А Н И Е.

В ночь на 22 марта с/г предлагаю Вам
привести в исполнение приговор Выездной Сессии
Уральского Областного суда от 25-28 Ноября 1932г.
над осужденными к ВМН - расстрелу:

1. КУЛУКАНОВЫМ АРСЕНИЕМ ИГНАТЬЕВИЧЕМ.
2. МОРОЗОВЫМ СЕРГЕЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ.
3. МОРОЗОВОМ АРСЕНИЕМ ИЛЬИНИЧЕМ.
4. МОРОЗОВЫМ ДАНИЛОМ ИВАНОВИЧЕМ.

Осужденные содержатся приг Свердловском ИТД.
О результатах исполнения донести с пред-
ставлением составленного акта.

ОСНОВАНИЕ: Телеграмма Верхсуда РСФСР
№-28931

И.О. ПРЕД. УРАЛЬСКОГО
ОБЛАСТНОГО СУДА
/БАШКАРЕВ/

Предписание Уральского областного суда о расстреле

Среди них расстрельная телеграмма Верховного суда, санкционирующая казнь Кулуканова и троих Морозовых. Высшая инстанция требует привести приговор в исполнение незамедлительно. На бланке стоит подпись 19-летнего Даниила Морозова об ознакомлении за себя и своего дядю (прапрадеда моего собеседника).

ТЕЛЕГРАММА			
105 ПРИГ. МОСКВЫ 12/25 32 20 10 21-0 РАСТРЕЛ. УБЕДИТЕЛЬНО ОБЪЯВЛ.			
ПРИЕМ Суд. канц. Суд. канц.	20/3 11.5 м. пор. 187		ПЕРЕДАЧА го ч. м. пор. № В пров. № Передал
	От: Принял [подпись]		
ЗАШ. 2293 РАСТРЕЛ. КУЛУКАНОВ АРСЕНИЙ А. МОРОЗОВЫ СЕРГЕЙ ДАНИИЛ КСЕНИИ УТВЕРЖАЕН ПРИВЕДИТЕ ИСПОЛНЕНИЕ НЕ ЗАМЕДЛИТЕ ТЕЛЕГРАФТЕ ИСПОЛНЕНИЕ=23421 ВЕРТОВА ЗАПРЕДЕ			
Текст настоящей телеграммы дан Морозов Даниил Давидович и дяде 20/3 22 25 32 Гражданина Кулуканова [подпись]			

Телеграмма Верховного суда

Там же обнаружилась и копия акта о расстреле от 21 марта 1933 года. Приговор привел в исполнение тот самый судья, который председательствовал на процессе.

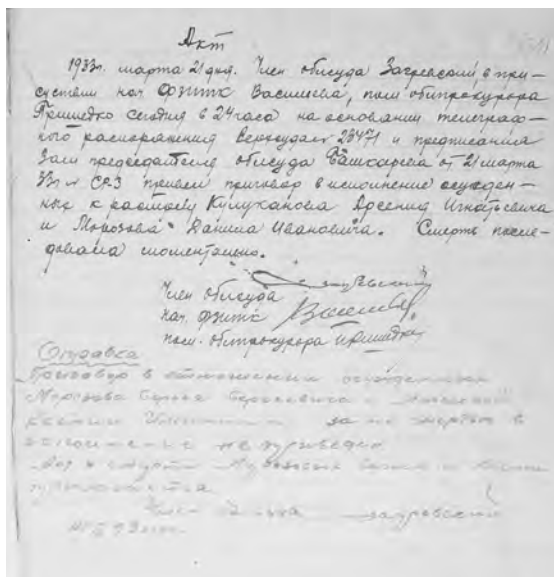
Нам удалось разыскать биографию этого судьи. Оказалось, что у него было всего четыре класса реального училища и он не обладал никакой юридической квалификацией. До того как вершить судьбы людей, будущий судья успел поработать переплетчиком, рабочим на винном складе и телеграфистом.

Этот страшный приговор написан на обычном тетрадном листке в линейку. Основной текст выведен ручкой с красной пастой, а расположенная внизу короткая справка добавлена уже синими чернилами:

Акт

1933 г. марта 21 дня

Член облсуда З. в присутствии нач. ФЗИТК [фабрично-заводской исправительно-трудовой колонии] В., помощника облпрокурора Г. сегодня в 24 часа на основании телеграфного распоряжения Верхсуда 23471 и предписания заместителя председателя облсуда привел приговор в исполнение осужденных к расстрелу Кулуканова Арсения Игнатьевича и Морозова Данила Ивановича. Смерть последовала моментально.

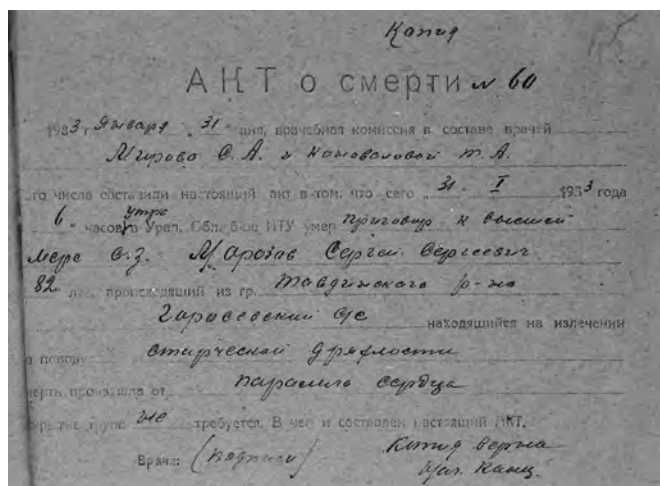

Акт о расстреле

СПРАВКА:

Приговор в отношении осужденных Морозова Сергея Сергеевича и Морозовой Ксении Сергеевны за их смертью в исполнение не приведен.

Кроме того, Ивану Игнатенко удалось разыскать и официальные акты о смерти бабушки и дедушки Павлика.

Акты о смерти

Пожилые Морозовы попросту не дожили до расстрела. Оба скончались в тюремной больнице, куда их поместили из-за «старческой дряхлости». В графе «Причина смерти» у обоих значится дежурный диагноз той эпохи — «от паралича сердца». Дедушка умер 31 января 1933 года, а бабушка — 3 марта того же года.

— В архиве города Ирбита Свердловской области я нашел заявление Трофима Морозова, отца Павлика, от 21 апреля 1930 года, — рассказывает Игнатенко. — Он просил снять его с должности председателя Герасимовского сельсовета. Указал причину — «малограмотный и не соответствующий этой службе» и «одиноким, совершенно одиноким». Что же касается его дальнейшей судьбы, то, согласно официальным ответам из баз данных МВД и ФСИН, никаких материалов уголовного дела в отношении Трофима Морозова в архивах нет. Также отсутствуют

и сведения об отбывании им наказания в местах лишения свободы.

— Параллельно я стал заниматься вопросом реабилитации, — продолжает Игнатенко, — потому что уверен: предки не были виновны в убийстве Павла Морозова и его брата Федора, а сам Павлик не был доносчиком.

Как правозащитник, я детально изучила аргументы, которые Иван Игнатенко приводит в пользу пересмотра этого исторического уголовного дела:

1. Орудие преступления не найдено.
2. Точная причина и время наступления смерти, а также характер и механизм образования телесных повреждений не установлены.
3. Следствие не дало объяснения, с какой целью преступники надели красный мешок на голову Павлика, равно как и не выяснило, кому именно принадлежал мешок.
4. Трофим Морозов (отец Павлика) не был допрошен. Очные ставки с его участием не проводились.
5. Не проверены на причастность другие жители Герасимовки, имевшие мотив для убийства, а также спецпереселенцы и бандформирования, активно промышлявшие в лесах вокруг Герасимовки, в частности члены банды Пуртова.
6. Следствие даже не попыталось проверить алиби Татьяны Морозовой (матери Павлика) в период ее якобы отсутствия в Герасимовке со 2 по 5 сентября 1932 года.
7. Алиби остальных подозреваемых проверялись по состоянию только на 3 сентября, тогда как день совершения преступления точно не был установлен.
8. В материалах дела отсутствуют какие-либо внятные мотивы и законные основания прекращения уголовного преследования в отношении братьев Шатраковых.

9. Документально не подтверждена принадлежность Павлика Морозова к пионерской организации, что влияет на квалификацию преступления и вид наказания (за общеуголовное преступление не предусматривалась смертная казнь).
10. Следствие и затем суд проигнорировали результаты биологической экспертизы, согласно которой на ноже и одежде, найденных у обвиняемого Сергея Морозова в ходе обыска (якобы со следами крови), кровь не обнаружена. Несмотря на это, одежда и нож фигурировали в обвинении в качестве вещественных доказательств.
11. В ходе судебного разбирательства было нарушено и право подсудимых на защиту: предоставленный защитник во время суда отказался выступать в защиту своих доверителей.
12. Личное участие судьи в исполнении приговора.

Примечательно, что материалы этого громкого процесса на высшем уровне уже пересматривались. 24 апреля 1999 года Военная коллегия Верховного суда РФ изменила первоначальный приговор: действия осужденных подтвердили по статьям 17 и 58-8 УК РСФСР («Соучастие в террористическом акте»), оставив высшую меру наказания. Суд признал Арсения Кулуканова обоснованно осужденным и официально отказал в его реабилитации.

Однако Иван Игнатенко убежден: это был лишь формальный пересмотр.

— Мне по неизвестным причинам отказались предоставить решение Верховного суда, — говорит он.

Ознакомиться с делом № 374 (Н-7825), которое хранится в Центральном архиве ФСБ России, потомку осужденных Игнатенко тоже не дали в связи с действием совместного Приказа Минкультуры, МВД, ФСБ от 25 июля 2006 года. Его положения фактически запрещают доступ к делам, в том числе и родственникам,

если осужденные не реабилитированы либо их дела еще не пересмотрены. Запрет не ограничен временными рамками, так что применяется и к рассекреченным делам даже по прошествии 75 лет, что лишает родственников и осужденных лиц узнать правду и добиться пересмотра дела на основании того, что они могли бы выяснить.

Но важно заметить: действующее законодательство не предусматривает каких-либо ограничений на количество подаваемых прошений о реабилитации. При этом направить такое обращение может не только сам пострадавший от репрессий, но и его родственник, общественные организации или любое другое лицо в интересах осужденного. Более того, весомым основанием для пересмотра дела могут служить независимые исследования ученых, архивистов, историков. А авторитетные эксперты уже не раз открыто высказывались по поводу сомнительных обстоятельств гибели Павлика Морозова и вины Арсения Кулуканова.

Директор музея Нина Купрацевич приводит еще более глубокие исторические параллели:

— Революционер-народник, поэт, популяризатор науки Николай Александрович Морозов, заинтересовавшись однофамильцем Павликом Морозовым, предпринял расследование его убийства по горячим следам. И выяснил, что Павлик не был доносчиком, а ложные показания на свекра Сергея Сергеевича Морозова (деда Павлика) были «выбиты» из Татьяны Семеновны Морозовой (матери Павлика) сотрудниками Тавдинского отдела ОГПУ. Они запугали ее применением репрессий ко всей семье. О чем Николай Александрович Морозов тайно поделился с писателем Алексеем Николаевичем Толстым. Однако пустить в ход добытые факты в то непростое время он не рискнул. В 1946 году, перед самой смертью, Н. А. Морозов передал признания матери Павлика Морозова царскосельским краеведам, из фондов которых они были выкрадены в апреле 1951 года. Этот факт был доподлинно известен тогдашнему заместителю

председателя местной краеведческой секции Владимиру Николаевичу Смирнову. В поздние годы советский прокурор Игорь Титов на вопрос, как он относится к версии о доносе Павлика, ответил ясно: «Можно определенно сказать, что в материалах, которыми мы располагаем, нет никаких тому свидетельств». Я уверена в невинности Кулуканова.

Кто же на самом деле убил братьев Морозовых?

В 1930 году в Тавдинский район, где расположена Герасимовка, стали привозить депортированных спецпереселенцев. Известно, что к лету 1931 года их численность превысила 11 000 человек. Размещали их в плохих условиях, заставляли работать на лесоповалах. Они жили в землянках, голодали. И в целом среди них было много больных и ослабленных. Конечно, некоторые поселенцы озлобились. Побег с лесоповалов были обычным явлением (за год сбежали около 500 человек). Это одна из версий того, кто на самом деле мог убить Павла и Федора Морозовых. Вторая — конфликт с соседями Штраковыми.

В местных архивах Игнатенко удалось отыскать предположительное место расстрела своих предков — Свердловский исправительно-трудовой дом. Похоронены они, скорее всего, в братских могилах у действующего СИЗО Екатеринбурга. Рядом с ним располагается старинное городское Ивановское кладбище. В 2024 году, в День памяти жертв политических репрессий, здесь состоялась панихида. Многие из пришедших поддержали Игнатенко в стремлении развенчать миф о Павлике Морозове, восстановить историческую правду.

— Павлик не был героем, но не был и предателем, а мой прапрадед не был убийцей, — говорит Игнатенко. — Нельзя оправдывать «уничтожение» даже одного человека во имя идеологии и светлого будущего.

И с этим выводом сложно не согласиться.

Тайна пальто Ленина: кто на самом деле стрелял в Ильича

Покушение на Ленина — одна из главных и до сих пор не разгаданных тайн советской истории. Современные исследователи все чаще ставят под сомнение вину Фанни Каплан, которую задержали буквально через несколько минут после выстрелов и которая сразу же взяла всю вину на себя.

Основной аргумент скептиков — состояние здоровья подопытной. На каторге Каплан временно ослепла и, хотя зрение ей частично вернули, видела крайне скверно. Сложно представить, как полуслепая женщина сумела бы попасть в Ильича. Сомнения вызывают и протоколы допросов: Каплан вела себя крайне неуверенно и не смогла вспомнить ни то, из чего стреляла, ни то, сколько раз.

Мало кто знает, что еще в 1990-х годах криминалисты провели уникальную экспертизу пальто Ленина, в котором вождь находился в тот роковой вечер. Что же на самом деле показало это исследование?

СПРАВКА:

30 августа 1918 года Владимир Ильич выступал перед рабочими завода Михельсона в Москве, закончив свою речь почти пророческими словами: «У нас один выход: победа или смерть!» Когда после митинга председатель Совнаркома вышел из цеха

и направлялся к своему автомобилю, его по дороге окликнула кастелянша соседней Павловской больницы Мария Попова. Задав вождю вопрос, она ненадолго задержала его. В этот момент прозвучали три выстрела. Ленин был тяжело ранен двумя пулями, а третья задела саму Попову.

Пальто Ленина

В фондах Государственного исторического музея (ГИМ) этот уникальный экспонат описан лаконично:

Пальто.

«Пальто В. И. Ленина.

Европа. 1910-е гг. Драп.

Длина: 116 см».

В музейных карточках отдельно уточнено, что в этом демисезонном пальто В. И. Ленин вернулся из последней эмиграции в апреле 1917 года. Четыре разрыва на плотном драпе напрямую связаны с событиями 30 августа 1918 года.

Первое отверстие расположено на спине, чуть выше левой лопатки (оно отмечено красным крестиком). След оставлен пулей, которая вошла в тело вождя, надломила внутреннюю часть лопаточной кости и проникла в грудную полость. Повредив верхнюю долю левого легкого и вызвав кровоизлияние в плевру, она прошла навывлет через грудь и застряла в мягких тканях правой половины шеи. Ее извлекли четыре года спустя — 23 апреля 1922 года.

Второй разрыв ткани (также отмеченный красным крестиком) находится на левой руке, почти у самого плечевого сустава, чуть выше заднего шва. Эта пуля вошла в плечо и проломила плечевую кость. Ударившись о нее, рикошетом изменила свое направление и остановилась в мягких частях надплечья, где от пули откололись два небольших фрагмента.

Наконец, третий и четвертый разрывы ткани на спине под левой лопаткой (помеченные белыми крестиками) были сделаны

пулей, которая лишь коснулась одежды В. И. Ленина, не задев его самого.

Примечательный факт: пальто после покушения не выбросили. Все пулевые отверстия на плотной ткани бережно заштопала лично Надежда Крупская.

«Я сама штопала эти дырочки, — писала она в своих воспоминаниях. — Ведь пальто было одно у Ильича. Я штопала в те дни, когда Ильич был очень болен и никто не мог сказать, придется ли ему снова надевать это пальто... Я штопала ночью. Не знаю, чего было больше на этих штопках, стежков или моих слез, которые все капали и капали...»

Именно это пальто извлекли из музейных запасников более 30 лет назад для экспертизы. И вот как это произошло.

В конце 1991 года Главное следственное управление Генеральной прокуратуры возобновило уголовное дело о покушении на Владимира Ильича Ленина. В рамках дополнительного расследования назначили ряд экспертиз, в том числе судебно-медицинскую и криминалистическую.

— Судебно-медицинская экспертиза проводилась там, где я прослужил многие годы, — в Центре судебно-медицинской и криминалистической экспертизы Министерства обороны, — рассказывает полковник медицинской службы в отставке Сергей Зосимов. — Это учреждение как раз славится своими баллистическими исследованиями.

В распоряжение криминалистов передали легендарное пальто вождя, обнаруженный на месте происшествия пистолет браунинг калибра 7,65 миллиметра (образца 1900 года), две извлеченные из тела Ленина пули и копии медицинских документов.

К тому моменту музейная реликвия хранилась в стеклянном цилиндре, заполненном инертным газом, — для консервации, как говорится, на века.

«После долгих переговоров руководство музея разрешило мне вытащить пальто на свет божий, — продолжает Сергей Михайлович. — Но с жестким условием: исследовать экспонат я буду прямо там, в фондах.

При осмотре мне пришлось разложить его на столе и обращаться с ним, скажем так, довольно бесцеремонно с точки зрения музейных хранителей.

Я детально изучил все повреждения от пуль. Следов крови на драпе не оказалось, но их там и не должно было быть. Дело в том, что пули не прошли навывлет — ранения Ильича были слепыми. К тому же под верхнюю одежду Ленин надел костюм и сорочку, так что кровь могла остаться только на них».

Рентген

Перед экспертами в первую очередь стоял чисто юридический вопрос: как квалифицировать степень тяжести вреда, причиненного здоровью Ленина. С 1918 года правила определения тяжести телесных повреждений менялись неоднократно. Однако все существовавшие методики сходились в одном: проникающее огнестрельное ранение левой плевральной полости относится к категории тяжких по признаку прямой опасности для жизни.

Особую ценность для следствия представляла копия рентгенограммы, которая была сделана на немецкой аппаратуре буквально в первые дни после покушения. Судя по качеству сохранившейся копии, этот исторический кадр не уступает современным снимкам.

На этом снимке, во-первых, четко определялось местонахождение обеих пуль, а во-вторых, прослеживались линии перелома левой плечевой кости.

Эксперты были поражены тем фактом, что уже через два месяца кость полностью срослась. В современной медицине подобные тяжелые повреждения лечатся только с помощью остеосинтеза, когда костные фрагменты скрепляют специальными металлическими конструкциями.

Нужно поклониться врачам, которые, не делая всяких разрезов, сумели сопоставить костные фрагменты и зафиксировать их обычной гипсовой повязкой. Пули тогда решили не трогать. В результате в короткий срок, без каких-либо осложнений, наступило полное сращение.

— Нам представили не всю историю болезни, а лишь документы о состоянии Ленина сразу после покушения и описание его ранения, — продолжает эксперт. — Но даже по этим бумагам можно сделать вывод, что Владимир Ильич в тот момент был весьма крепким человеком. Он решительно отказался от госпитализации в стационар, поэтому все медицинские процедуры проводились дома. И главное — плечо восстановилось за короткий срок, всего за два месяца. Это заслуга не только высочайшего мастерства врачей, но и мощных ресурсов самого организма.

При этом Ленин несколько лет жил с пулей, застрявшей в опасной близости от сонной артерии. Как это соседство повлияло на его здоровье? Среди медиков существует мнение: многолетнее давление пули на сонную артерию могло привести к травматическому повреждению ее стенок. В ответ на это началось разрастание внутренней оболочки сосуда, что спровоцировало развитие аневризмы и критически сузило просвет сосуда. В результате это затрудняло кровоток, из-за чего левое полушарие мозга вождя недополучало кислород.

Извлеченные пули (одну извлекли в 1922-м, другую после смерти) бережно хранились в Музее революции.

На первом этапе перед экспертами стояла главная задача — установить, были ли эти пули выпущены именно из того

браунинга, который нашли на земле сразу после покушения. Проверить это удалось, правда не без приключений.

Дело в том, что в магазине пистолета оставалось четыре родных патрона. Естественно, первым делом криминалисты попытались произвести из него экспериментальные выстрелы, чтобы получить свежие образцы для сравнения. Однако этот шаг провалился. С момента покушения прошло почти 70 лет, а бездымный порох имеет свойство разлагаться со временем. Именно это и произошло — старые заряды просто пришли в негодность.

Что делать? Где найти подходящие пули, если учесть, что в СССР патроны такого калибра давно не производились? В итоге несколько нужных образцов все же удалось отыскать и передать экспертам. А те провели экспериментальную стрельбу.

С первым выстрелом проблем не возникло. Однако при следующем нажатии на курок выяснилось, что пороховой заряд в этих патронах мощнее, чем рассчитывали эксперты. В результате колоссального давления затвор пистолета сорвался со стопора и со свистом пролетел мимо уха одного из исследователей. К счастью, все обошлось. Механизм аккуратно вернули на место, а полученные баллистические данные зафиксировали.

Настал момент истины. Эксперты сопоставили микрорельеф на пулях, извлеченных из тела Ленина, со следами от полей и нарезов ствола на экспериментальных образцах. Микросведения полностью совпали. Это позволило экспертам прийти к категорическому и неоспоримому выводу: пули, извлеченные из тела Владимира Ильича Ленина, были выпущены именно из этого пистолета.

Следственный эксперимент

Получив баллистические выводы, эксперты решили провести масштабный следственный эксперимент непосредственно на месте покушения. Для этого пригласили актера, внешне очень похожего

на Ленина. Вся реконструкция фиксировалась на видеокамеру. По крупницам — на основе показаний свидетелей и архивных воспоминаний — эксперты воссоздали поминутную картину тех событий. Им предстояло проверить: как именно приближался стрелок, на каком расстоянии он находился и как в это время Ленин был к нему повернут.

— Чтобы более точно воспроизвести обстановку, мы разыскали автомобиль тех времен и поставили его ровно на то место, где он ждал Владимира Ильича в августе 1918 года, — рассказывает эксперт. — И один факт присутствия этой машины кардинально менял дело: она сильно ограничивала сектор обстрела и мешала стрелявшему целиться в Ленина.

Здесь необходимо сделать еще одну важную историческую ремарку. Долгое время считалось, что покушение на Ленина

Следственный эксперимент.
На фото Сергей Зосимов и актер, игравший Ленина

произошло непосредственно в тот момент, когда он пытался сесть в приехавшую за ним машину. При эксперименте же выяснилось, что автомобиль стоял чуть в стороне, а Ленин находился на том самом месте, где сейчас установлена стела.

Так вот, если оценивать раневой канал, судя по входному отверстию и повреждению левого плеча, при обычном положении тела с опущенными руками пуля должна была лететь снизу вверх. Чтобы совместить линию выстрела с реальной траекторией ранения, необходимо предположить, что в момент покушения левая рука Ленина была поднята почти горизонтально. При этом сам он стоял вполоборота к нападавшему.

Эксперт приходит к неожиданным выводам:

— По характеру ранения можно предположить, что это было инстинктивное защитное движение. Возможно, Владимир Ильич в последний миг все же увидел стрелявшего и вскинул руку, пытаясь закрыться от пуль.

Во время эксперимента непрерывно велась видеозапись, и в какой-то момент мне в голову пришла сумасшедшая идея. Я подошел к оператору и спросил: «Скажите, пожалуйста, а вы можете расфокусировать объектив так, чтобы мы увидели картинку глазами человека с плохим зрением?»

Он это сделал. И в этот миг все встало на свои места. Фигура Ленина в кадре мгновенно превратилась в размытый, туманный силуэт. Нападавший стрелял, ориентируясь лишь на это смутное очертание, без малейшей возможности прицелиться. Именно это объясняет, что Ленин остался жив. И это же с высокой вероятностью доказывает, что стреляла Фанни Каплан. Человек, умеющий обращаться с оружием, с такого минимального расстояния убил бы вождя первым же выстрелом.

Поэтому итоговый вердикт всей нашей комиссии был однозначным: фактов, указывающих на присутствие второго, тайного стрелка, в ходе исследований не обнаружено.

Эксперимент завершился в том самом 1991 году. Его результаты так и остались мало кому известны — Советский Союз стремительно рушился, и всем тогда было просто не до этого.

Музей истории судебной системы Забайкальского края. В углу одного из залов сидит Фанни Каплан — как живая. На ней темная юбка, серый платок и скромная шаль. Рядом — простой деревянный стол и свеча.

Местные служители Фемиды по архивным документам досконально знают, как выглядела настоящая Фанни Ефимовна Каплан (урожденная Фейга Хаимовна Ройтблат). Дело в том, что в этих краях она провела треть своей недолгой жизни — почти 10 лет.

Смотритель музея Александр Миронов рассказывает, почему экспозицию решили посвятить именно этой исторической фигуре, и вспоминает тяжелый путь революционерки на сибирскую каторгу.

Фанни Каплан в музее. Город Чита

СПРАВКА:

В 1906 году Фанни Каплан, сменившая имя на подпольный псевдоним Дора, жила в Киеве. По одной из версий, девушка была слепо влюблена в анархиста Виктора Гарского (настоящее имя — Яков Шмидман). Тот готовил покушение на местного генерал-губернатора и цинично использовал юную соратницу в своих целях.

Развязка наступила 22 декабря в номере гостиницы «Купеческая». Из-за роковой технической ошибки при сборке бомбы самодельное взрывное устройство сработало прямо в руках Каплан. Получив тяжелейшее ранение в голову и практически потеряв зрение и слух, покалеченная девушка была арестована на месте взрыва, тогда как ее возлюбленный успел сбежать.

5 января 1907 года Военно-окружной суд в Киеве приговорил революционерку к смертной казни. Однако на момент совершения преступления Фанни юридически считалась несовершеннолетней, поэтому расстрел ей заменили пожизненной каторгой.

В 1913 году, в честь 300-летия династии Романовых, пожизненное заключение ей заменили на 20 лет каторги. Впрочем, сидеть до конца срока Каплан не пришлось: после Февральской революции 1917 года она вышла на свободу по всеобщей амнистии политических узников.

— Для начала перенесемся в вечер 22 декабря 1906 года на киевский Подол, — предлагает Александр Миронов, один из создателей музейной экспозиции. — Именно здесь, около семи часов вечера, в номерах гостиницы «Купеческая» прогремел мощный взрыв. Сбегавшиеся на грохот прохожие и местный городской задержали

испуганную девушку, выбежавшую на улицу. Мужчине, который был с ней, удалось скрыться в темноте. При обыске у задержанной изъяли заряженный браунинг и поддельный паспорт на имя мещанки из города Речицы Минской губернии Фейги Хаимовны Каплан, девятнадцати лет. Осмотревший ее доктор зафиксировал ранения правой руки, левой голени и ягодицы. Несмотря на допросы и контузию, назвать свое настоящее имя и выдать сбежавшего спутника она категорически отказалась.

Кандалы из тюрьмы, где сидела Фанни

В фондах читинского музея хранится копия уникального документа — выписки из справки губернской тюремной инспекции от 30 июня 1907 года:

Имя, отчество, фамилия или прозвище и к какой категории ссыльных относится

Фейга Хаимовна Каплан, каторжная.

Куда назначается для отбытия наказания

Согласно отношению Главного Тюремного управления от 19 июня 1907 года за №19641 назначена в ведение Военного губернатора Забайкальской области для помещения в одной из тюрем Нерчинской каторги.

Следует ли в оковах или без оков

В ручных и ножных кандалах.

Может ли следовать пешком

Может.

Требуется ли особо бдительного надзора и по каким основаниям

Склонна к побегу.

Состав семейства ссыльного

Девушка.

Возраст

?

Приметы

Рост 2 аршина, 3½ вершка (около 158 см. — Прим. ред.).

Телосложение

Среднее, средней толщины.

Глаза

Продолговатые с опущенными вниз углами, карие.

Цвет и вид кожи лица

Бледный.

Волосы головы

Темно-русые.

Особые приметы

Над правой бровью продольный рубец сантиметра 2½ длины.

— Наказание она отбывала сначала в Мальцевской женской тюрьме, а затем ее перевели в Акатуйскую каторжную тюрьму, — говорит помощник председателя Забайкальского краевого суда Виктория Михайлюк.

Ни одного из этих мрачных заведений до наших дней не сохранилось. На месте Акатуйской тюрьмы раскинулся обычный пустырь, посреди которого высится лишь фрагмент толстой тюремной кирпичной стены.

СПРАВКА:

Акатуйская каторжная тюрьма была создана еще в 1832 году при руднике. По извилистым трактам той эпохи она находилась в 625 верстах (почти 667 километров) от Читы — для кандалного этапа это был целый месяц изнурительного пешего пути. Вначале в этой тюрьме содержались самые опасные преступники-рецидивисты. Режим был запредельно жестким: все заключенные трудились на свинцово-серебряных рудах. Однако к концу столетия Акатуй превратился в главную политическую каторгу империи — сюда начали свозить осужденных за государственные преступления и террор. В таком статусе тюрьма просуществовала до революционного 1917 года.

В Мальцевскую тюрьму Нерчинской каторги Фанни прибыла 24 августа 1907 года.

Любопытная статистика: если в августе 1907-го в этих стенах содержалось всего четырнадцать арестанток, то к весне 1911 года их количество возросло до шестидесяти двух. Впрочем, этот скачок был связан не столько с ростом женского политического террора, сколько с масштабной тюремной реформой: в Мальцево начали массово свозить уголовниц со всей Сибири.

Сокамерницы Фани Каплан тепло отзывались о ней в своих дневниках: «Мы привыкли видеть ее всегда здоровой, веселой и жизнерадостной». Однако спустя несколько лет последствия киевского ранения — судя по всему, тяжелой контузии — и нечеловеческие условия дали о себе знать.

Девушки, находившиеся с ней рядом, со страхом описывают случившееся:

«С Фаней неожиданно случился странный припадок — она перестала видеть. Глядела широко раскрытыми глазами и ничего не видела вокруг себя. Маруся Бенеvская пересмотрела все медицинские книги, какие только были в тюрьме, предположила причиной слепоты повреждение зрительного нерва при ранении, но непосредственной помощи оказать не могла. Через день или два этот приступ кончился, Фаня опять увидела свет».

К несчастью, это было лишь началом. В феврале 1909 года очередной приступ обернулся полной потерей зрения.

— В течение долгого периода Фаня надеялась, что слепота пройдет, что все это временно, и ни за что не хотела приспособиться к своему новому положению, — вспоминали соратницы. — Она перестала совсем выходить на прогулку, молча сидела или лежала на кровати в своей одиночке в околodке (одиночной палате тюремного лазарета. — *Прим. ред.*) и, уйдя в себя, углубленно думала о том ужасном, что с ней стряслось. Слепота так ее потрясла, что она хотела лишиться себя жизни. Пока особо острый период не миновал, мы ни на минуту не оставляли ее одну.

— Улучшения не последовали ни через месяц, ни через два, — рассказывают забайкальские исследователи. — Однако при поддержке подруг девушка все же нашла в себе силы жить дальше и постепенно приспособилась к своему новому положению. Она даже сумела освоить шрифт Брайля.

В архивах сохранился рапорт начальника Мальцевской тюрьмы №639 от 10 апреля 1909 года начальнику Нерчинской каторги. В нем есть такие строчки:

За время заведования мною тюрьмой с политической Каплан были припадки, после которых она переставала видеть, и это продолжалось не более одной недели. Теперь же она после последнего припадка уже два месяца ничего не видит, и для нее специально назначается одна из женщин проводником.

Рапорт начальника Мальцевской тюрьмы дошел до Областного правления. Местные чиновники оказались в замешательстве: они долго не могли решить, что делать, как и где оказать квалифицированную медицинскую помощь. Общее состояние здравоохранения в Забайкалье в те годы было плачевным. Судя по документам, всерьез обсуждался вопрос о переводе арестантки в специализированную «глазную лечебницу» в Иркутске. Однако областной врачебный инспектор, лично посетивший Мальцевскую тюрьму, вынес серьезный вердикт:

У Каплан глазные нервы и клетчатка совершенно атрофированы, никакая операция ей не поможет.

Ситуация казалась тупиковой. В регионе существовала специальная каторжная богадельня для инвалидов, больных и убогих, но рассчитана она была исключительно на мужчин.

В конце апреля 1911 года тюремные власти перевели Фанни Каплан из ветхой Мальцевской тюрьмы в каменный Акатуй.

«В камере с нами была бессрочница Каплан, временно потерявшая зрение еще в Мальцевской, — писала ее сокамерница Антонина Пирогова (Тебенькова). — Врачей-окулистов на каторге не было, вернется ли зрение или нет, никто не знал. Однажды Нерчинскую каторгу объезжал врач областного управления, и мы попросили

его осмотреть глаза Фани. Он очень обрадовал нас сообщением, что зрачки реагируют на свет, и сказал, чтоб мы просили перевода ее в Читу, где ее можно подвергнуть лечению электричеством».

Тюрьма, в которой сидела Фанни.
Сейчас этого учреждения уже не существует.

Шанс на спасение выпал два года спустя. В августе 1913 года местные тюрьмы объезжал недавно вступивший в должность военный губернатор Забайкальской области Андрей Кияшко. Именно тогда сплоченные акатуйские каторжанки и обратились к начальнику с отчаянной просьбой — перевести слепую Фанни в Читинскую тюрьму для лечения.

«Тронула ли его красивая молодая девушка с незрячими глазами, не знаю, но только мы сразу увидели, что дело нам удастся, — вспоминает Антонина Пирогова. — Расспросив нашу уполномоченную, он громогласно дал слово перевести Фаню немедленно в Читу на испытание. Завершив осмотр, генерал совсем обмяк и разрешил нам получать толстые журналы — но только не новые, а прошлого года».

Свое слово он сдержал. Как следует из рапорта начальника Акатуйской тюрьмы № 2162 от 4 октября 1913 года:

«Согласно личному распоряжению Его Превосходительства господина военного губернатора Забайкальской области, политическая ссыльно-каторжная Фейга Каплан 1-го сего октября отправлена в Читинскую тюрьму в распоряжение врачебного инспектора Забайкальской области для помещения во вновь открываемую лечебницу для излечения болезни глаз».

Обратно в Акатуйскую тюрьму Каплан вернулась 13 июня 1914 года.

— Стоит отметить, что за время пребывания Андрея Ивановича в должности военного губернатора системе здравоохранения в области уделялось огромное внимание: были построены новые больницы и существенно расширился штат медицинских работников, — говорит Виктория Михайлюк. — В Чите при городской больнице появились хорошо оборудованное хирургическое и гинекологическое отделения. Кроме того, Андрей Иванович лично добивался разрешения на строительство нового корпуса хирургического отделения при Забайкальской общине Красного Креста. На территории области заработала сеть врачебных пунктов и лечебниц, в том числе и бактериологическая станция. Так что Фанни Каплан было оказано передовое для своего времени лечение. Врач Читинской городской тюрьмы отписывался начальнику Акатуйской: «В течение всего лечения она подвергалась электризации (сначала постоянным, потом переменным током), впрыскиваниям стрихнина и пила йодистый калий. Это лечение желательно было бы продолжать, так как оно дало и дает несомненный успех». Также был наконец поставлен окончательный диагноз: «У Ф. Каплан мною констатирована слепота на истерической почве. В настоящее время у нее появляется зрение, хотя и в незначительных размерах». В текстах некоторых биографий Фанни Каплан говорится, что лечение она проходила в Иркутске, однако в открытых архивных материалах документы, подтверждающие факт ее этапирования туда или пребывания в местных лазаретах, полностью отсутствуют.

Лечение действительно пошло на пользу: зрение, пусть и частично, восстановилось, а тюремное начальство даже разрешило Каплан пользоваться лупой для чтения.

Орудия труда заключенных тюрьмы, где сидела Фанни

В архивных фондах сохранились уникальные письма родителей Каплан, адресованные начальнику Акатуйской тюрьмы.

Уважаемый сударь! Надеюсь, Вы простите нашу дерзость писать к Вам. Но Вы наша последняя надежда узнать что-нибудь о нашей дочери. Между заключенными в Вашей тюрьме находится наша дочь Фанни Каплан. Но вот уже прошло больше года, как мы ни слова не слышали от нее. День за днем мы провели год в сомнительных ожиданиях. Но напрасно... Уведомите хоть одним словечком, жива ли она, здорова... Бог вознаградит Вас за Ваше благотворное деяние.

В отношении содеянного Каплан Фанни Ефимовной ранее проводилась проверка. Материалы архивного дела содержат данные о покушении ею 30 августа 1918 года на жизнь человека. Посягательство на жизнь человека вряд ли может быть оправдано какими бы то ни было мотивами. Мне не известны какие-либо нормативные акты, по крайней мере из действующих, которые бы оправдывали убийство человека. За исключением разве что законоположений о необходимой обороне. Да и при необходимой обороне убийство человека не оправдывается, а лишь допускается.

Результаты баллистических экспертиз и масштабного следственного эксперимента, казалось бы, не оставляют сомнений: на заводе Михельсона стреляла именно Каплан. Однако выводы криминалистов все равно не убедят определенную часть общества, хотя бы потому, что Ленин останется слишком знаковой фигурой для нашей истории. А значит, теории заговора и красивые мифы будут сопровождать любое событие, связанное с его именем.

Жизненный путь Фанни трагичен не только потому, что в юности она оказалась втянута в революционную деятельность своим возлюбленным. Ее судьба — это наглядное и пугающее подтверждение древней истины: любое насилие в конечном итоге неизбежно оборачивается против того, кто его совершает. И платой за роковой выбор становятся годы каторги, слепота и страшная смерть.

Часть II

Сталинские истории

Дело о покушении на генсека, или Теракт на Лобном месте

Верховный суд РФ в 2017 году отказал в посмертной реабилитации ефрейтора Савелия Дмитриева, который 6 ноября 1942 года устроил стрельбу на Лобном месте у стен Кремля.

Долгое время считалось, что он покушался лично на Иосифа Сталина. Однако в правительственной машине в тот день и час ехал не Сталин, а Анастас Микоян. То, что в автомобиле оказался другой человек, было чистой случайностью — как и то, что сам нарком в итоге остался жив.

В этом деле до сих пор немало странностей. Почему ефрейтора казнили лишь через восемь лет после покушения и спустя шесть лет после вынесения приговора? Зачем следствие выжидало так долго? Где и в каком статусе Дмитриев содержался все эти годы? Действительно ли он пошел на преступление из-за помутнения рассудка, или же он был агентом немецкой разведки? И наконец, кому и зачем спустя десятилетия понадобилось его реабилитировать?

Эта история — одна из самых таинственных загадок середины XX века — оказалась близка к своей разгадке.

Среди всех покушений на Сталина (а их было ни много ни мало — пять) это дело всегда стояло особняком.

— 6 ноября 1942 года Савелий Дмитриев, служивший в расквартированном в Москве полку, самовольно покинул расположение части и отправился на Красную площадь, — рассказывает

советник директора ФСО, доктор исторических наук Сергей Девятов. — Ефрейтор выдал себя за часового и занял позицию у Лобного места. Он дождался, пока из Спасских ворот Кремля выедет правительственная машина, и открыл по ней огонь.

Находившийся в автомобиле нарком внешней торговли Анастас Микоян чудом не пострадал. Однако офицеры охраны и комендатуры Кремля при задержании Дмитриева получили ранения. Тем не менее нападавшего удалось взять живым. Никаких сомнений в юридической квалификации этого преступления не было с самого начала: это теракт.

Примечательно, что следствие сразу же установило: удар был направлен против конкретных лиц из высшего руководства страны, а не против советской власти в целом. И эта деталь стала ключевым моментом во всем расследовании.

Как объясняют в Главной военной прокуратуре, впервые официально вернулись к этой истории в 2001 году.

— Тогда никаких обращений со стороны родственников или правозащитников по поводу Дмитриева к нам не поступало, — комментируют в ведомстве. — Однако в рамках федерального закона «О реабилитации жертв политических репрессий» прокуратура была обязана проверить все подобные дела. В итоге дело Дмитриева было изучено в числе прочих. Никаких сомнений в его виновности в совершении особо тяжкого преступления не возникло. Заключение Главной военной прокуратуры от 1 марта 2001 года: признать не подлежащим реабилитации.

СПРАВКА:

В период с 1991 по 2009 год органами военной прокуратуры было проверено около 275 000 архивных уголовных дел. По результатам этих проверок свыше 124 000 человек признаны жертвами политических репрессий. Остальным в реабилитации отказано.

Вопрос был тогда закрыт, и, казалось, навсегда. Однако в феврале 2014 года гражданин России Александр Бусаров через официальный сайт Главной военной прокуратуры подал заявление. В нем он просил реабилитировать целый ряд лиц, приговоренных при советской власти к длительным срокам заключения или даже к смертной казни. В числе прочих, малоизвестных фамилий значился и Дмитриев. При этом никаких пояснений в отношении него Бусаров не оставил и не привел ни одного довода в пользу его невиновности.

Сам Бусаров (известно, что он историк и живет в Курске) инициировал целый ряд громких судебных разбирательств, однако лично ни на одном заседании так и не появился. Например, в 2013 году в Верховном суде РФ по его заявлению высшие судебные инстанции детально разбирали вопрос: законна ли «Инструкция о порядке приема, учета, обеспечения сохранности и использования архивных документов в органах Федеральной службы безопасности»? Бусаров требовал признать недействующим один из ее пунктов, регулирующий оформление архивных справок и позволяющий ФСБ не предоставлять гражданам определенные сведения.

В зале суда присутствовали представители ФСБ, Министерства юстиции и Генпрокуратуры, но сам истец на процесс не явился. В ходе разбирательства выяснилось, что ведомственный документ имеет гриф «Секретно» и предназначен исключительно для внутреннего пользования. В итоге иск Бусарова отклонили, но его обостренный интерес к закрытым архивам спецслужб никуда не исчез.

Благодаря Бусарову материалы уголовного дела о покушении на Сталина в военной прокуратуре пересмотрели во второй раз. Вердикт остался прежним: реабилитировать нельзя. Однако, согласно закону, при наличии официального заявителя это решение должна была подтвердить Фемида. Так папка Дмитриева дошла до Военной коллегии Верховного суда РФ. Высшие судьи внимательно изучили все материалы дела, которые, к слову, уместились всего в три тома.

О том, как именно разворачивались события у Кремля, несколько лет назад рассказывал бывший научный сотрудник ФСО Валентин Жилев. Правда, в общих чертах, хотя благодаря ему была опубликована даже официальная схема места происшествия, составленная НКВД СССР. И все же, как известно, дьявол кроется в деталях, многие из которых оставались неизвестными широкой публике.

Итак, 6 ноября Савелий Дмитриев, как обычно, заступил на пост при гараже своей роты. В 11:45 один из его напарников, красноармеец Пролыгин, уснул, а второй, Логуткин, ненадолго отлучился. Воспользовавшись моментом, Дмитриев дезертировал из части, прихватив с собой боевую винтовку и 45 патронов.

Выдав себя за военнослужащего из состава военного патруля, он выбрал удобное для нападения место — Лобное. И в 14:55 обстрелял правительственную машину, направляющуюся из Спасских ворот в сторону улицы Куйбышева (ныне улица Ильинка. — *Прим. авт.*).

Дмитриев выстрелил по машине, в которой ехал Микоян, три раза, но промахнулся. Его мгновенно засекала охрана Кремля и открыла ответный огонь. Перестрелка ефрейтора с бойцами полка специального назначения УМКК длилась несколько минут. Дмитриев отстреливался и выкрикивал: «Все равно я вас застрелю!» В конце концов охрана применила гранаты. Ранили. Ну а раненого захватить ничего не стоило (приказа добивать у них не было), тем более что Дмитриев и сам был готов сдаться.

— Умирать он точно не хотел, — комментирует сотрудник спецслужб, изучавший дело в архиве КГБ/ФСБ. — То есть это точно не камикадзе. На допросах Дмитриев был довольно спокоен. Переживал лишь о том, что не попал в пассажиров правительственного автомобиля. Думал ли он, что внутри сидит сам Сталин, или в качестве жертвы его устраивал любой член советского правительства? Вот это не совсем понятно. В пользу версии, что покушался он на Сталина, говорят свидетельские показания.

Вот, к примеру, бывший автомеханик завода «Стройдеталь» (там Дмитриев работал до призыва) по фамилии Ширген уверял, что лично слышал от него конкретную фразу: «Нужно совершить теракт в отношении Сталина».

Какие же прямые доказательства этого преступления сохранились в деле? Это докладная записка и два рапорта на имя наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии, датированные 6 и 7 ноября 1942 года. Авторами документов значатся три человека: командир охраны отдельного батальона НКВД Цыба, командир взвода полка специального назначения Степин и командир взвода 10-й роты полка спецназначения Вагин. Из этих документов следует, что именно Цыба стоял у Спасских ворот в момент нападения и лично бросил в сторону Дмитриева две ручные гранаты. Кроме того, в материалах дела подшиты официальный акт осмотра места происшествия, составленный сотрудниками НКВД, и та самая оперативная схема.

Рассмотрим ее чуть внимательнее.

На ней видны машина Микояна и следующий за ней автомобиль охраны. А вот и телега извозчика — он вез сено через Красную площадь и в самый неподходящий момент перегородил дорогу, из-за чего правительственный кортеж был вынужден снизить скорость. Кстати, было ли это досадной случайностью или тщательно спланированной акцией? В материалах дела нет ни строчки о том, был ли этот извозчик хотя бы допрошен. И это далеко не единственная странность.

В архивных папках нет ни слова о том, какое именно ранение получил Дмитриев, осматривал ли его врач и оказывалась ли ему медицинская помощь. Вероятно, здоровье задержанного интересовало власть меньше всего — его судьба была предрешена. Однако мертвые не разговаривают, а следствию нужны были ответы. Что именно доложить Сталину?

Судя по документам, Дмитриева сразу же поместили во Внутреннюю тюрьму НКВД, расположенную на Лубянке. Допрос арестованного организовали в день покушения. В дальнейшем

Савелий Дмитриев

становился все более и более уступчивым. И вот арестованный начал отвечать не просто односложными «да» или «нет» — в его показаниях появились целые развернутые предложения, а затем даже истории. Он стал неохотно делиться деталями о своем детстве, семье и жизни в Казахстане...

Однако шли дни, а Дмитриев так и не произнес главного — того, что так хотели услышать следователи. Он не признавался, зачем хотел убить именно Сталина и действительно ли вождь был единственной мишенью. Ефрейтор упорно твердил, что ему необходимо увидеть генсека, чтобы сообщить ему некую важную тайную информацию. «Это невозможно. Ваша попытка шантажировать следствие не достигнет цели», — сухо обрывали его на допросах.

Интересный факт: уже в ноябре 1942 года следователи оперативно допросили всех, кто лично знал Дмитриева, — близких, товарищей, коллег. Многие из них в тот момент находились на передовой, поэтому чекистам приходилось выезжать прямо на фронт и собирать показания буквально под пулями.

Это наглядно демонстрирует, насколько важным и безотлагательным считалось это дело даже в условиях войны.

Сам Дмитриев сидел во Внутренней тюрьме НКВД, а затем в Бутырке. Сохранившиеся документы подробно фиксируют эти тюремные будни: «Выдать 1 пару ботинок, 1 черную рубашку», «Перевести в камеру №81», а спустя несколько месяцев — «Перевести в камеру №53».

О чем же просил в тюрьме террорист? Разрешить ему пользоваться книгами и лавочкой. Такое разрешение ему дают. Некий майор для Дмитриева просил у начальника тюрьмы пайку: 400 граммов белого хлеба и сливочного масла ежедневно по состоянию здоровья.

Кстати, о здоровье. Вопрос о вменяемости Савелия Дмитриева неоднократно ставился перед специальной комиссией Бутырской психбольницы. Однако всякий раз вердикт медиков оставался неизменным: заболеваниями психики не страдает.

Правда, в деле сохранился документ, датированный 1943 годом. Цитата из него гласит:

При поступлении в больницу НКВД «Бутырская» жалуются на слуховые галлюцинации. Говорит, что слышит, как по радио из Америки с ним разговаривает Рузвельт.

Существует и заключение медицинской комиссии врачей-психиатров от 4 апреля 1943 года:

Обнаружена психогенная реакция, психически неустойчив, легко переходит от улыбки к слезам, слышит голоса надзирателей, которые якобы угрожают ему переводом в карцер, легко поддается разубеждению.

Но все это, выходит, не стало поводом для того, чтобы признать Дмитриева невменяемым и не отвечающим за свои действия.

В 1948 году Дмитриева переводят в Сухановскую тюрьму МГБ СССР. Там у него диагностируют сердечно-сосудистую недостаточность II степени и выявляют влажные хрипы в легких.

В 1950 году Дмитриев оказывается уже в «Лефортово», и здесь его здоровьем больше никто не интересуется: в этот период нет ни одного протокола медицинского осмотра или врачебной справки.

Большую часть архивных материалов составляют протоколы допросов обвиняемого. Именно по ним можно воссоздать его психологический портрет и найти ответ на главный вопрос: ради чего он решился на злодеяние? До сих пор о личности ефрейтора почти ничего не было известно. Из кратких энциклопедических справок следовало лишь, что он родился в 1909 году в семье зажиточного крестьянина, оставался малограмотным (окончил всего-навсего один класс) и был женат. Вот и все.

Долгие поиски информации в архивах привели к весьма интересным открытиям.

Итак, отец Дмитриева был не просто зажиточным крестьянином, а баптистским проповедником. Будущий террорист рос в многодетной семье в окружении пяти братьев и сестры. Двое его братьев пострадали от новой власти: один был участником белогвардейского движения и погиб, другой — скончался в тюрьме, куда попал за антисоветские взгляды.

Сам Дмитриев поначалу даже пытался вступить в ВКП(б), но получил жесткий отказ из-за религиозного статуса отца. Судя по всему, именно это крушение надежд, а вовсе не трагедии с братьями заставило его впервые затаить обиду на советскую систему. После смерти родителей (мать умерла в 1931 году, отец — в 1934-м) молодой человек решает навсегда покинуть родные края.

Из Казахстана Дмитриев приехал в Москву в 1935 году и сразу устроился на завод «Стройдеталь». Его супруга устроилась на работу в ресторан гостиницы «Метрополь». В столице пара несколько лет прожила на Новой Башиловке в доме у тетки его супруги — женщины по фамилии Дитрих. Та была замужем

за богатым немцем, у которого до революции в России было несколько ресторанов. Большевики отобрали у него все. Более того, обоих супругов репрессировали в 1934 году за поддержку германского фашизма. Не стоило удивляться, что еще до войны Дитрихи были недовольны советской властью. Могли ли они влиять на мировоззрение Дмитриева, которому предоставили и кров и хлеб? Наверняка.

Потом во время допросов Дмитриев вспомнит, как однажды муж тети прочел ему наедине «Протоколы сионских мудрецов» (экстремистское издание, распространение которого запрещено на территории РФ). Подследственный признавался, что эта книга произвела на него сильное впечатление.

В 1939 году во время Польской кампании Дмитриев был призван в ряды Красной армии и участвовал в освобождении Западной Белоруссии. Из его протоколов допроса следовало: «Я лично уничтожил 8 польских офицеров. За это был представлен к правительственной награде. Но не получил ее по непонятной мне причине».

Все эти события лишь сильнее озлобили Дмитриева. А вскоре началась Великая Отечественная война... Кого винить в том, что в первых боях мы потерпели поражение? Конечно, Сталина. Когда Савелий впервые попал на фронт в октябре 1941 года, он похитил из машины с боеприпасами две гранаты Ф-1. Их он планировал взорвать 7 ноября 1941 года во время праздничного шествия трудящихся на Красной площади. Представлял он это себе довольно просто — думал, что сможет метнуть эти гранаты на трибуну, где будет сидеть Сталин. Но ничего не вышло, потому что демонстрация на Красной площади в этот день так и не состоялась — был только военный парад.

В феврале 1942 года Дмитриев пытался перейти на сторону немцев, причем сделать это он планировал вместе с колонной автомашин. Реализовать задуманное ефрейтор не смог «по не зависящим от него причинам» — именно так зафиксировано в его показаниях. Об этом эпизоде позже подробно рассказывал и бывший

красноармеец взвода управления 1201-го зенитно-артиллерийского полка Московского фронта ПВО по фамилии Филин.

А вот и самое интересное — 20 октября (то есть за две недели до теракта) Дмитриев снова подал заявление о вступлении в коммунистическую партию. Будущий террорист уточнял, что хочет «принять активное участие в общественно-политической жизни страны». Но ему парторганизация полка отказала. Если бы не это, как знать, возможно, теракта в ноябре 1942 года и не произошло бы... Или, наоборот, он смог бы выбрать более удачный момент для нападения?

Однако главный вопрос заключался в другом: действовал ли ефрейтор в одиночку, являлся членом подпольной антисоветской группы или вовсе выполнял задание вражеской разведки? Думаю, именно затянувшиеся поиски истины и отсрочили смерть Дмитриева. Следствие не знало, как преподнести случившееся Сталину (может быть, именно поэтому Микояна так и не признали потерпевшим и не допросили?). Проще было «заморозить» уголовное дело, чем неверно (скорее даже с политической точки зрения) его отобразить. Именно этим, видимо, объясняется тот факт, что некоторые страницы дела... исчезли.

В итоге Дмитриев продолжал оставаться за решеткой. Возможно, он даже надеялся на то, что его не расстреляют. В конце концов уже после вынесения постановления о предъявлении обвинения (подписано в 1944-м) никто и речи не вел о приговоре. Ничего не происходило больше шести лет. Ни допросов, ни каких-либо других следственных действий.

Но в какой-то момент всех, кто знал Дмитриева, — включая его коллег и сослуживцев, — внезапно арестовали и подвергли репрессиям. Сотни человек! Их всех признали виновными в антисоветской агитации. Развязка наступила в 1950 году, когда судьи Верховного суда СССР вынесли Дмитриеву расстрельный вердикт. Этот документ сохранился в архивах: кстати, он написан от руки, а не отпечатан на машинке. Сухие строчки о виновности и назначении высшей меры. Завершают архивное дело две последние

справки: об исполнении приговора в тот же день и о конфискации имущества. В распоряжение государства был передан весь нехитрый скарб Дмитриева: зеркало, бритва, трубка кисейная, отвертка, ремень и золотник.

Запутавшийся в паутине собственных обид и слепой ненависти, Дмитриев потерял семью гораздо раньше, чем расстался с жизнью. Его судьба — человека, проведенного в неизвестности в каменном мешке в общей сложности восемь лет, — невольно вызывает жалость. Однако закон непреклонен.

— В его действиях есть состав преступления, — комментирует один из судей Верховного суда РФ, который рассматривал дело Дмитриева. — Он совершил то, за что и сегодня его бы ждало суровое наказание по российскому законодательству. Мотивы тут не столь важны. Покушение на жизнь людей — это тяжелейшее преступление. Так что реабилитации Савелий Дмитриев, на наш взгляд, не подлежит.

Яков Сталин: историческая экспертиза по разоблачению «фотошопа»

«Я солдата на фельдмаршала не меняю» — все мы слышали легендарную фразу, которую Сталин якобы произнес, когда Адольф Гитлер предложил обменять плененного Якова Джугашвили на бывшего командующего 6-й армией в Сталинградском котле фельдмаршала Фридриха Паулюса.

Но вот что странно: ни один человек, оставивший мемуары о той эпохе, не может подтвердить, что слышал эти слова лично. Откуда они взялись — до сих пор загадка.

Говорил ли их Сталин на самом деле? А если да, то не потому ли, что знал о гибели сына еще в начале войны (советская разведка работала блестяще, а ее агенты были даже в ближайшем окружении Гитлера)?

Трагическая судьба старшего сына вождя и сегодня волнует историков. В начале 2000-х группа лучших в стране военных криминалистов и историков Федеральной службы охраны (ФСО) изучила немецкие фотографии и записки из плена. Специалисты вынесли сенсационный вердикт: немцы применили технологии, которые в современном мире назвали бы «фотошопом». Автор этих строк получила результаты их исследования и побеседовала с одним из экспертов, его проводивших.

Вокруг старшего сына Сталина всегда ходило множество слухов. Главный из них утверждал, будто Яков был «нелюбимым

Яков Джугашвили

ребенком». Однако многие современные историки это опровергают. В пользу их версии говорят сразу несколько фактов. Во-первых, свою первую жену, мать Якова, Иосиф Джугашвили любил страстно и глубоко оплакивал ее уход. Во-вторых, сам первенец вождя давал немало поводов для гордости: он был умен, прекрасно воспитан и успел получить два высших образования. Со временем наладился и быт: Якову выделили отдельную квартиру и автомобиль. В-третьих, именно по настоянию отца Джугашвили-младший поступил в Артиллерийскую академию. В те годы это могло служить доказательством того, что вождь готовил преемника к высокой государственной или военной должности. Принимая выпускников военных академий в Кремле, Сталин упомянул в речи, что лично читал конспекты «одного своего знакомого, который учится». Очевидно, что под «знакомым» скрывался собственный сын, чьими успехами отец искренне интересовался.

Что же касается таинственности вокруг фигуры Якова и отсутствия его снимков в прессе, то это могло объясняться не опалой, а его привлечением к секретной службе.

В первые же дни Великой Отечественной войны Яков ушел на фронт. Он командовал артиллерийской батареей 14-й танковой

дивизии, однако точные обстоятельства его последнего боя до сих пор неизвестны.

Уже 16 июля 1941 года, во время тяжелых оборонительных боев на Смоленском направлении, над окопами советских солдат начали сыпаться немецкие листовки с шокирующим известием: сын Сталина сдался в плен. Спустя четыре дня, 20 июля, о захвате Якова Джугашвили в плен сообщило и берлинское радио. В радиозфире его называли командиром артиллерийской батареи.

Вскоре нацистская пропагандистская машина заработала на полную мощность. Из плена Яков пишет письмо отцу, где сообщает:

«Обращение хорошее, скоро отправят в Германию...»
Немецкие газеты публикуют фотографию Якова.

Немецкая листовка

Фотомонтаж из иностранных газет

Финальную точку в этой истории Третий рейх поставил в 1943 году. Немцы официально заявили, что Яков предпринял попытку самоубийства — бросился на колючую проволоку концлагеря Заксенхаузен и был застрелен часовым.

В начале 2000-х годов по инициативе ФСО сотрудники Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ провели масштабную работу, связанную с судьбой Якова Джугашвили.

Этот проект не носил официальный характер судебной экспертизы. Специалисты провели историческое расследование, но применили к архивным материалам строгие методы судебной медицины и криминалистики. Поскольку работа была сугубо научной, никакой подписки о неразглашении с экспертов тогда не брали.

Итак, что же именно изучали специалисты?

Во-первых, подлинник протокола допроса человека, назвавшегося Яковом Джугашвили, от 16 или 17 июля 1941 года. Этот документ обнаружили в 1948 году при разборе архивов, захваченных нашими войсками. В немецких бумагах значилось: «Допрашиваемый называет себя сыном председателя Совнаркома Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина Яковом Джугашвили». Там же содержалась важнейшая ремарка: пленник якобы свободно владеет английским, немецким и французским языками.

Однако здесь кроется ключевое противоречие. Настоящий Яков Джугашвили окончил Институт инженеров транспорта, а затем — Военную артиллерийскую академию. Он учился

практически отлично, но имел одну известную близким особенность — был совершенно не способен к иностранным языкам.

Однако человек, находившийся в лагере, без труда объяснялся с пленными англичанами и французами, а также легко находил общий язык с немецкими офицерами. Этот факт подтвердили двое бывших военнопленных, которых разыскала Федеральная служба охраны. Они сидели в том же офицерском лагере, где до 1943 года содержался узник, именовавший себя сыном советского вождя.

Во-вторых, фотографии.

Главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны профессор Виктор Колкутин, а также эксперты Сергей Зосимов, Валерий Грибов, Сергей Абрамов получили от Федеральной службы охраны целую коллекцию материалов: снимки из немецких журналов, газет и пропагандистских листовок. Качество немецкой полиграфии было отменным, все изображения воспроизводились без искажений.

Фотомонтаж из иностранных газет

Поначалу кадры не вызывали никаких подозрений — обычная военная хроника.

— Я целую неделю не мог отделаться от ощущения, что что-то не так, — рассказывает Сергей Зосимов. — Я снова и снова возвращался к одному конкретному снимку. На нем человек в куртке с отложным воротником сидит за богато накрытым столом в компании двух немецких офицеров.

И вот — есть! Куртка на «Якове»

застегнута на левую сторону. По-женски.

Может, просто напечатали с перевернутого негатива? Но нет — мундиры немецких офицеров рядом застегнуты правильно, по-мужски. Это доказывало, что негатив не переворачивали. Значит — монтаж.

Когда за снимки взялся профессор Сергей Абрамов — специалист с огромным практическим опытом именно в этой области, — картина стала еще яснее. Его вывод был категоричен: абсолютное большинство представленных кадров являлись результатом фотомонтажа. Причем довольно грубого. При сильном увеличении дефекты проступали отчетливо: нужные лица вырезали ножницами, вклеивали в чужой фон, а границы стыков маскировали ретушью.

Лишь две-три фотографии вызывали у экспертов сомнения — уверенно доказать факт монтажа на них не удалось.

— Через несколько лет после завершения работы на меня вышли странные люди, которые начали уверять, будто на Западе обнаружены новые фотоснимки Якова в плену, — говорит Зосимов. — На них якобы нет никаких следов монтажа. Но что на это сказать? Сегодня в арсенале преступников компьютерные программы. Подделки, изготовленные с их помощью, уже не удастся распознать теми простыми методами, которыми мы пользовались в 2000-х. Так что эти находки, скорее всего, просто отличная подделка.

Но здесь напрашивается очевидный вопрос: зачем нацистам понадобилось заниматься монтажом, если в лагере действительно содержался настоящий Яков Джугашвили? Немецкие специалисты великолепно владели фотоделом. В их распоряжении находились технологии скрытой съемки и лучшие в мире оптические приборы, позволявшие фотографировать с больших дистанций с помощью длиннофокусных объективов. Сделать качественный снимок человека крупным планом и без его ведома немецким специалистам не составляло никакого труда. Если бы реальный Яков наотрез отказался позировать, его бы без проблем сняли скрытно.

Но почему-то пошли на монтаж...

Более того, немцы с педантичностью фиксировали на киноплёнку даже самые незначительные эпизоды из жизни вооружённых сил. При этом среди огромного массива трофейных кинофотодокументов, которые по сей день хранятся в Государственном архиве кинофотодокументов, не обнаружено ни единого кинодокумента, прямо или даже косвенно запечатлевшего старшего сына Сталина.

В-третьих, письмо отцу.

Параллельно эксперты исследовали краткую записку, которую Яков якобы передал своему отцу через Красный Крест. Содержание ее было лаконичным: сообщалось, что он жив, обращение с ним хорошее и вскоре его отправят в Германию. В конце были приписаны несколько теплых слов для близких.

— Почерковедческое исследование поручили мне, — продолжает Зосимов. — В качестве образцов для сравнения ФСО предоставила конспекты лекций Якова из Артиллерийской академии, написанные примерно в то же самое время. Идеальный материал.

В криминалистике важно, чтобы эталонные образцы и исследуемый текст разделяли максимум два-три года, иначе в почерке могут появиться необъяснимые возрастные или психологические изменения. Представленные же образцы полностью соответствовали всем строгим требованиям экспертизы.

Исполнитель записки добросовестно воспроизвел общие контуры почерка и самые заметные, бросающиеся в глаза детали. Однако множество тонких, скрытых признаков фальсификатор скопировать не сумел. Одиннадцать несовпадений Сергей Михайлович обнаружил сразу. Позднее, во время повторного анализа с применением новейших методик, оценивающих кривизну штрихов в буквах, скрытых расхождений выявили еще больше.

Вывод экспертов был однозначен: записка написана с подражанием почерку Якова Джугашвили. Но не самим Яковым.

В-четвертых, свидетельства очевидца.

Выяснилось, что человек, содержащийся в офицерском лагере под именем сына Сталина, страстно увлекался резьбой по кости и достиг в этом деле поразительных успехов. Его изделия охотно раскупали немецкие офицеры, а однажды кто-то выложил за вырезанные им шахматы огромную по тем временам сумму — 800 марок.

— В свое время я бывал в командировках на Чукотке и близко общался с местными косторезами, — рассказывает Зосимов. — Такое мастерство вырабатывается годами упорного труда. Это не хобби выходного дня, а тончайшее искусство, которому учатся с раннего детства. Настоящий же Яков рос в Москве, учился в обычной школе, а затем в технических вузах. Откуда у него могло взяться мастерство резьбы по кости?

Все эти факты привели экспертов к итоговому вердикту: человек, выдававший себя за Якова, им не являлся. Кем же он был? Историки выделяют два наиболее вероятных сценария. Первый — это самозванец. Известен аналогичный случай, когда в немецком лагере военнопленный долго и успешно выдавал себя за племянника Молотова, пока его не разоблачили. Второй вариант — заранее подготовленный агент немецкой разведки. Обнаружив на поле боя тело Якова, гитлеровцы развернули масштабную спецоперацию. На роль «сына вождя», скорее всего, подбирали

представителя грузинской эмиграции первой волны. Этот человек идеально подходил для оперативной комбинации: он прекрасно образован, владел несколькими языками и обладал редким ремесленным талантом.

Василий Сталин: обвинение в злоупотреблениях и антисоветчине

Уголовное дело в отношении младшего сына Сталина — Василия по праву считается одним из самых загадочных в советской истории. Спустя всего пару месяцев после смерти вождя, 28 апреля 1953 года, бывший генерал-лейтенант Василий Сталин в одночасье стал простым заключенным. Следствие по его делу затянулось на долгие два с половиной года, и лишь 2 сентября 1955 года он был осужден за антисоветскую пропаганду, растрату и злоупотребление служебным положением. Наказание — восемь лет лишения свободы с поражением в политических правах на два года.

До сих пор историки спорят: был ли сын вождя действительно виновен, или этот процесс стал мстью его отцу? А может, таким образом изолировали опасного свидетеля, который в кругу друзей заявлял, что Сталина отравили, и грозился рассказать об этом иностранным журналистам?

Как сын вождя пережил столь стремительное падение на самое дно? В каких условиях содержался за решеткой? И как отзывался об отце и его преемниках, которые лишили его свободы?

В 1990-х годах в Генеральную прокуратуру обратилась дочь Василия Сталина, Надежда, с просьбой о посмертной реабилитации отца, которого она всегда считала порядочным и честным человеком.

Василий Сталин

В итоге Верховный суд РФ, рассмотрев материалы с подачи Генпрокуратуры, полностью пересмотрел это громкое дело. С сына вождя сняли клеймо политического преступника, полностью реабилитировав его по статье об антисоветской пропаганде. Однако обвинения в злоупотреблениях служебным положением оставили, но смягчили наказание, снизив срок с восьми до четырех лет лишения свободы. Поскольку новое наказание оказалось не столь суровым, уголовное дело Василия Сталина задним числом подпало под действие советских амнистий 1953 и 1955 годов, что позволило Верховному суду РФ полностью закрыть его. Почему же Верховный суд отказался полностью оправдать Василия Сталина?

Начнем с того, что обвинения были двух видов — экономические и политические.

Обвинения в растрате и превышении должностных полномочий охватывают период с 1948 года, когда Василий возглавил Военно-воздушные силы Московского округа.

Так, в официальном обвинительном заключении по его делу сказано: «Василий Сталин, будучи командующим ВВС МВО, преступно-халатно относился к исполнению служебных обязанностей,

вопросами боевой подготовки по существу не занимался, от воспитательной работы в частях самоустранился и, злоупотребляя своим служебным положением, занимался разбазариванием государственных средств».

Василий Сталин действительно страстно любил спорт и был щедр к спортсменам. Однако вся эта щедрость и масштабное меценатство осуществлялись за счет бюджета военной авиации и военнослужащих.

Начнем со строительства масштабных спортивных объектов. Поскольку целевой бюджет Военно-воздушных сил не предполагал подобных гражданских трат, в официальной отчетности эти сооружения были указаны как военные ангары. Яркий пример: строительство водного бассейна на территории Центрального аэродрома. Василий Сталин исходил из того, что в Москве нет ни одного 50-метрового водного бассейна для подготовки к олимпийским соревнованиям. Однако за высокими государственными целями скрывались и сугубо личные мотивы. На прямой вопрос судьи «Какое отношение имели ВВС к спортивным сооружениям?» Сталин-младший ответил так: «Бесспорно, я занимался не своим делом, и никто, конечно, мне не поручал строить водный бассейн. Одной из побудительных причин к этому явилась мастер спорта по плаванию моя сожительница Васильева Капитолина».

Василий Сталин, судя по всему, действительно руководствовался искренними побуждениями, однако нарушал закон. На допросах он сам признавал этот факт: «Я никого не хотел обманывать, но иначе получить средства для строительства было нельзя. В данном случае я признаю, что нарушил финансовую дисциплину».

Помимо скрытого финансирования строек, в деле фигурировали и злоупотребления иного характера. Командующий ВВС использовал в личных целях как деньги военнослужащих, так и казенные средства. Например, он регулярно отправлял офицеров в заграничные командировки с единственной целью — для покупки и доставки лично ему имущества.

Моя коллега Марина Гриднева, которая изучила эти материалы задолго до меня, опубликовала уникальные выдержки из судебного допроса Василия Сталина:

Судья. Известно, что содержание вашей дачи обошлось государству в два миллиона рублей. Как вы не могли понять, что все это переходит границы?

В. Сталин. Да, вы правы. Здесь чувство меры было мною потеряно.

Дача действительно была обустроена с размахом. На ее территории располагались баня, оранжерея, собственная конюшня, огромный фруктовый сад (плодово-ягодные деревья для него доставляли самолетом в Москву из Мичуринска), личная автоматическая телефонная станция (АТС), которая предусматривала установку аппаратов даже в ванной и нескольких уборных.

Политические обвинения заключались в том, что Сталин-младший дискредитировал руководителей партии своими заявлениями об убийстве отца. Ему также вменили измену Родине за намерение дать интервью иностранным корреспондентам и «террористический выпад в адрес одного из руководителей СССР». Последний пункт появился из-за брошенной Василием в сердцах фразы: «Булганина убить мало!» Он произнес ее после того, как министр обороны Булганин настоятельно предложил ему навсегда покинуть Москву.

Вечер 4 января 1956 года. Окраина Владимира, расположенного в 200 километрах от столицы.

К массивным воротам знаменитого централа бесшумно подъехал черный правительственный лимузин ЗИМ в сопровождении точно такого же автомобиля охраны. Конвоиры вывели Василия Сталина и под роспись передали начальнику тюрьмы. Тот незамедлительно распорядился оформить новоприбывшего под вымышленным именем — Василий Павлович Васильев. Саму фамилию

Сталин отныне было строго-настрого запрещено произносить на всей территории тюрьмы под страхом наказания.

Гремит связка ключей. Надзиратель неспешно ищет тот самый. Находит. Проворачивает его в замке. Скрип двери. Внутрь вводят заключенного...

Эта сцена происходила во Владимирском центральном в 1958-м, но повторилась и теперь. Тогда в камеру №31 завели Василия Сталина, уже отсидевшего до этого три года в Москве, а сегодня сюда зашла я, решив лично пройти по тюрьме его путь.

Владимирский централ

Его камера небольшая и довольно светлая. Мне показывают угол, в котором стояла кровать Василия Сталина. Сейчас там тоже установлены нары, только уже другие. Вообще, эта камера и сегодня жилая. Ее нынешний «постоялец» — молодой человек, арестованный за кражу. Быт здесь незамысловат: железное ведро с питьевой водой, шахматы (он играет сам с собой), шкафчик, заполненный нехитрой провизией... Заключенный сидит за столом

и сосредоточенно пишет письма. Он даже не подозревает, что каждую ночь спит на том самом месте, где когда-то лежал сын генералиссимуса.

Камера, где, по некоторым данным, сидел сын Сталина.
Фото сделано во время посещения автором Владимирского центра ла

Коридор, по которому ходил
известный заключенный

А я иду дальше. Судя по документам, Василий Сталин помещал во Владимирском центре минимум три камеры. Сначала его содержали во втором режимном корпусе, который старожилы называли больничным, поскольку там располагалась медчасть. Затем последовал третий и, наконец, четвертый.

Именно в «четверке», в угловой камере на третьем этаже, сын вождя провел большую часть своего срока. По злой иронии судьбы в этих же стенах сидела практически вся родня второй жены

Сталина — Надежды Аллилуевой. В их числе ее родная сестра Анна и невестка Евгения (вдова брата Павла).

Несчастливые Аллилуевы оказались полностью изолированы от мира якобы за то, что распространяли секретные сведения о личной жизни Сталина. Сотрудники показывают их камеры. Но там все стандартно. Да и что могут рассказать стены? Немного. Другое дело — люди...

Константин Евсеев почти 40 лет проработал во Владимирском центре. Он отвечал за тюремное производство, а его супруга трудилась там же медсестрой. Оба давно на пенсии и живут недалеко от тюрьмы. Константин Дмитриевич, несмотря на почтенный возраст (недавно он отметил 95-летний юбилей), выглядит и чувствует себя отлично. У него потрясающая память и удивительно ясный, светлый ум. Общаясь с Евсеевым, сразу понимаешь, почему в свое время Василий Сталин позволил себе полностью раскрыться в беседах с этим человеком.

Ветеран пенитенциарной системы пригласил меня в гости: все-таки о тайнах закрытых учреждений действительно лучше разговаривать за их пределами. Жил Константин Дмитриевич скромно. Ничто в его крохотной квартире не напоминало о том, что вся его жизнь была связана с Владимирской тюрьмой.

Константин Евсеев, который охранял Василия Сталина. Фото сделано автором во время беседы с ветераном ФСИН

— После войны я устроился в школу военруком, — начинает ветеран свой рассказ. — А в 1947 году мне предложили перейти в Особую тюрьму Министерства государственной безопасности. На первых порах я работал там обычным электриком. Позже стал отвечать за различные участки производства, где трудились

папиросы «Грузия» и предлагает мне. А у нас ведь строго: угощаться у заключенных не полагалось. Но я, чтобы не обидеть, ответил: «Я курю только “Беломор”. И если ваши закурю, то закашляю».

Спустя время прихожу — а Васи нет. Те двое мне и говорят: «Вася набил мозоль. Ему работать нельзя. Мы за него все сделаем». Ну, раз они так между собой решили — значит, так тому и быть.

Потом Вася все-таки вернулся на участок и поинтересовался, есть ли у нас механический цех. Я ответил утвердительно и показал ему никем не занятый токарный станок. Он на нем работал, вытачивал детали. Как-то раз он заметил, что тяжелые кастрюли с едой разносчики таскают по корпусам вручную. пожалел людей и решил облегчить их труд — сконструировать специальную тележку. Сам придумал механизм, чертежи сделал. И вышла очень хорошая тележка, на которой развозят и сегодня пищу для заключенных.

Уже потом я понял, почему его определили именно в мое подчинение: у меня была совсем маленькая рабочая бригада из арестантов. Лишних вопросов они не задавали, а на крупном общем производстве его бы быстро рассекретили.

— **Вы с ним много общались?**

— У меня была небольшая комната, где лежали вещи, документы. Он туда ко мне приходил на перекур. А курил он часто и помногу. Анекдоты всегда рассказывал. Какие? Да все больше скабрезные, неприличные. (Смеется.) Но мы долго друг друга изучали. Василий не признавался, кто он, а я не спрашивал.

— **Вы были с ним на «ты» или на «вы»?**

— На «ты». И вот в один момент у меня сорвалось: «Вась, а за что тебя посадили?» Тут моя была ошибка. Но он не смутился, ответил: «За язык». Я ему: «Как это — за язык? Что он у тебя, такой длинный, что ли?» Он: «Да сказал я в высших кругах: как, мол, вы можете править государством, если не смогли

организовать похороны отца». А помните, что на похоронах Сталина было много жертв? Так я и узнал, что это сын Сталина.

— **А до этого момента вы сомневались?**

— Я догадывался, но сомнения оставались. А тут уже все вроде раскрылось, и он уже не скрывал, что является сыном Сталина.

Потом как-то ко мне заходит осужденный с хоздвора. Уселся и давай на Васю внимательно так смотреть. И вдруг неожиданно говорит: «А ты разве не с такого-то полка?» Признал, стало быть, его. Вася ничего не ответил, встал и ушел в механическую. А этот парень мне: «А ты знаешь, кто это? Это же сын Сталина!» Я под дурачка, отвечаю ему: «Да полно трепаться. Как бы сын Сталина тут отказался?» А он на это: «Точно тебе говорю! Я служил у него в полку. И запомнил его на всю жизнь. Приключилась история. На мне были сапоги худые, и он это заметил, остановил меня и спросил, кто командир. Я ответил. Он позвал его и строго сказал: “Если еще раз увижу солдата в таких сапогах — сам их наденешь, а свои ему отдашь”».

— **А что Василий Сталин рассказывал о своей прошлой жизни? О руководителях страны?**

— Много про Хрущева говорил. Утверждал, что при его отце Никита Сергеевич был кем-то вроде клоуна, не уважали его.

Берию Вася не любил. Рассказывал, что у Берии был красивый офицер, майор, который специально подыскивал и доставлял ему девушек.

— **Василий говорил об этом с осуждением?**

— Да не то чтобы с осуждением, а с таким, знаете, вроде как с юморком.

— **А об отце он любил вспоминать?**

— Вася воспитывался, по его словам, больше среди obsługi. Потому начал курить и пить рано. Отец не много обращал на него внимания. И когда уже Вася вырос, то натянутые были отношения между ними. Он так и говорил: «Мы с ним плохо жили». Особенно вспоминал историю, как ему (видимо, какие-то

подхалимы) хотели присвоить очередное звание, а Сталин сказал: «Рано еще, пусть послужит».

— **Свидания Василию Сталину полагались?**

— Да, к нему периодически приезжала бывшая жена. Родная сестра тоже была, но встреча с ней почему-то оказалась болезненной для него.

ИЗ ДОСЬЕ:

Светлана Аллилуева видела брата в тюрьме за все время один раз. Это единственное свидание проходило в кабинете начальника централа. «На стене висел портрет отца... Вася сидел на диване. Он был в отчаянии и не скрывал этого», — вспоминала Светлана.

— **Что ему было тяжелее всего переносить в тюрьме?**

— Сложно сказать. Нрава он был простого, веселого, а таким людям всегда легче — хоть на воле, хоть в тюрьме. Он вообще шутник был. Однажды к одному осужденному жена на свидание должна была приехать. Вася ему: «Я тебе таблеток дам таких — супруга будет довольна! Вот. Принимай их так-то и так-то». Тот принял как сказано. И только на свидание идти — у него позыв в туалет. И всю ночь он ходил туда. Наутро Вася мне: «Спроси, как он там свидание провел?» А тот как давай ругать его! Но Вася лишь руками развел — мол, извини, нечаянно перепутал лекарства.

А вообще он много читал. У него там была целая библиотека. Но временами казалось, что он устал от неволи, от жизни. Я так думаю: если у человека отобрали свободу, он потерял уже все. И здесь уже неважно, какими были его заслуги в прошлом.

— **И все-таки хоть какие-то привилегии у него были? Может, он мог свободно передвигаться по тюрьме? Или ему за решетку спиртное приносили — ведь известно, что он любил выпить?**

— Ключей от камеры у него не было. Его приводили к нам на производство и уводили. А по моей территории он, как и все, мог свободно передвигаться.

У Васи был специальный человек из хозобслуги, который по его заказу привозил ему разные продукты из магазина. Это было разрешено на самом верху. Но что именно он приносил — не знаю. Меня лично он никогда не просил что-то пронести, знал, что я не пойду на такое (у нас как раз был случай, когда осужденные завлекли одного сотрудника, втянули в связь, он им таскал разное, а потом его поймали и дали ему четыре года тюрьмы). Вася ел и тюремную пищу, тогда не то чтобы совсем плохо кормили. Я там не ел, но он не жаловался. Ему хватало, мне кажется, того, что приносили.

— **А на здоровье он не жаловался?**

— Нет, открыто не жаловался. Хотя у него были проблемы с ногой. С палочкой ходил. Я спрашивал у него — что с ногой? Он объяснял, что это с войны. Где-то он делал в небе трюк, то ли «свечу», то ли еще что. В общем, что-то с позвоночником случилось. Его лечили в тюрьме. Моя супруга ему уколы делала. Он был послушным пациентом.

— **Василий сидел в одиночной камере?**

— Поначалу нет, но позже его перевели в одиночную. Впрочем, изоляция его не тяготила — он не очень любил чужое общество. По сути, только со мной тогда и общался.

Кстати, на том самом этаже, где содержался сын вождя, в разное время сидели и другие знаменитые узники. До Василия там находился Константин Орджоникидзе, брат известного наркома, а также певица Лидия Русланова. А уже после Сталина-младшего — американский летчик-шпион Фрэнсис Пауэрс. Ему разрешили в камере читать и писать, а мне начальство приказало обеспечить ему нормальный свет. Вот я и монтировал для него проводку под настольную лампу. Он за это так искренне поблагодарил. Я подумал тогда: какой культурный шпион-то!

А Русланова как-то в тюрьме громко запела русскую народную песню, за что ее чуть в карцер не посадили.

— Возникали ли конфликты между Василием и другими заключенными? Вообще, насколько спокойно протекала здесь жизнь арестантов?

— Никаких конфликтов не было. И Васю никто никогда не бил — ни осужденные, ни сотрудники. Так что все это байки, что над ним издевались тут.

Впрочем, ситуации в Центrale случались разные. Как-то раз меня окружили арестанты, стали обрабатывать: принеси нам то, принеси это. Я сразу в отказ: «Нет, ребята, со всеми просьбами обращайтесь к оперативным работникам». Один как закричит: «Коли его, старого!» — и мне кто-то в бок ткнул чем-то. Признаться, сначала я испугался. Потом перевел дух, проверил — крови нет. Понял: это провокация, берут на испуг. Я тогда им говорю: «Если сопоставить мои годы на службе и ваш срок тюремный — вы против меня просто пацаны. У меня за плечами 20 лет в этих стенах, а вы тут недавно. Я же только домой хожу ночевать, все время с вами. Давайте договоримся: я вас не видел и вы ко мне не подходили». На том и порешили. Я на них начальству никогда не доносил и рапортов не писал. Да и не орал на заключенных никогда, не ругался. Зачем мне их воспитывать? Там, к примеру, один был, который мать родную за то, что деньги не дала, сварил в кипятке. И что такого воспитывать?

— Сколько времени Василий провел во Владимирском центре?

— Почти три года — до осени 1958-го.

СПРАВКА:

Василий Сталин был арестован 28 апреля 1953 года. В 1955-м Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к восьми годам тюремного заключения. В обвинительном заключении значились

«злоупотребление служебными полномочиями, трата государственного имущества и антисоветская пропаганда». В конце 1958 года осужденного перевели из Владимирского централа в Лефортовскую тюрьму в Москве, а в январе 1960 года он был освобожден досрочно.

— **Виновным он себя за все это время так и не признал?**

— Нет. Но мне казалось, что он ни на кого не держал обиды за свою судьбу. Знаете, у него был велосипедный счетчик, и он на нем откручивал день, второй, третий... Считал, сколько провел в неволе.

Как-то раз он написал письмо Никите Хрущеву, где описал все как есть. Мне сказал: «Ну, теперь он или меня освободит, или, наоборот, загонит туда, куда Макар телят не гонял». Я удивился: «Вася, а как письмо-то дойдет?» А он: «У меня есть особая печать, я ее ставлю — и никто не может открыть, кроме адресата». Письмо он отправил официально, через руководство тюрьмы.

— **И каким же оказался ответ?**

— Вместо ответа Василий просто исчез. Смотрю — его день не выводят на работу, неделю... Я сперва подумал: наверное, в больнице. Потом решил, что его все-таки выпустили. И лишь спустя время узнал: его увезли в Москву, и он теперь в столичной тюрьме.

«Тов. Хрущеву. Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР докладывает, что 19 марта 1962 года в 13 часов в городе Казани скончался Джугашвили (Сталин) Василий Иосифович. По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. Несмотря на неоднократные предупреждения врачей, Сталин систематически пьянствовал. Считаю целесообразным похоронить без воинских почестей. Председатель КГБ В. Семичастный».

— Больше вы ничего о нем не слышали?

— Долгое время — вообще ничего. А спустя годы поехал по служебной путевке в санаторий и там делил номер с одним татаринном из Казани. Он как-то сказал: «К нам грузин сейчас приезжает много, они все идут на могилу Сталина». Я ему: «Так его ж могила в Москве!» А он: «Так я про сына Сталина». Вот так я и узнал, что Васи больше нет...

Потом татарин рассказал, как часто видел Василия на казанских улицах еще живым. Тот ходил нетрезвым, в форме. Рассказал, как его там похоронили. Без почестей. Выкопали могилу и закопали. На похоронах несколько человек всего было — какие-то летчики.

«В период заключения ведет себя вызывающе, злобно, не исправился, требует особых привилегий, которые имел при жизни отца» — это официальное заключение прокуратуры и КГБ, как доказывают свидетельства очевидцев, не соответствовало действительности. Нужно оно было, видимо, для одного — чтобы после освобождения отправить Василия Сталина вопреки закону в ссылку в Казань (добровольно уезжать из Москвы он отказывался).

Почему именно туда? В этот город запрещено было въезжать иностранцам, следовательно, никто из них не мог увидеть Василия Сталина в столь плачевном состоянии.

Советская власть отобрала у сына генсека даже то, на что он мог претендовать по закону. Так, полагающуюся ему военную пенсию в размере 300 рублей в месяц (как прослужившему в армии более 25 лет) особым приказом урезали ровно вдвое. Вместо хорошей квартиры и дачи в Москве выделили убогую однушку на окраине Казани. Попытались отобрать у него даже имя: «Считаем целесообразным при выдаче В. И. Сталину паспорта указать другую фамилию» (из письма председателя КГБ А. Шелепина). Вот и получается, что, вопреки знаменитому изречению самого Иосифа Виссарионовича, его сыну пришлось сполна ответить за отца.

Загадка убийства Кирова: судебная экспертиза спустя столетие

Большевика Сергея Кирова называют одним из символов революционного времени, а также ближайшим соратником и любимым другом Сталина. Гибель Кирова в 1934 году в Смольном стала без преувеличения самым громким политическим убийством в истории СССР, которое послужило поводом для начала массовых репрессий.

Напомним, что роковой выстрел произвел Леонид Николаев. Однако историки до сих пор спорят о подлинных мотивах этого преступления: была ли это банальная ревность, личная месть или тщательно подготовленный заговор? Могли ли Николаева сознательно спровоцировать на этот шаг? Почему недосмотрела личная охрана Кирова и не была ли она причастна к случившемуся? И наконец, стоял ли за всем этим Сталин?

Недавно Федеральная служба охраны предоставила современным российским экспертам уникальные документы, которые позволили им восстановить картину убийства. Кроме того, специалистам позволили исследовать одежду Кирова. Сделанные ими выводы до сегодняшнего дня нигде не публиковались.

ИЗ ДОСЬЕ

Настоящая фамилия Кирова — Костриков. Сергей Минович родился в городе Уржуме Вятской губернии

(ныне — Кировская область). В восьмилетнем возрасте он остался круглым сиротой: отец пропал без вести, мать умерла. Родная бабушка была вынуждена отдать мальчика в Дом призрения для малолетних сирот.

Окончив Казанское низшее механико-техническое училище, Костриков работал чертежником, а затем увлекся публицистикой и стал журналистом в северокавказской газете «Терек».

В годы Гражданской войны он круто изменил свою судьбу: занимался подпольной работой, руководил обороной Астрахани и восстанавливал советскую власть на Кавказе. Проявив себя как блестящий организатор, Киров быстро вошел в высший круг партийной элиты.

В 1926 году Сергей Киров возглавил Ленинградский губком ВКП(б), став фактически руководителем второго по значимости региона страны. 1 декабря 1934 года был застрелен в Смольном Л. В. Николаевым. Урна с прахом С. М. Кирова захоронена в Кремлевской стене на Красной площади в Москве.

Сергей Киров

Фигура Сергея Кирова, которого за глаза называли хозяином Смольного, во многом противоречива. Его считали любимцем простых рабочих, а о его прямоте и простоте в общении с народом ходили настоящие легенды. Именно Кирову приписывают спасение Исаакиевского и Казанского соборов в Ленинграде. Радиально настроенные партийцы предлагали их взорвать, но первый секретарь сумел сохранить эти шедевры архитектуры.

При этом Киров оставался частью жестокой советской системы. «ЧК-ГПУ — это орган, призванный карать... карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ» — эти страшные слова он произнес в 1932 году, поздравляя чекистов с 15-летием ведомства. Историки замечают: время было такое, да и подходящее место для подобного заявления. В ту пору сами каратели еще не предполагали, что пройдет всего несколько лет — и многие из них попадут под этот же каток, пополнив «население того света».

Как бы то ни было, по мере карьерного роста Кирова его безопасность обеспечивалась все строже. В бытность его первым секретарем Ленинградского губкома личная охрана состояла всего из четырех сотрудников. Однако после избрания его членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б) штат охраны расширили до двенадцати человек. Круглосуточные посты выставили как у его городской квартиры, так и у загородной дачи на Каменном острове. Для поездок секретарю ЦК предоставили служебный автомобиль в сопровождении охраны.

Киров, как рассказывали его современники, личной охраной откровенно тяготился и часто просил сопровождавших его сотрудников держаться на расстоянии. Однако в конечном итоге именно охранников первыми обвинили в том, что они не уберегли соратника и друга Сталина.

Около 17 часов 1 декабря 1934 года на третьем этаже Смольного раздались два выстрела. Выбежавшие из кабинетов сотрудники увидели Кирова, неподвижно лежащего на полу в коридоре. Рядом с ним в истерике бился мужчина с револьвером в руке.

Нападавший пытался покончить с собой, но неудачно. В кармане задержанного обнаружили партийный билет на имя Леонида Николаева. Его, находившегося в состоянии глубокого шока, тут же задержали, отправили сначала в психбольницу, а потом уже в изолятор.

Официальная версия случившегося выглядела следующим образом: Киров был убит в коридоре Смольного, буквально в нескольких шагах от двери своего кабинета. Киров шел по длинному 100-метровому коридору. В это время Леонид Николаев, который якобы ждал в туалете, вышел наружу и проскользнул между Кировым и его личным охранником Борисовым, который по неизвестной причине отстал от шефа метров на сорок. Потом Киров свернул в боковой коридор, ведущий непосредственно к его кабинету. Здесь преступник и выстрелил ему в затылок с дистанции примерно четырех-пяти метров. Это единственное ранение оказалось смертельным.

Что касается мотива преступления, то, согласно первоначальной версии, он носил сугубо личный характер. Неудачник и безработный Леонид Николаев якобы приревновал Кирова к своей жене Мильде Драуле. На первый взгляд все выглядело классически: ревность, зависть и слепая месть. Однако, узнав о гибели Кирова, Сталин лично дал жесткое указание: «Ищите убийц среди зиновьевцев». Таким образом Иосиф Виссарионович направил следствие по «нужному» политическому руслу, объявив преступление результатом заговора бывших оппозиционеров. Сам Николаев на первых допросах упорно твердил, что убийство готовил в одиночку («Я один, я один!»), но позже дал показания против ряда сотрудников НКВД. В результате в отношении них были возбуждены уголовные дела об участии в подпольной террористической организации.

Главным свидетелем, способным пролить свет на случившееся, должен был стать личный охранник Кирова Михаил Борисов. Однако он погиб на следующий же день при крайне подозрительных обстоятельствах. Согласно официальной версии, машина,

в которой его везли на допрос, попала в ДТП и Борисов получил смертельную травму головы. При этом автомобиль двигался со скоростью всего 30 километров в час, а у водителя и других пассажиров не оказалось никаких повреждений. Мало кто верил в роковую случайность. Что это было — месть за то, что не убе-рег Кирова, или ликвидация опасного свидетеля?

29 декабря 1934 года выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР признала виновными в убийстве Кирова 14 человек, включая самого Николаева. Через час их расстреляли. Жену Николаева казнили чуть позже — 10 марта 1935 года. У пары остались двое детей...

Других сотрудников из охраны Кирова в заговоре не обвиняли, однако заподозрили их в преступной халатности. Начальника Ленинградского управления НКВД Филиппа Медведя немедленно сняли с должности, вменили ему статью 193-17а («Халатное отношение к обязанностям по охране государственной безопасности») и вскоре арестовали. Подчиненные до последнего не верили, что их начальника посадят. Медведь отличался редким жизнелюбием и пользовался у них огромным авторитетом. Но надежды подчиненных не оправдались: в 1935 году Медведя приговорили к трем годам лагерей и этапировали на Колыму. Два года спустя, в разгар Большого террора, его доставили обратно в Москву и приговорили к высшей мере наказания. Зиновьева и Каменева, арестованных в декабре 1934 года, казнили еще раньше — в 1936-м. Параллельно под каток репрессий попали сотни других чекистов, партийцев и рядовых граждан. Убийство Кирова послужило поводом для начала массовых репрессий.

За прошедшие десятилетия историки выдвинули множество версий этого убийства. Но попытка провести расследование с использованием современных технологий была всего одна. Зато какая!

— Инициатива проведения исследования сохранившихся документов и вещественных доказательств, имеющих отношение к смерти Кирова, принадлежала руководителю Центра по связям

с прессой и общественностью Федеральной службы охраны профессору Сергею Девятову, — рассказывает эксперт Сергей Зосимов.

Эта масштабная работа выполнялась комиссией специалистов Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ совместно с сотрудниками 78-й судебно-медицинской лаборатории Ленинградского военного округа. Руководил проектом главный судебно-медицинский эксперт Минобороны РФ профессор Виктор Колкутин.

В распоряжение современных криминалистов поступило официальное заключение их коллег, осматривавших и вскрывавших тело Сергея Кирова в декабре 1934 года. В те дни советская комиссия состояла из трех профессоров судебной медицины. Возглавлял ее выдающийся специалист, начальник кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии РККА профессор Валериан Надеждин.

В документе 1934 года ранение описывалось следующим образом:

...В затылочной области, несколько правее и кверху от затылочного бугра, располагается типичное входное огнестрельное повреждение диаметром около 7 миллиметров со всеми присущими входному отверстию атрибутами, то есть дефектами ткани, так называемым ободком осаднения и обтирания. Далее раневой канал от входного отверстия проходит через чешую затылочной кости, через стволотой отдел головного мозга, сзади кпереди, достигает лобной кости изнутри... Далее был обнаружен оскольчатый перелом чешуи лобной кости с обширным кровоподтеком мягких тканей и пуля в ткани головного мозга.

Проще говоря, пуля не прошла навывлет: она ударилась в лобную кость изнутри черепа и застряла в тканях головного мозга.

— Объяснением этого явилась индивидуальная анатомическая особенность Кирова, — говорит Зосимов. — У него были очень толстые кости черепа: почти один сантиметр при норме три-четыре миллиметра.

Из заключения комиссии 1934 года следовало, что смерть наступила от этого единственного ранения в течение нескольких минут, практически мгновенно.

Эксперты детально описали и саму пулю калибра 7,62 миллиметра с усеченной головной частью и характерной оболочкой «цвета меди». Такие пули использовались для револьвера системы Нагана.

— В то время единственный медный сплав, использовавшийся для оболочек таких пуль, — поясняет Зосимов, — это так называемый томпак, разновидность латуни с высоким содержанием меди.

Далее современные эксперты стали изучать вещественные доказательства. Казалось бы, как эти вещи вообще могли уцелеть за столько десятилетий? Но они прекрасно сохранились! И все благодаря тому, что вскоре после трагедии в мемориальную квартиру Кирова на Петроградской стороне перенесли обстановку его рабочего кабинета из Смольного. В итоге одна из комнат музея стала точной копией его партийного кабинета. Туда же передали и личные вещи Сергея Мироновича, включая одежду (вплоть до нательного белья), которая была на нем в момент убийства. И все это ждало своего часа в запасниках музея.

— Мы произвели исследование одежды, которая была на Кирове в момент смерти, — продолжает Зосимов. — В тот день он был одет в пальто и полувоенную фуражку. Оба предмета были сшиты из плотного ворсистого сукна темно-серого, почти черного цвета. Околыш головного убора оказался на редкость массивным — толщиной более сантиметра (он состоял из двух слоев сукна, внутренней прокладки из плотного картона

и тонкой клеенчатой ленты с изнаночной стороны). Пуля проделала в нем канал. Именно благодаря такой значительной толщине околыша нам удалось установить точную траекторию полета пули — для этого криминалисты аккуратно пропустили через раневой канал специальную спицу. И тут выяснилось поразительное: направление пули в фуражке и раневой канал в голове Кирова не совпали!

Во время нашей беседы Зосимов рисует схему, на которой четко прослеживается путь пули внутри черепа, а рядом изображает ее совершенно иную траекторию в околыше фуражки.

— Мы провели эксперимент на муляжах, — продолжает Зосимов. — Попытались совместить направление пули в фуражке и в голове Кирова. И оказалось, что это возможно только в одном случае — если в момент выстрела фуражка была надета на голову абсолютно вертикально, козырьком кверху...

Носить головной убор подобным образом невозможно. Так современное расследование опровергло версию о том, что в момент выстрела Киров был в фуражке.

Но это было еще не все. Специалисты с помощью науки доказали, что пуля, оборвавшая жизнь Кирова, и пуля, которой была прострелена фуражка, абсолютно разные! Для этого криминалисты применили метод цветных отпечатков, позволяющий с высокой точностью определить химический состав металла, из которого была изготовлена оболочка боеприпаса. Оказалось, что отверстие в фуражке оставил снаряд, содержащий никель. В те годы подобные

Рисунок, сделанный экспертом

пули калибра 7,65 миллиметра использовались для пистолетов системы Браунинга и имели оболочку из мельхиора — медно-никелевого сплава. Напомню, что в голове Кирова застряла револьверная пуля из томпака — сплава меди и цинка.

— Мы пришли к категорическому выводу: смертельная рана Кирова и огнестрельное повреждение на фуражке — результат двух разных выстрелов из разных моделей оружия.

Вслед за головным убором эксперты осмотрели пальто погибшего. На сгибе воротника они обнаружили касательный след от пули, который с учетом траектории раневого канала в черепе никак не мог быть следствием рокового выстрела.

Так комиссия пришла к еще одному сенсационному заключению: в момент гибели на Кирове не было ни фуражки, ни пальто.

Более того, направление раневого канала внутри черепа исключало версию о том, что Сергей Миронович в момент нападения куда-то шел.

Итак, в роковую минуту Киров вовсе не шел по коридору Смольного и не был одет в верхнюю одежду. Но где же он был?

В момент убийства Сергей Миронович, как считают современные эксперты, скорее всего, находился в комнате отдыха, которая располагалась рядом с кабинетом. Причем он или лежал на боку, или находился в положении лицом вниз.

Чтобы понять мотивы и обстоятельства этой драмы, снова вернемся в мемориальную квартиру Кирова на Петроградской стороне, где и по сей день хранятся уникальные вещественные доказательства.

— Квартира Кирова — дореволюционная, огромная, состояла как минимум из пяти комнат, — говорит Зосимов. — Причем в этой квартире — весь Киров. Он был очень разносторонним. Политический деятель высокого ранга. Любитель театра (не пропускал ни одной премьеры, у него даже было свое кресло). Рабочий: в одной из комнат была оборудована великолепная слесарная мастерская, где он душу отводил.

Еще одна комната была оборудована для хозяйственных нужд, и там стояла современная по тем временам стиральная машина. Как выяснилось, у партийного деятеля была

патологическая страсть к чистоте. Он менял белье два раза в день (для стирки была прикреплена постоянная прачка). И вот что получилось, когда дошло дело до исследования его нижнего белья (оно было импортным — тогда у нас трикотажное не производилось). На кальсонах, в которых он был в момент убийства, засветились в ультрафиолете яркие голубые пятна. На следующем этапе к работе подключился эксперт-биолог, который однозначно установил: на ткани имеются следы спермы.

Как тут не вспомнить о Мильде Драуле — жене Леонида Николаева!

Но прежде — несколько слов о нем самом.

— Николаев являлся, будем говорить так, партийным деятелем самого низкого ранга, — рассказывает Зосимов. — Неудачник. И вдруг начиная с 1930 года его вместе с женой переводят на работу в обком. Буквально через месяц они получают отдельную трехкомнатную квартиру в Ленинграде. Это было что-то невероятное. Но карьерный взлет продолжался недолго, около трех лет. Затем Николаева освободили от должности в Смольном и попытались отправить куда-то за Урал. Он отказался ехать. В результате его исключили из партии. Потом — восстановили, но на приличную службу уже не принимали. А вот Мильду устроили на хорошую должность в Ленинградское управление Наркомата тяжелой промышленности.

Согласно архивным документам, первый допрос Драуле начался всего через 10 минут после того, как произошло убийство. Значит, она была где-то рядом. Причем, самое интересное, она была парадно одета: красивое платье, шикарная шуба...

Пришла пора подвести итог этой экспертизы и рассказать, как в действительности произошло убийство.

Киров приехал в Смольный специально для встречи с Мильдой. Изначально он этого не планировал, так как на 17 часов у него

было намечено выступление в Таврическом дворце. Приехала и Мильда. Чекисты ее пропустили, поскольку уже знали об их отношениях. Сергей Миронович и Мильда прошли в комнату отдыха, где стояла кровать. Ни Борисова, ни кого-то другого при этом не было — что естественно.

Узнавший об их встрече ревнивец Николаев ворвался в комнату отдыха. Увидев обоих, выстрелил Кирову в затылок, после чего попытался покончить с собой.

Прибежавшие чекисты не могли ничего сделать.

Через 15 минут после убийства в Москву отправили зашифрованную телеграмму с трагическим известием. Сталин тут же позвонил и сказал буквально два слова: «Завтра приеду».

Опираясь на данные экспертизы, сегодня можно с высокой точностью предположить, как развивались события.

— Первым делом чекисты, которые боялись за себя, «убирают» Борисова, — говорит Зосимов. — Потом берут фуражку и пальто погибшего Кирова, кладут их на стоящее в кабинете кожаное кресло и стреляют, создавая соответствующую имитацию. К слову, рабочее место первого секретаря украшал солидный дореволюционный гарнитур. Сразу после трагедии эти старинные предметы перевезли в его квартиру. Когда я был в этой квартире-музее, случайно подошел к одному креслу, оглядел его. И вдруг на подушке кресла увидел характернейшее повреждение со всеми его атрибутами. Я спросил у хранителей: «Скажите, эти кресла точно были в кабинете? Их никто не трогал?» Получил ответ: «Да. Как их перенесли, так они и остались».

Выводы экспертов: убийство Кирова было банальной мстью одержимого ревностью человека, который застал партийного лидера со своей женой в комнате отдыха.

— Эта история для меня еще и личная, — говорит Зосимов. — Я вырос во Владикавказе, где Киров провел лучшую часть своей

жизни — с 1909 по 1917 год. Так что для нас, мальчишек, посещение музея Кирова входило в обязательную программу всех школьных экскурсий того времени. Нам объясняли, что Сергей Миронович Киров был верным соратником и другом Сталина. А потом, спустя годы, когда я уже учился в Северо-Осетинском медицинском институте, в газетах стали писать, что Киров был соперником Сталина, что к смерти Кирова был причастен лично Иосиф Виссарионович. Помню, как это меня дезориентировало. Так друг или враг? Соратник или убийца?

Спросить мы решили у руководителя туристской студенческой группы, полковника в запасе. Мы ему доверяли, потому что он водил нас в горы, в которые был влюблен. Он рассказал нам одну историю, но потребовал, чтобы мы пообещали, пока он жив, молчать. Его уже много лет нет на свете, так что я могу поделиться его рассказом.

Похороны Кирова

В декабре 1934 года он был кремлевским курсантом. В Колонном зале во время всенародного прощания с Кировым вокруг гроба стоял почетный караул из членов Политбюро, видных

государственных деятелей. А немного поодаль — еще один почетный караул из кремлевских курсантов. И вот этот человек в него входил.

Он стоял в смену вечером последнего дня прощания. В 22 часа были закрыты двери Колонного зала. Почетный караул распустили. Представьте картину: пустой зал, посередине стоит открытый гроб с телом Кирова, и рядом — четыре неподвижных кремлевских курсанта. Вдруг открылась дверь, и в зал вошел Сталин, который, по словам этого человека, плакал как ребенок над гробом. Наш наставник запомнил его слова на всю жизнь: «Мне теперь не на кого положиться». Он был уверен, что Сталин не играл, что это было искренне.

После проведенного нами исследования я тоже уверен: Сталин к смерти Кирова не имел никакого отношения. Но он был опытным, жестким, циничным политиком. И использовал смерть Кирова как повод расправиться со всеми своими оппонентами.

Часть III

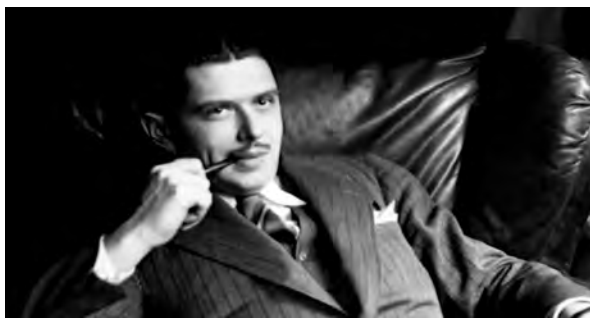
Ошибки правосудия

Дело уникального разведчика Быстролётова

Передо мной два документа, написанные одним и тем же человеком — разведчиком Дмитрием Быстролётовым. В одном он признается, что является террористом и шпионом, который вел преступную деятельность против СССР. В другом — говорит о невиновности, рассказывает про пытки, под которыми дал первоначальные признания. Нет сомнений, что автор у этих документов один, но какой разный у него почерк!

Дмитрий Быстролётов — без преувеличения гений, который знал 22 языка, был художником, врачом, торговцем и много кем еще. Непревзойденный охотник за секретами иностранных государств и мастер перевоплощения — так говорят о нем другие разведчики, которые цену словам знают.

Человек-легенда, человек-загадка (он сам немало способствовал тому, чтобы оставить после себя как можно больше мифов). Его деятельность, по словам представителей Службы

Дмитрий Быстролётов — один из лучших разведчиков в мире

внешней разведки (СВР), полностью не будет рассекречена никогда. В отличие от деятельности тех, кто незаконно его преследовал. Весь его тюремный путь — в материалах уголовного дела, которые хранятся в Центральном архиве ФСБ России. Я изучила желтые папки одного из лучших разведчиков в мире — человека, у которого ГУЛАГ отнял 16 лет жизни.

ИЗ ДОСЬЕ:

Дмитрий Быстролётов — разведчик-нелегал. Добывал секреты за рубежом в период с 1924 по 1936 год. По мнению СВР России, был одним из самых результативных агентов в истории разведки. Арестован в 1938 году по обвинению в шпионаже. Приговорен по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР к лишению свободы сроком на 20 лет. В 1954 году досрочно освобожден по болезни. Оказавшись на воле, работал переводчиком (знал 22 языка), писал книги и сценарии. В 1956-м был реабилитирован. Его труд «Пир бессмертных» в 17 томах был начат в заключении и окончен незадолго до смерти. Умер 3 мая 1975 года.

Статьи о Дмитрие Быстролётове часто иллюстрируют одним и тем же снимком: с него на нас смотрит красивый джентльмен с аккуратными усами и трубкой. В текстах его называют советским Джеймсом Бондом, русским агентом-гангстером и другими подобными прозвищами. Рассказывают поистине невероятные истории о его приключениях (как, притворившись умирающим лордом, он провез из Италии модель нового пулемета; как выполнил личное задание Сталина по розыску сбежавшего «красноносого» советника; как перехватил переписку Гитлера и Муссолини; как соблазнил жену известного шпиона; как завербовал истопника, сжигавшего по долгу службы секретные документы, и т.д.).

— Я пыталась определить его психотип, проанализировав его внешность и достоверно известные факты о нем (в рамках моего исследования образов разведчиков), — говорит психолог, внучка другого легендарного разведчика Федора Парпарова Мария. — Мы видим на фотографиях его пытливый острый взгляд, выражение умных глаз. И даже по снимкам понятно, что это очень харизматичный авантюрист с гибкой психикой и невероятной скоростью реакции. Так вот, Быстролётов представляется человеком с хорошо развитой фантазией (придумывает истории, строит образы, занимательные сюжеты), который в экстремальных ситуациях активизируется, для которого лучшая награда — это восхищение и положительные эмоции, в чьей жизни большое место занимает игра (стремится работу или процесс обучения перевести в азартные игровые формы). Этим психотипом движет стимул уникальности. Он стремится как можно больше знать в гуманитарной сфере, повышать свою компетентность, с удовольствием занимается самообразованием. Впоследствии эта потребность в жизни Быстролётова не раз будет проявляться...

Страницы паспорта Дмитрия Быстролётова

Он умел очень быстро перевоплощаться в кого угодно: в венгерского графа, сингапурского гангстера, греческого коммерсанта и представителя британской знати. И каждый раз он виртуозно подстраивался под окружающую среду, ведь большую часть службы в разведке оставался нелегалом. Быстролётов как будто жонглировал легендами, вживался в них, учился бредить на «правильном» языке. На протяжении ряда лет он одновременно удерживал несколько сложнейших нелегальных масок и ни разу не допустил провала. И все же мы знаем о нем совсем немного. Хочется опираться на достоверные сведения, говорить о личности, а не о литературном персонаже (человеке-легенде). А таких сведений мало, в то время как мифов и мистификаций много. И он сам изрядно запутал потомков, превратив свои воспоминания в художественные произведения. Написанные им труды стирают грань между реальностью и вымыслом. Вот, к примеру, он писал: «В моей биографии были дела, о которых неизвестно, были ли они». И тут же добавлял: «Там у меня описана святая правда, но где каждое слово ложь, или, наоборот, описана ложь, где каждое слово настоящая правда». Ответ за историками разведки, которые опираются на подлинные архивные материалы.

Материалы о его работе в разведке так и не рассекречены. Да и будут ли когда-нибудь? Но материалы уголовного дела против уникального разведчика передо мной. И они позволят понять его характер, а также узнать, сломался ли он, дав признания?

Следственное дело №21011 по обвинению Быстролётова Д. А.

Три желтых тома, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, довольно ветхие. Уже после вынесения первого приговора их не раз брали в руки и следователи, и прокуроры, и судьи. В последний раз официально изучали это дело в 1956 году на Военной коллегии Верховного суда СССР. Тогда Быстролётов и был наконец реабилитирован. Но каким мучительно долгим был для него путь к этому дню...

Итак, дело открывается ордером на арест и обыск, который был выдан 17 сентября 1938 года следователю Главного управления государственной безопасности НКВД.

Обыск проходил по месту жительства — поселок Сокол, улица Врубеля, корпус 18. Сокол — первый кооперативный поселок на севере Москвы, основанный в далеком 1923 году, который дал имя целому району столицы. В ту пору Быстролётов жил здесь с семьей, работал во Всесоюзной торговой палате. По сути, он перешел с опасной нелегальной работы в Европе на легальное положение в Москве, оставаясь при этом советским разведчиком.

А вот **справка**, которая легла в основу дела:

Папка одного из томов
следственного дела
Дмитрия Быстролётова

Третьим отделом Первого управления НКВД объявлены в розыск для ареста бывшие члены «Союза студентов СССР и Чехословакии», созданного Пражским центром и другими зарубежными украинскими анти-советскими организациями и инразведками для внедрения диверсионно-шпионской и террористической агентуры в СССР. Проходящий по розыску Быстролётов Дмитрий Александрович, 1901 года рождения, русский, установленный в Москве до февраля 1938 года, являлся сотрудником Седьмого отдела... НКВД, в данное время работает в Торговой палате.

Здесь же есть и информация о родственниках (где ему «приписали» другого отца, перепутав однофальцев).

Отец Быстролётова — бывший профессор Томского университета, являлся членом Колчаковского правительства, активно боролся против советской власти. В 1920 году... был осужден к принудительным работам до окончания Гражданской войны. В последнее время работал в Сибирском госплане.

Быстролётов женат на Шелматовой М. И., перешедшей в 1935 году из чехословацкого подданства в гражданство СССР.

Довольно подробно описывается биография Быстролётова (глазами следователя).

После разгрома в 1919 году бежал за границу в Константинополь, где связался с белыми эмигрантами, а затем американским Красным Крестом. Осенью 1922 года был отправлен в Чехословакию учиться в белоэмигрантском украинском университете... В 1923 году Быстролётов приехал в СССР и в конце того же года снова нелегально бежал за границу, в Прагу, где продолжил учебу в университете. Одновременно поступил на работу в Торгпредство СССР в качестве замначальника информационного отдела и редактора журнала «Торговое представительство СССР». В 1924 году был привлечен ИНО ОГПУ к агентурной работе по освещению русской эмиграции. С 1930 по 1936 год работал нелегально, за кордоном был связан с арестованным Третьим отделом Первого управления НКВД Базаровым. Быстролётов в 1922–1923 годах был основателем русской секции «Союза студентов Украины — СССР» и является членом правления этого союза... Этот союз является лжесоветофильской организацией, созданной вражеским центром и иноразведкой. Антисоветская

деятельность Быстролётова подчеркнута показаниями арестованного еще в 1932 году по делу украинской эсерской организации.

В справке также говорится, что еще в 1924 году ставился вопрос об аресте Быстролётова по его приезде из Праги в СССР, но тогда один из руководителей разведки этому воспрепятствовал.

Анкета арестованного

В документе указана специальность экономист, переводчик, последнее место работы — Торговая палата, должность — заведующий бюро переводов.

Д. А. Быстролётов после ареста

На фото, которое было сделано сразу после ареста, Быстролётов кажется немного дерзким и отчаявшимся одновременно (как будто бы он предчувствовал свою участь).

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Быстролётов

2. Имя и отчество Дмитрий Александрович

3. Год рождения 1901,

4. Место рождения д.р. Аксера, Красноярск, АССР

5. Местожительство (адрес) г. Москва, пос. Сокол, ул. Бруки
2-б, корп. 18, кв. 21.

6. Специальность экономист, переводчик

7. Место последней работы, занимаемая должность, звание Морской Палаты
Кузнецова, 61 Зав. Бюро Переводов

8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (я группы рабочих, служащих, интеллигентов, кулаков, людей свободных профессий, служителей культа)
Интеллигенция

9. Паспорт много Восток, № 7. Москва
(указать в каком городе, каковы выдан, № паспорта и где хранится)

10. Политическая (в прошлом и настоящем) б/п. (указать класс, идею, идеологию)

11. Национальность русский

12. Гражданство (подданство) советское

13. Каким репрессиям подвергался при Советской власти: судимость, арест и другие (когда, каковы причины и т. п.) не подвергался.

14. Сестры, братья (ближайшие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
Фирсова Наталья Владимировна, экономистка
Александров Николай Иванович, экономист
Москва, пос. Сокол, ул. Бруки, 2-б, корп. 18

Подпись арестованного Д. Быстролётов

1. Кем и когда арестован НКВД 2-го

2. Квитанция № 18 14 1937
Подпись сотрудника, выданности документа

ПРИМЕЧАНИЕ: Анкета заполняется лично, разборчиво и пишется на документе

Анкета арестованного Д. А. Быстролётова

Протокол обыска

Документ рассказывает, что нашли в жилище разведчика. В списке — сверток с записями и адресами, пишущая машинка, журналы заграничные с фотографиями, пистолет вальтер, еще одна пишущая машинка, доллары американские («всего три доллара»), золотые монеты царской чеканки («две штуки ценностью 15 рублей»).

Есть в деле квитанция арестованного, где перечисляется его нехитрый скarb при поступлении в тюрьму: зубная щетка, одна пара носков, куртка кожаная, подтяжки.

Первый допрос от 22 сентября 1938 года

Он короткий. Быстролётов в ответ на вопросы следователя разъясняет, с какой целью приезжал в Россию раньше и с какой — в последний раз. Рассказывает об учебе, работе.

Постановление об избрании меры пресечения

В документе приводится такая формулировка: «Быстролётов достаточно изобличен в том, что является одним из руководителей зарубежной антисоветской организации и прибыл в СССР с заданиями по шпионской, диверсионной и террористической работе. Мэру пресечения избрать с содержанием в тюрьме».

Допрос от 22 декабря 1938 года

Именно он был роковым. Начался с прямого вопроса, признает ли Быстролётов, что состоит в антисоветской организации, прибыл в СССР вести шпионскую, террористическую и антисоветскую деятельность. Разведчик это категорически отрицает, поясняет: «В СССР приехал, чтобы честно работать на своей родине. Кроме того, у меня здесь находится мать». Дальше идут шесть вопросов. Они простые, мало что значащие. Сами по себе они не могли напугать или показывать, что следствие обладает неопровержимыми доказательствами. Но после этого все меняется. Быстролётов начинает признаваться. Причем в довольно странных формулировках:

Я убедился, что следствие располагает достаточным количеством материалов, уличающих меня в преступной деятельности, направленной против СССР. Поэтому обязуюсь быть откровенным и рассказать всю правду.

Что произошло? Ответ может быть только один — его сильно били, мучили. Вел допрос следователь Соловьев, и эту фамилию Быстролётов будет вспоминать долгие годы.

Еще один допрос от 17 апреля 1939 года о периоде работы Быстролётова в пражском Торгпредстве.

Он рассказывает о бывших переводчиках НКВД, которые были уволены после чистки аппарата.

В поисках работы они пришли в бюро перевода в Торговую палату. И делали для меня отдельные переводы... Они к моей контрреволюционной шпионской работе отношения не имеют. Ничего они не знали, участия в ней не принимали.

Допрос от 26 апреля 1939 года

В нем Быстролётов рассказывает о якобы созданной в Торговой палате шпионской группе. Приводит фамилию своего коллеги по палате Михаила Колениуса. Видимо, выбор пал на него потому, что тот уже был арестован. Быстролётов, возможно, решил, что ему уже не навредить.

Сын царского генерала Колениус в далеком 1919-м вместе с матерью бежал из Гатчины в Эстонию, но потом вернулся, получил советское гражданство, окончил Ленинградский институт народного хозяйства. Работал в Народном комиссариате лесной промышленности, а потом уже во Всесоюзной торговой палате. Задержали его в июне 1938 года по делу контрреволюционной группы в Наркомлесе. Под пытками он «признался», что состоял в троцкистской организации, согласился на предложение председателя «Экспортлеса» Данишевского (расстрелян в январе 1938 года) заняться вредительством, вербовать агентов и участвовать в подготовке террористических актов. В общем, Колениус на роль английского шпиона подходил как нельзя лучше.

Приведу вопросы следователя и ответы Быстролётова, касающиеся Колениуса.

— Являясь нелегальным сотрудником ГПУ НКВД, за границей вы были связаны с иностранной разведкой?

— Будучи закадровым сотрудником ГПУ НКВД, я не имел непосредственно связи с иностранной разведкой, так как это было невыгодно. Если бы я только стал агентом какой-нибудь разведки, тогда заставили бы они работать меня бесплатно. Тот материал, который был интересен Франции, я его продавал французским консулам. Получал за это большие деньги. О чем подробно сообщал в предыдущих показаниях.

— Продавая материал французскому консулу, вы же являлись сотрудником ИН ГПУ НКВД. Материал должен был поступать им?

— Да, это правильно. Но материал первоначально попадал во Францию, а не в СССР. Поэтому я называю себя двойником, двурушником, приносящим своей таковой вражеской деятельностью большой вред Советскому Союзу.

— При вашем окончательном возвращении из-за границы в 1936 году вы являлись сотрудником, осведомителем НКВД?

— С 1936 по декабрь 1937 года я числился в резерве сотрудников НКВД. В декабре 1938 года я был уволен, получив при этом трехмесячное выходное пособие. Работал в Торговой палате, занимался шпионской деятельностью под руководством Колениуса. Был уволен одним из сотрудников НКВД, что меня вначале испугало, так как я предположил о своем аресте. Впоследствии оказалось, что мне было поручено

секретное дело по Торговой палате, а именно проследить и дать сведения на ряд подозрительных лиц. Поэтому я обрадовался и вскоре дал сведения про шпионскую группу. Вернее, я отводил удар от разоблачений нашей вражеской работы в Торговой палате.

— Об этом секретном поручении вы рассказали Колениусу, члену вашей шпионской группы?

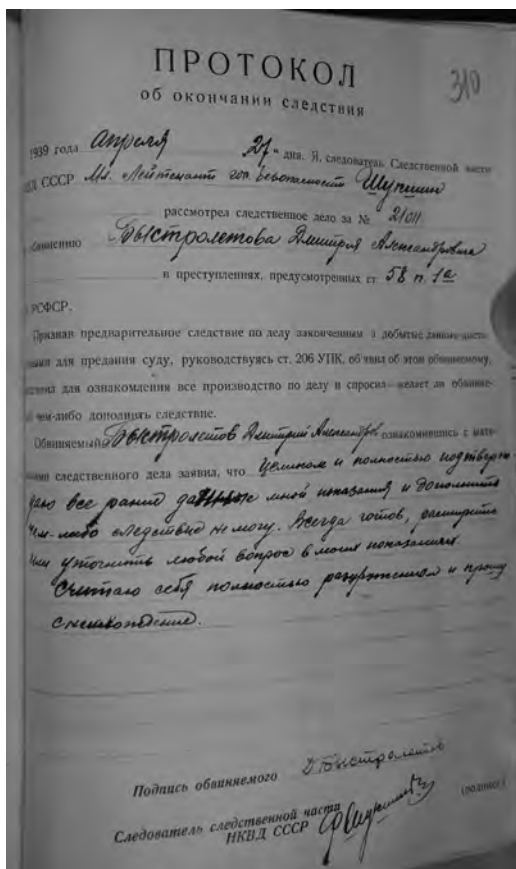
— Нет, я об этом не говорил. Колениус вскоре был арестован. Лебедеву и Радзивановичу нельзя было говорить, так как они после ареста Колениуса сильно боялись и впали в панику. Да еще я известием о том, что являюсь секретным осведомителем НКВД, мог бы создать к себе недоверие с их стороны, а в дальнейшем и повлечь панические настроения.

Есть в допросе интересный момент об оплате шпионской деятельности. Быстролётов говорит, что якобы получал ежемесячно от Колениуса по 500 рублей и по столько же выдавал тем, кого через него вербовали. В числе данных, которые якобы добывал Быстролётов для врагов, были секретные сведения о строительстве промышленности в Москве и Сочи, кредитах Народного комиссариата внешней торговли.

Постановление о переквалификации

Я, следователь Следственной части НКВД, младший лейтенант государственной безопасности Шукшин, рассмотрев материал следственного дела номер 21-011 по обвинению Быстролётова, нашел, что требуется переквалификация со статьи 58 пунктов 6, 7, 8 УК РСФСР на статью 58 п. 1а УК РСФСР.

Пресловутая 58-я статья носила общее название «Контрреволюционная деятельность», но имела множество пунктов с цифрами

Первая страница протокола
об окончании следствия над Дмитрием Быстролётовым

и буквами, от которых зависело наказание. Так, пункт 1а означал «Измена Родине» — преступление, которое наказывалось вплоть до высшей меры.

Протокол об окончании следствия

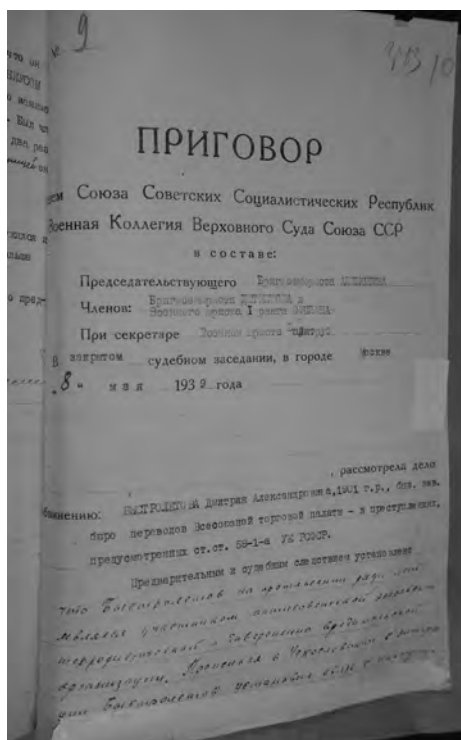
27 апреля 1939 года следствие было завершено. Протокол об этом Быстролётов подписал. Вот те слова, что он вписал туда:

Я целиком и полностью подтверждаю все данные ранее показания... Всегда готов расширить или пояснить любой вопрос в моих показаниях. Считаю себя полностью разоблаченным и прошу снисхождения.

Письмо народному комиссару госбезопасности Берии

В этот же день, 27 апреля 1939 года, разведчик написал письмо, в котором указал обратный адрес: «Лефортовская тюрьма, камера 110».

Быстролётов понимал, что суд может вынести ему высшую меру наказания. И это письмо — попытка предотвратить расстрел.

Первая страница приговора, вынесенного судом Дмитрию Быстролётову

В письме он пишет:

По своему происхождению со старым режимом не связан, Новомбергского, если он мой отец, не видел никогда и с ним в переписке не состою, питания чувств у меня к нему нет. Мать моя — учительница начальных классов. Я не классовый, законченный, неисправимый враг Советской власти. Я — преступник, но могу исправиться и прошу сохранить мне жизнь и дать возможность работать — горячо, страстно желаю загладить свою вину... Еще раз прошу Вас, как представителя советской власти, о снисхождении и оставлении мне жизни для труда и исправления.

Приговор от 8 мая 1939 года

Этот рукописный документ занял всего три страницы. Приговор был вынесен Военной коллегией Верховного суда СССР в составе трех судей. Согласно протоколу судебного заседания, секретарь доложил, что подсудимый доставлен, ходатайств не заявлял, а свидетели по делу не вызывались. На ключевой вопрос Быстролётов ответил, что виновным себя признаёт, и подтвердил показания, данные на предварительном следствии, — за исключением того, что добровольно служил у белых.

В приговоре резюмируется вина Быстролётова:

В течение ряда лет являлся участником антисоветской, эсеровской, террористической и диверсионной враждебной организации. Работая за границей в советском учреждении, Быстролётов передавал иностранной разведке сведения, составляющие государственную тайну Советского Союза. Для антисоветской деятельности был привлечен Колениусом и проводил антисоветскую агитацию по заданию последнего.

Кроме того, занимался шпионской деятельностью в пользу английской разведки. Был членом контр-террористической организации в Торговой палате... Кроме того, Быстролётов, являясь секретным сотрудником органов НКВД, дезинформировал последние.

В последнем слове подсудимый сказал, что «разоружился и разоружил других», попросил сохранить ему жизнь, обещал, что никогда больше шпионажем заниматься не будет.

Вердикт — 20 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией имущества. «Срок исчислять с 18 декабря 1938 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Служебная записка

Ноябрь 1940 года, начальнику Следственной части ГУГБ НКВД капитану государственной безопасности... Поскольку Быстролётов отказывается от своих показаний и ссылается на то, что дал их исключительно ввиду грубого физического воздействия на него со стороны следователя старшего лейтенанта государственной безопасности Соловьева, считаем, что проверку и рассмотрение его заявления по существу необходимо проводить в следственной части ГУГБ.

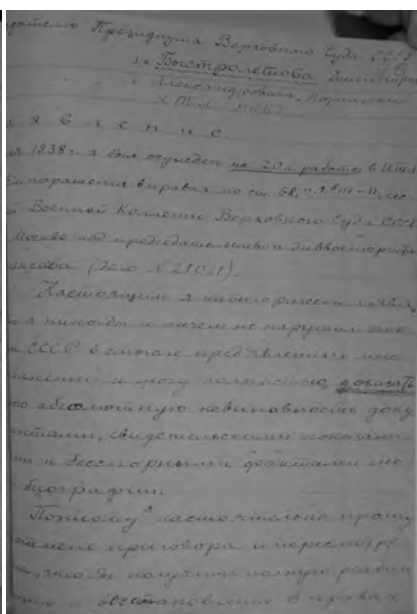
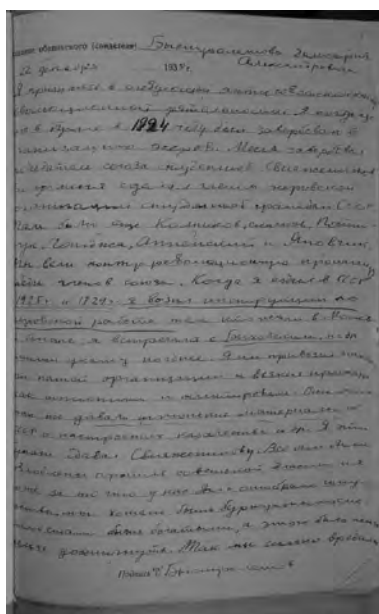
Заявление

Председателю Президиума Верховного Совета СССР от заключенного Быстролётова Д. А. (Норильский ИТЛ НКВД) .

...Настоящим я категорически заявляю, что никогда и ничем не нарушал законы СССР. В смысле

предъявленных мне обвинений могу полностью доказать свою абсолютную невиновность документами, свидетельствующими показаниями и бесспорными фактами моей биографии. Поэтому настоятельно прошу об отмене приговора и пересмотре дела, чтобы получить полную реабилитацию и восстановление в правах.

Потрясает то, каким почерком он написал заявление на тетрадных листах. Если сравнить написанные им собственноручно признания на следствии и это заявление, становится очевидно: автор один, но находился он в совершенно разных состояниях. Признания (особенно первые страницы) выведены широкими корявыми буквами, которые скачут будто бешеные. А в заявлении — ровный, спокойный почерк.

Страница с признательными показаниями Дмитрия Быстролётова
и страница заявления о пытках

Вот что рассказывает Быстролётов. По его словам, после перевода в Бутырскую тюрьму он узнал, что показания на него дали несколько бывших белогвардейцев, знавших его по учебе в Праге. Они утверждали, будто при Совете студентов и граждан СССР в Праге существовала нелегальная сербская группа, которая вела террористическую работу против советской власти как за рубежом, так и в самом СССР и Быстролётов являлся ее членом. Быстролётов смог сразу же эти показания опровергнуть.

«Один свидетель наговорил такой чепухи о моей службе у Врангеля и Кутепова, что даже следователь Смирнов вынужден был признать показания лживыми», — вспоминал Быстролётов. В итоге Смирнов, по словам разведчика, всерьез намеревался закрыть производство: «Встал вопрос о моем освобождении и о прекращении дела».

Однако 17 декабря 1938 года следствие взял на себя старший лейтенант госбезопасности Соловьев.

Вот как об этом рассказывает Быстролётов:

Он сразу поставил мне ультиматум: я должен подписать составленные протоколы показаний, иначе меня переведут в Лефортовскую тюрьму и там превратят в мешок с костями. Он демонстративно написал ордер на арест моей жены и матери. Я снова отказался. Он стал бить меня по лицу, оскорблять, издеваться и угрожать расстрелом. Я наотрез отказался участвовать в фальсификации дела. Тогда он перевел меня той же ночью в Лефортово. И с первого же допроса там стал зверски избивать и мучить меня. Бил кулаками, выдергивал волосы, топтал ногами. И в конце концов, видя, что я выдерживаю все это, стал пороть меня железным тросом с гайкой на конце и бить молотком. Свидетели побоев и пыток — следователи Шукшин и Манцев. Свидетели опухолей, кровоподтеков... сидевшие

со мной в камере номер 110 Дьяков и Недумов, а также тюремный врач Морозин. Сердце мое находилось в очень плохом состоянии. Я боялся, что умру под ударами Соловьева и преступления его останутся нераскрытыми. Поэтому я решил подписать «материал», твердо надеясь, что позднее советская власть накажет его. Зарвавшемуся преступнику-карьеристу удалось сфальсифицировать дело, обмануть советский суд, советскую власть и партию. Всю ответственность за свои показания возлагаю в целом на следователя, так как я писал под его диктовку. Соловьев многократно переделывал эти материалы, старался придать им правдоподобный вид...

Соловьев подтасовывает факты моей биографии, чтобы представить меня пролетарскому суду как классово враждебного человека, утверждая, что я родился как незаконный сын. Соловьев подыскал мне на роль отцов: казачьего офицера, помещика и профессора. В дело включил, кажется, последнего, зато придумал историю конфискации капиталов после Октябрьской революции.

...На самом деле я сын сельской учительницы. С 16 лет живу своим трудом. 5 лет занимался физическим трудом в качестве матроса на торговых судах. В 1925 году привлечен к работе ИНО ОГПУ. За рубежом в последнее время был самостоятельным резидентом. Выполнял успешно несколько серьезных оперативных заданий. Многократно получал благодарность по приказу. В палате был старшим переводчиком с английского, французского, немецкого, чешского, голландского, сербского, испанского, итальянского, монгольского и других языков. С капитализмом я же не связан никакими интересами, поэтому я работал для советской власти изо всех сил, рисковал жизнью. Теперь хочу освободиться, чтобы еще раз доказать свою преданность Родине и горячую любовь к ее вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину. Быстролётов.

17.09.40 .

Эту анкету заполнили в начале 1948 года, когда привезли Быстролётова в Москву из Сибирского исправительно-трудового лагеря.

Она небольшая, и здесь поражают строчки, от которых веет горем и безысходностью.

Мать — умерла в 1938 году. Жена — умерла в 1942 году. Отец — нет. Братья и сестры — нет. Дети — нет.

Есть тут и словесный портрет, из которого следует, что роста он высокого, глаза карие, фигура средняя, плечи опущенные, волосы черные с проседью...

Быстролётова привезли на встречу к министру государственной безопасности СССР Виктору Абакумову. Тот предложил сделку: разведчик немедленно возвращается к нелегальной работе за рубежом — и уже через несколько дней сможет пить кофе на Монмартре. В ответ Быстролётов выдвинул жесткое условие: сначала полная реабилитация и возвращение честного имени. Абакумов воспринял это как упрямство и непокорность. Рассказывали, что министр взбесился. Вместо свободы и Парижа Быстролётова ждало жестокое наказание. Его отправили в секретную Сухановскую тюрьму, где он провел три года в крохотной камере-одиночке, едва не лишившись рассудка.

Почему он, человек, горячо мечтавший вернуться к любимому делу, поступил именно так?

По словам Марии Парпаровой, Быстролётовым двигала непреклонная потребность восстановить справедливость и вернуть свое честное имя. «Меня нельзя амнистировать, я невиновен», — писал он. В этих словах звучит категорическое несогласие с Системой. Как же он преодолел все испытания и смог выстоять? Был период, когда Быстролётов почти сдался, опустил руки и смирился с неизбежностью. Он даже пытался покончить с собой. Однако невероятная стойкость, внутренний бунт и гордость

побудили его продолжить борьбу. В тюрьме Быстролётов перенес инсульт и был частично обездвижен, но сумел восстановиться и вернуться к полноценной жизни.

Дмитрия Быстролётова освободили в 1954 году по болезни — на лагерном языке того времени это называлось «активировать».

После 16 лет заключения он нашел в себе силы начать жизнь с чистого листа, посвятив ее писательству.

«Дмитрий Александрович хотел восстановить справедливость, рассказать правду о себе», — говорит Парпарова. Он сам конструировал свою биографию, повторяя: «Я должен быть достоин своей судьбы». На каторге смыслом его существования стало писательство: используя любую возможность, он делал тайные записи. Разведчики, как правило, славятся тем, что из них слова не вытянешь. А здесь — многотомный труд, созданный по законам авантюрного романа. Главное отличие Быстролётова от большинства коллег в том, что он не выбирал эту профессию как призвание. Он не оканчивал спецшкол, не осваивал секретных дисциплин — его просто привлекли к работе. По своей сути он был художником. В мемуарах он признается: «...я всегда успевал делать заметки и зарисовки». Творчество было истинным порывом его души. Жажда вернуть честное имя и получить заслуженное признание двигала им долгие годы. После освобождения он создал монументальный автобиографический цикл «Пир бессмертных» и написал сценарий к фильму «Человек в штатском», основанному на вехах его невероятного жизненного пути.

В маленьком конверте, который лежит в последнем томе, хранятся портрет красивой женщины, написанный Быстролётовым в неволе, и фото его жены...

Меж тем я нахожусь в доме внука Быстролётова — Сергея Милашова. Ему посчастливилось общаться с дедом на протяжении 20 лет, а после его ухода Сергей Сергеевич долгие годы методично оцифровывал рукописи, рисунки, фотографии и архивные документы деда. Сегодня он — единственный хранитель наследия гениального разведчика.

Рассказ Сергея Сергеевича Милашова о его удивительном деде

Сергей Сергеевич достает снимки из личного архива и начинает свой рассказ о деде, иллюстрируя каждый этап:

— На этом фото — октябрь 1954 года. Когда дед освобо-
дился, он сразу пришел к нам
домой. Я взял его за руку
и отвел в комнату. Так у меня
появился дед. И в тот же вечер
к нам пришел участковый
с требованием, чтобы дед поки-
нул столицу: бывшим заклю-
ченным разрешалось прожи-
вать не ближе 101-го километра
от Москвы, таков закон. Оказывается, соседи сообщили в мили-
цию о прибытии бывшего эзка. Но на следующий день началь-
ник 28-го отделения милиции собрал жильцов дома. Он показал
им кулак огромного размера и строго предупредил: «Дмитрий
Александрович будет жить здесь. Столько, сколько нужно. Если
откроете рот — будете иметь дело со мной». Он знал и уважал
деда.

Каждые субботу и воскресенье я проводил у деда. Он был
изумительным воспитателем. Мы гуляли с ним по Москве. Он
рассказывал случаи из своей жизни. Часто представлял мне
ситуацию и спрашивал: как бы я поступил? Он прекрасно рас-
скаывал. Мы были очень близки. Дед научил меня многому —
от правил поведения за столом до умения прогнозировать
поступки собеседника по его жестам и фразам. Он показы-
вал, как относиться к людям с уважением и любовью, видеть

Быстролётов
после выхода из лагеря.
Справка об освобождении

те самые незримые нити, что держат человека крепче любых цепей. У деда было блестящее образование, которое давали детям в дворянских семьях. Его отец — граф Александр Николаевич Толстой. В те годы в России жили два полных тезки с таким именем и отчеством. Первый Александр Николаевич Толстой — это старший брат писателя Алексея Николаевича Толстого. А вот второй Александр Николаевич родился 12 августа 1858 года под Выборгом, получил юридическое образование. Именно он стал отцом Дмитрия Александровича, который своего родителя графского рода так никогда и не видел.

Есть еще фотопортреты Быстролётова в паспортах разных государств в период его нелегальной работы: граф Ладислас Перельи, лорд Роберт Гренвилл, подданный короля Греции Александр С. Галлас, гражданин Чехословакии Джозеф Пирелли, подданный королевы Нидерландов Ганс Галлени...

Разведка начинается с паспорта, куда вклеена фотография нелегала — гражданина или подданного иностранного государства. Внешность на фото должна соответствовать слою общества, в котором предстоит работать. Почитайте, что дед писал о своей службе:

Разведчик должен быть культурным и образованным человеком, владеть несколькими иностранными языками и хорошо знать отрасль знаний, в которой он работает.

Разведчика на границе рассматривают в упор его смертельные враги, ошибка может означать для него провал и смерть. Искусство игры у разведчика в тысячу раз более тонкое, чем у лучшего актера, и он не смеет в чем-то снизить качество игры.

Паспорт обеспечивал юридическую сторону проживания и потому открывал возможности для «запуска корней в местную почву» — легализацию, то есть обеспечение юридического основания пребывания в данной стране, возможности спокойно объяснить полиции причины своего местонахождения здесь и давать исчерпывающие данные о своем материальном обеспечении.

Разведчик должен быть всегда готов — если не к провалу, то к возникновению повышенного интереса к его персоне со стороны местных органов государственной безопасности.

Вербовщик — как птица: прилетел, клюнул и снова улетел. Если удалось сорвать плод — хорошо, если нет — удрал навсегда, если поймали — погиб, уж такая это специальность. Вербовщик слишком часто и много рискует, и при провале вербовки его не спасет самая солидная маскировка.

За годы работы во внешней разведке Советского Союза дед обеспечил правительство СССР дипломатическими кодами и шифрами Австрии, Англии, Германии, Италии и Франции, личной перепиской Гитлера и Муссолини. Он также организовал доступ к секретной информации Государственного департамента США и зарубежных резидентур Германии, Италии и Франции в Швейцарии. А еще он создал агентурные сети в Европе и США — Красная капелла, Кембриджская группа и т.д.

Поводом для ареста, как вы знаете из материалов его уголовного дела, стала докладная записка капитана Сорокина на имя

заместителя наркома внутренних дел Фриновского. Про Сорокина надо рассказать отдельно. У матери Дмитрия Быстролётова был дом в Анапе. Он располагался на Высоком берегу — так называют жители Анапы место, откуда можно видеть береговую линию, уходящую за горизонт. На это здание положили глаз местные чекисты.

В 1934 году начальник городского Управления ГУГБ Сорокин решил конфисковать дом. В день приезда Быстролётова в Анапу Сорокин с бригадой пришли выселять из дома Клавдию Дмитриевну, но наткнулись на ее сына. После резкой стычки с Быстролётовым дом остался за матерью. Сорокин запомнил обидчика. Он обратился к приятелю — заместителю полномочного представителя НКВД по Азово-Черноморскому краю Журавлёву-Николаеву. И началось. Арестовали бывших студентов из Чехословакии и членов их семей, из которых выбивали показания о шпионской и диверсионно-террористической организации эмигрантской молодежи, якобы созданной чешской разведкой и руководимой Быстролётовым. Жену одного из бывших студентов убили на допросах...

Понятно, что под пытками все дали нужные показания.

Фальшивые дела Журавлёв-Николаев передал Сорокину. Тот составил докладную записку, подписал ее у своего приятеля Реденса и направил Фриновскому, а Фриновский — руководителю иностранного отдела Абраму Слуцкому. Вообще, доносы на Быстролётова несколько раз присылали Слуцкому в Москву, но он запрещал местным органам арестовывать своего лучшего нелегала. При этом обращения начальник разведки не уничтожал, а складывал в сейф. Когда пришли за самим Слуцким, его сейф вскрыли, и документам на деда дали ход.

В камере следователь Соловьев указал Быстролётову на право выбора, чем писать признательные показания — чернилами или кровью.

Дед в «Пире бессмертных» рассказал о фальсификации уголовных дел сокамерников, о допросах следователя Соловьева и предсказал судьбу следователей. Цитирую его:

Будут закончены фальшивые дела последнего заключенного, тогда возьмутся за фальсификаторов и шлепнут всех до одного.

Так и случилось.

Вот дед накануне этапа.

Цитирую его:

...одним поездом из красной Москвы, столицы нашей социалистической Родины, в Сибирь было доставлено три тысячи семьсот пятьдесят честных людей, невинно осужденных, на сорок пять тысяч лет заключения. А сколько таких поездов гроыхало в те годы по бескрайним просторам нашей Родины?

В лагерях он не сгинул: везде лечил заключенных. И хотя в свое время он защитил диссертацию по гинекологии, в лагерной реальности ему пришлось стать врачом широкого профиля.

Лагерный путь деда был страшен. После оглашения приговора его отвезли в расстрельную спецтюрьму Сухановку. Там он трое суток просидел в камере под лестницей в ожидании казни. В Сухановке регулярно приводили приговоры в исполнение, но в расстрельных списках его, по счастью, не оказалось. Из Сухановки деда этапировали в Красноярск, а оттуда — в Норильск. И везде он лечил. Потом попал в Мариинское отделение Сиблага. Там ему поручили заведовать так называемым пунктом подготовки покойников — баракom для безнадежных доходяг. Но дед совершал невозможное и ставил неизлечимо больных на ноги.

Первая жена Быстролётова — Мария Иоланта — приехала к нему туда 22 июня 1940 года. Охранник ее оскорбил, дед ему врезал. За это его отправили в Суслово. Там он и провел большую часть срока, все время врачевал. И там же встретился с моей мамой, которая отбывала пятилетний срок как жена «врага народа».

Из Суслова Абакумов неожиданно вызвал деда в Москву. Когда Быстролётова доставили, министр госбезопасности предложил

ему восстановиться в должности и вернуться к нелегальной работе за границей.

Дед ответил жестко: согласится только после полной реабилитации, потому что считает себя абсолютно невиновным. Абакумов подозвал его к окну и, показав на людей во дворе, произнес: «Вот там, на улице, ходят подозреваемые. А здесь, у меня в кабинете, сидят виноватые». За эту строптивость деда отправили на три года в Сухановку, где он сидел в одиночной камере. Про Сухановку стоит пояснить отдельно. Эта секретная спецтюрьма располагалась в Свято-Екатерининском монастыре, построенном по указу царя Алексея Михайловича. После революции обитель превратили в политическую тюрьму Сухановку. Монашеские кельи переоборудовали в одиночные камеры для политзаключенных.

Я там был. Стоял в келье, которая, вероятно, являлась той самой одиночной камерой, где три года томился дед: сначала внизу, потом наверху. Вообще, как я выяснил, сюда привозили арестованных после оглашения приговора, везли из Москвы. Кого-то расстреливали, особо отличившихся сжигали в печи, установленной в храме. Других осужденных держали до сумасшествия в одиночных камерах-кельях. Трупы ночью тайно вывозили в ближайший лес. Так возникло массовое захоронение убитых, обнаруженное в 1990-х годах и названное Бутовским полигоном.

Сейчас у стен монастырского храма стоит деревянный крест и лежат плиты из черного мрамора. Надписи на них гласят:

Этот камень установлен в память:

О тех, кто томился в Сухановской политической тюрьме;

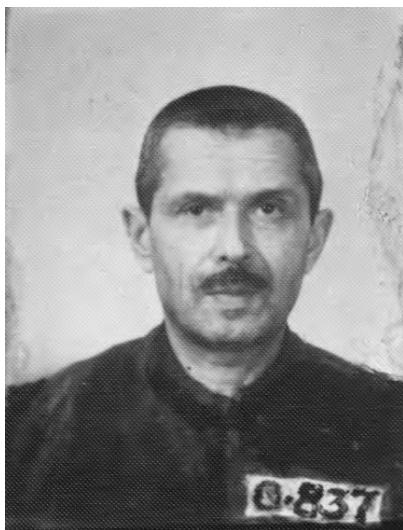
О всех жертвах политических репрессий;

О всех жертвах трагедий XX века.

ПОМОЛИСЬ о невинно страдавших.

Быстролётов Д. А., Бабель И. Э., Белищев М. А., Виленский С. С., Гнедин Е. А., Жемчужина П. С., Кузьмин Ф. К., Крупенников И. П., Ляпушкин Я. Я., Мейерхольд В. Э.,

Новодворский А. Г., Силин Г. Г., Самохин А. Г., Снегов А. В.,
Турков-Латкин В. Д., Трубецкой Н. И., Эфрон С.

Сравните эти две фотографии.
Таким дед вошел в тюрьму, а вот таким вышел. Но впереди у него было еще
много всего. А я благодарен судьбе за те 20 лет, что провел рядом с ним

Автопортрет Быстролётова

Судьба «главного цензора СССР» Шиварова

Николая Шиварова некоторые историки называют «главным цензором СССР». По слухам, с ним советовался лично Сталин, прежде чем принимал решения по крупным литераторам.

Именно Шиваров вел в 1934 году первое дело Осипа Мандельштама — о знаменитой эпиграмме на Сталина. Тогда поэт отделался ссылкой.

Второй раз Мандельштама арестовали в 1938 году. К тому времени следователь Шиваров сам попал в жернова репрессий: был признан шпионом и осужден. Из лагерей «главный цензор страны» не вернулся. По официальной версии, покончил с собой.

До сих пор об уголовном деле в отношении Шиварова не было известно практически ничего. Да и о нем самом — крайне мало.

Как болгарский журналист и скрипач превратился в оперативника НКВД? Почему именно ему поручили работу с литераторами? И как случилось, что с некоторыми из них он был дружен? Почему его заподозрили в шпионаже и какую «антисоветскую» деятельность он вел, по версии своих коллег-чекистов?

ИЗ ДОСЬЕ:

Николай Шиваров — болгарский журналист, коммунист-подпольщик. Приехал в Москву, спасаясь от преследования на родине. С 1924 года работал в центральном аппарате ОГПУ, отвечал за литературное направление. Вел ряд «литературных» дел,

включая дела Мандельштама, Клюева, Эрдмана, Масса и группы «Памир».

4 июня 1938 года приговорен ОСО НКВД к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. 4 июня 1940 года скончался в лагере.

27 июня 1957 года Военный трибунал Московского военного округа отменил решение ОСО НКВД в отношении Шиварова и прекратил дело «за отсутствием состава преступления».

— Моя бабушка была врачом-окулистом, кандидатом медицинских наук, — говорит внучка следователя Екатерина Шиварова (в прошлом научный сотрудник Музея современной истории России, ныне работающая в газете «МК»). — В моей памяти ее образ — светлый, добрый и чистый. Дедушку я не застала, но всегда знала, что бабушка его любила. А еще у нас в семье была тайна, связанная с моим отцом. Николай Христофорович написал письмо сыну и просил, чтобы послание отдали ему, когда тот вырастет. Там было что-то важное, какое-то объяснение. Но это послание до адресата так и не дошло.

Екатерина по-доброму отзывается о бабушке (кстати, в девичестве Холщевниковой — родной племяннице генерал-губернатора Забайкальского края Ивана Холщевникова, прославившегося в годы революционных событий 1905 года) и не верит, что та могла полюбить плохого человека. Все это с трудом вяжется с образом сурового следователя НКВД, который вел дела Осипа Мандельштама и других писателей в начале 1930-х годов. Однако мало ли образованных людей участвовали в репрессиях? И кто сказал, что они были плохими мужьями и отцами? К тому же стоит сделать важную оговорку: Шиваров вел «литературные» дела до начала массовых репрессий. По первичному приговору никто из его подследственных не получил высшей меры наказания. Времена были тогда еще, можно сказать, «вегетарианские»...

В интернете есть только одна фотография Николая Шиварова. На ней он строгий, но при этом смотрит как будто печально-отчаянно. Екатерина Владимировна показывает сохранившиеся снимки из семейного архива. Их немного, но Шиваров тут совсем другой, улыбающийся.

Вообще, вот как его описывают. Красавец почти двухметрового роста, высокий лоб, ямочка на подбородке, шикарная шевелюра. Про Шиварова говорили, что он был еще и невероятно силен физически — орехи пальцами щелкал.

Николай Шиваров

Николай Шиваров

Из воспоминаний литератора Галины Катанян:

В то время, как я знала Шиварова, он пользовался огромным успехом у женщин, что не мешало ему нежно любить жену и быть прекрасным семьянином. Я для него была женой товарища, то есть неприкосновенна, но была поверенной его любовных тайн и дружила с его женой Люси, очень хорошенькой блондинкой, великолепным окулистом. Сына Владика Николай очень любил.

Николай Шиваров.
Из семейного архива

Забегая вперед, скажу, что Галине Катанян Шиваров написал последнее в своей жизни письмо. И ей перепоручил заботу о жене и сыне.

Вообще, Шиваров был вхож в дома ко многим писателям. Он дружил с руководителем Союза писателей СССР Фадеевым. И, снова забегая вперед, скажу, что Фадеев отрекся от него после ареста.

— Моя бабушка рассказывала, что дома у нас бывали известные писатели, — говорит Екатерина Шиварова. — Совсем маленького папу (ему не было и года) держал на руках Владимир Маяковский.

По ее словам, дедушка сам был по профессии журналист. Много читал, играл на скрипке. Был творческой личностью. Почему он стал работать в НКВД, она не знала.

Кто и как поручил Шиварову дела литераторов — до сих пор доподлинно неизвестно. Но Шиваров работал в НКВД в то время, когда им руководил Генрих Ягода. Именно он подписал ордер

на арест Мандельштама в 1934 году. А молодому следователю Шиварову было поручено допросить поэта.

ИЗ ДОСЬЕ:

Мандельштам в 1933 году написал знаменитое стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны», посвященное Сталину. Поэт прочитал его в узком кругу знакомых литераторов. Пастернак раскритиковал эпиграмму («То, что вы мне прочитали, не имеет отношения к литературе и поэзии»), назвал ее «актом самоубийства». Он просил Мандельштама никому больше не читать эти стихи. Когда поэта арестовали, за него заступился Пастернак. И именно ему позвонил Сталин, узнав об аресте Мандельштама.

Осип Мандельштам признал факт написания «эпиграммы на Сталина» и продиктовал ее Шиварову. Тот квалифицировал стих как «антисоветский пасквиль».

Из протокола допроса:

Шиваров. Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного содержания?

Мандельштам. Да, я признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контрреволюционного пасквиля против вождя коммунистической партии и советской страны. Я прошу разрешить мне отдельно написать этот пасквиль и дать его как приложение к настоящему протоколу допроса.

Шиваров. Выражает ли ваш контрреволюционный пасквиль «Мы живем...» только ваше, Мандельштам, восприятие и отношение, или он выражает восприятие

и отношение определенной какой-либо социальной группы?

Мандельштам. Написанный мною пасквиль «Мы живем...» — документ не личного восприятия и отношения, а документ восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно части старой интеллигенции, считающей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур. В политическом отношении эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к искажающим современную действительность историческим аналогиям.

Об этих допросах стало известно после публикации книги жены Осипа Мандельштама.

В своих воспоминаниях режиссер Василий Катанян, сын Галины Катанян, писал:

И вот в 1960 году мы с мамой (еще тайно) прочли отпечатанный на папиросной бумаге первый том Н. Я. Мандельштам [жены Осипа Мандельштама] с главою «Христофорыч». Я помню, как вскрикнула мама... Прочитав эти несколько страниц, она была потрясена. Я тоже пришел в большое смятение, ибо помнил этого человека у нас в доме, знал дальнейшую его судьбу. «Боже мой, с кем мы дружили! Кто ходил к нам...» — сказала мама. Она написала «Иных уж нет» (книга воспоминаний, где о Шиварове отзывается крайне положительно. — *Прим. авт.*) ПРЕЖДЕ, чем прочла правду у Н. Я. Мандельштам. Этим я объясняю ту симпатию, с которой она рассказывает о Шиварове, то есть рассказывает так, как она к нему относилась. Если бы она писала ПОСЛЕ прочтения, она не смогла бы так же рассказать о нем. Но даже после всего, что она узнала, она не стала редактировать главу. «Я не бесстрастный историк, это как бы мои дневниковые записи. Я хочу сохранить свои ощущения тех лет и впечатления от тех людей. Что было — то было».

А дело Мандельштама в 1934 году закончилось, можно сказать, благополучно. Когда Сталин узнал об аресте поэта из письма Бухарина, он лично позвонил Пастернаку и спросил, действительно ли Мандельштам — «мастер». Получив утвердительный ответ, вождь оставил на письме свою знаменитую резолюцию: «Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразие». Историки считают, что эпиграммы на себя Сталин не читал. Просто был возмущен тем, что арест с ним не согласовали. А Мандельштама в итоге отправили в ссылку, где он в знак благодарности написал уже совсем другие стихи, возвеличивающие Сталина.

Напомню, что Сталин писателей по-своему любил и покровительствовал им. Известны факты, когда вождь лично отвечал на их обращения (чего стоит одна только его переписка с Демьяном Бедным!), принимал литераторов и решал их бытовые и насущные проблемы. Бывали случаи, когда он их спасал от слишком рьяных чекистов. Истории с Мандельштамом, а позже со Львом Гумилёвым и Николаем Пуниным (после ареста которых Анна Ахматова написала письмо-прошение вождю, и тот приказал их отпустить) это наглядно подтверждают. Таким образом Сталин раз за разом демонстрировал великодушную лояльность к «заблуждающимся» деятелям культуры.

Но вернемся к Шиварову.

Друзья из творческих кругов знали, что он служит в органах госбезопасности, но о конкретных делах, которые он вел, даже не догадывались (отсюда и шок Галины Катанян при прочтении главы о Мандельштаме). К тому же во второй половине 1930-х годов Шиваров литературным направлением, похоже, уже не занимался. Снова забегая вперед, скажу, что одно из вмененных ему преступлений, цитирую: «В течение нескольких лет не поставил вопроса об аресте ни одного писателя при наличии серьезных оперативных данных об их антисоветской деятельности».

Как бы то ни было, на глазах друзей-литераторов разворачивалась трагедия вокруг самого Шиварова.

Вот как описывает происходившее с ним накануне ареста в воспоминаниях Галина Катанян:

После убийства Кирова Шиваров начал говорить, что хочет уйти с работы и заняться журналистикой. Мы удивлялись — почему, зачем? Он, конечно, знал, почему и зачем, это МЫ не знали. Лишь в 1937 году ему это удалось.

В 1937 году, утром, когда я еще лежу в постели, он входит ко мне в комнату в пальто и в шапке. Визит его для меня полная неожиданность, так как незадолго до этого он был переведен на работу в Свердловск, в газету.

— Что случилось, Николай?

Он вертит шапку в руках.

— Одна добрая душа сообщила мне, что видела ордер на мой арест. Пусть это сделают здесь, чтобы Люси не нужно было таскаться в Свердловск с передачами, — мрачно отвечает он.

Он взял с нее обещание приютить Владика в случае ареста Люси и попросить защиты у Фадеева. Шиваров отчаянно рассчитывал на писательскую солидарность, надеясь спасти ребенка от детдома.

Его арестовали через четыре дня. Люси оставили в покое. Когда я пришла к Фадееву и сказала о случившемся, он ответил:

— Арестован, значит, есть за что. Даром, без вины у нас не сажают.

Лицо его делается жестким. Губы сжимаются в узкий кружок. Ледяные, светлые глаза смотрят на меня в упор. Он перегибается ко мне через стол и очень отчетливо говорит:

— Не советую тебе вспоминать об этом.

Друзья недоумевали — в чем вина Христофорыча? А когда узнали о том, что он якобы был шпионом, не поверили. В ту пору шли массовые репрессии, под каток попадали сами сотрудники НКВД.

До сегодняшнего дня никто — говорю со всей ответственностью — не видел дело Шиварова. Оно рассекречено, хранится в Центральном архиве ФСБ в Москве. Закон позволяет потомкам репрессированных изучить их дела. Этим мы и воспользовались.

Итак, дело №287155 по обвинению Шиварова Николая Христоворovichа.

Следствие начинается с... доноса. Причем от бывшей жены. Первая страница дела — это оперативная справка, в которой утверждается, что, согласно показаниям гражданки Гайкуни, бывшей супруги Шиварова, тот «находился в тесной связи с разоблаченным шпионом, бывшим сотрудником ОО ГУГБ Уманским». Финал документа категоричен:

Всеми имеющимися материалами Шиваров характеризуется как авантюрист, пробравшийся на территорию СССР с разведывательными целями. Прошу вашей санкции на арест.

Дата этой справки — 30 ноября 1937 года.

Софья Гайкуни (также известная как Люси) — врач-хирург клиники Второго Московского государственного университета. Больше в материалах дела она почти не упоминается. Возможно, чекистам нужен был повод для ареста Шиварова и женщину использовали для этого. А может быть, это именно она привлекла к нему внимание репрессивной системы, которой в ту пору было все равно, кого «перемалывать». Кстати, судя

Обложка уголовного дела
Николая Шиварова

по документам, Шиваров не был женат в Болгарии и не имел детей до приезда в СССР (как ошибочно утверждается в некоторых источниках в интернете).

В деле обнаруживается и другой документ — оперативная справка, составленная почти за три месяца до ареста, 19 августа 1937 года. Это доказывает, что скрытая «разработка» Шиварова велась задолго до официального взятия под стражу. В этой справке сообщается, будто чекист ранее имел связи с белогвардейцами, а после назначения наркомом Николая Ежова пытался выяснить, можно ли уехать в Испанию по линии Коминтерна (что авторы справки трактовали однозначно — как попытку побега).

Подобные обвинения выглядят надуманными и ничем не подкрепленными. Но все это происходило в период, когда руководители Шиварова уже были арестованы. Дошла очередь до него. И маховик запустился.

Передо мной **ордер на арест и обыск** в его квартире по адресу: Арбат, дом 43, квартира 2.

Обыск был проведен 25 декабря 1937 года. Присутствовал на нем только один гражданский — это был дворник.

Изъяли: паспорт, партийный билет, пистолет, фотокарточки (59 штук), письма, брошюру Бухарина (5 штук), облигации на сумму 5505 рублей, газеты и журналы на русском и болгарском языках.

В этот же день Шиварова арестовали.

В **анкете арестованного** в графе «Состав семьи» указано:

{ Жена — врач, зав. лабораторией глазной клиники,
{ сын — 8 лет, учащийся.

Следствие началось.

Первым делом запросили сведения о его прибытии в СССР и аресте за незаконное пересечение границы в далеком 1920 году. Тогда были арестованы и брошены в тюрьму четыре человека, которые нелегально направлялись в СССР. Среди них находился

и 23-летний гражданин Болгарии Шиваров. Всем четверем вменили шпионаж. Допросили. Протоколы тех допросов сохранились и прилагались к заключению «АзерЧК». Вот выдержка из него:

Гр-н Шиваров из Болгарии, студент, зарабатывающий себе пропитание музыкой, хорошо играет на скрипке. Желая ближе познакомиться с жителями советской России и продолжать образование (поскольку слышал, что советская власть заботится о студентах), выехал из Болгарии в Россию через Константинополь, Батум, Тифлис и на ст. Акстафа был задержан.

О других арестованных в заключении лаконично сообщалось: познакомились случайно в дороге, никаких связей между собой не имели:

На основании допросов видно, что эти граждане приехали в Россию не с контрреволюционными целями, а с целью пожить в свободной стране.

Из финальной части документа следовало, как именно революционная власть распорядилась судьбой нелегалов после освобождения:

Гр-на Шиварова, как скрипача и хорошо знакомого со сценическим искусством, направить в распоряжение Рабиса.

Рабис — это Всесоюзный профсоюз работников искусств. Другие задержанные тоже получили направления по специальности: к примеру, зубной врач попал в распоряжение Наркомздрава.

То есть, по сути, этот документ доказывал: да, Шиварова задержали в 1920 году за незаконное пересечение границы, подозревали в шпионаже, содержали в тюрьме, но следствие установило его полную невиновность.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНЕШНИХ ДЕЛ
Главное Управление Государственной Безопасности

Протокол допроса

к делу №...

1. Фамилия Попов
2. Имя и отчество Николай Николаевич
3. Дата рождения 1918
4. Место рождения г. София, Болгария
5. Место жительства София, ул. Болгария 7
6. Имя и фамилия (полностью) Попов Николай Иванович
7. Паспорт № 12345
8. Вид заграничного паспорта № 12345
9. Семейное положение одиночка
10. Сведения о семье (полностью)
11. Сведения о службе

6-го февраля 1921 г.

ПРОТОКОЛ №...

по делу № 1870.

Я, нижеподписавшийся, допрошен в качестве свидетеля, показываю:

1. Фамилия - ПИВАРОВ
2. Имя, отчество - Николай Иванович.
3. Возраст - 23 г.
4. Происхождение - гражданин Болгарии
5. Место жительства - София, ул. Болгария 7, Болгария
6. Род занятий - студент-скрипач
7. Семейное положение - холост.
8. Имущественное положение - ничего
9. Политическая принадлежность - беспартийный
10. Политические убеждения - социалистический коммунизм
11. Образование: а) общее - студент Софийского университета
б) спец. - музыкальное образование
12. Чем занимался в это время: а) до войны 1914 г. - в гимназии Корсково, в Болгарии
б) до февральской революции 1917 г. - учителем в г. Киссуре (Болгария)
в) до Октябрьской революции 1917 г. в Болгарии
г) с октябрьской революции до захвата власти коммунистами - после дня вступления в Болгарию учащаяся в университете
13. Сведения о прежней службе - никогда.

Материалы дела

Причем практически сразу после этого он попал на работу в органы ЧК.

Биографическая справка из личного дела, выданная УФСБ по Свердловской области:

1915-1917 — учитель, г. Клисуре, Болгария.

1918-1920 — студент университета, г. София.

С января по июль 1920 — скрипач оркестра Баку.

С ноября 1920 по ноябрь 1922 — сотрудник экспедиции «Крымцентростепь».

С января 1924 по ноябрь 1924 — заведующий Крымским Главлитом.

4 года — с 1920 по 1924 — студент Симферопольского университета.

Проходил службу в органах ОГПУ-НКВД с 15 декабря 1924 по 21 октября 1937 года.

{ Награды — пистолет «Коровин» (1931), боевое оружие в связи с 15-летием органов ВЧК-ОГПУ (1932).

Следствие стало выяснять, как часто общался Шиваров с родителями, живущими за рубежом. Оказалось, связь была только письменная и редкая — один раз в год.

В общем, как-то маловато для обвинений действующего сотрудника НКВД в шпионаже. Даже в эпоху репрессий нужны были хоть какие-то основания. Следствию помогли «признания» Шиварова, которые он давал под пытками (о чем сообщил потом).

Шиварова после ареста привезли на Лубянку (по иронии судьбы в этом здании у него когда-то был кабинет), а потом бросили в Бутырскую тюрьму... В квитанции, выданной в отделе по приему арестованных, указано: при себе имел зеленоватый шарф, чемоданчик, зубную пасту...

Всего через шесть дней после ареста, 31 декабря 1937 года, из тюрьмы Шиваров направил заявление на имя наркома внутренних дел СССР Ежова:

{ Заявляю, что я, быв. сотрудник НКВД Шиваров, являлся участником контрреволюционной организации, действовавшей в органах НКВД, в которую был вовлечен в 1935 году пом. нач. СПО ГУГБ Горбом М. Названная организация, возглавлявшаяся Ягодой, являлась отрядом контрреволюционной организации правых и своей практической контрреволюционной работой активно содействовала правым в подготовке свержения советской власти с целью последующей реставрации капитализма.

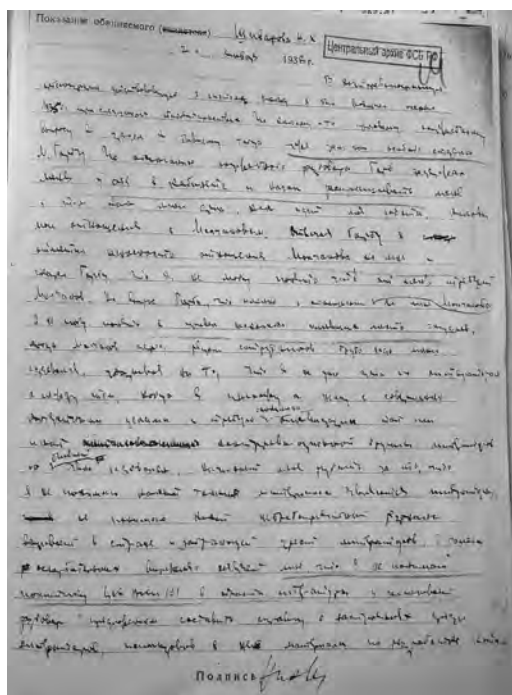
{ В арсенале средств борьбы этой организации против ВКП(б) был и террор против И. В. Сталина, Ворошилова, Кагановича, Молотова, Ежова и др. руководителей сов. власти. Важнейшей задачей контрреволюционной организации, действовавшей в органах НКВД,

было парализовать оперативную работу советской разведки в деле борьбы с контрреволюцией. На меня, как на участника этой организации, было возложено парализовать борьбу с контрреволюцией в той отрасли, которой я ведал, — области литературы.

В этом заявлении Шиваров называет имена тех сотрудников НКВД, с кем был связан в этой своей «подрывной» работе.

В следующий раз допрос был уже через два дня. И все это, напомним, в новогодние праздники...

Показания Шиварова от 2 января 1938 года стоит привести более подробно. Они даны под пытками, и он от них потом откажется. И тем не менее благодаря им можно представить деятельность НКВД в «литературном направлении».

Из материалов дела Николая Шиварова

ИЗ ДОСЬЕ:

Георгий Молчанов — начальник Секретно-политического отдела ОГПУ-НКВД СССР. Расстрелян в 1937 году в возрасте 40 лет. Посмертно реабилитирован.

Михаил Горб (настоящее имя — Моисей Ройзман) — один из руководителей Иностранного отдела ОГПУ. Расстрелян в 1937 году «в особом порядке» в возрасте 43 лет. В реабилитации отказано.

Генрих Ягода — нарком внутренних дел СССР, первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности». Расстрелян в 1938 году в возрасте 46 лет. Признан не подлежащим реабилитации.

Итак, Шиваров в показаниях рассказывает о беседе с Горбом, которому он посетовал на плохое отношение Молчанова.

А Горб на это якобы ему пояснил:

«Как нач. отдела он (Молчанов) должен требовать от тебя активной ликвидации контрреволюционных групп среди литераторов. Но его личное мнение расходится с этим требованием, т.к. сам он смотрит на эти вещи иначе, он против активных мер в отношении враждебных элементов среди литераторов, и он уверен в том, что ты лично тоже неохотно идешь на принятие активных мер в борьбе с контрреволюционными литераторами. Как-то раз я тебе сказал, что тебе трудно работать среди литераторов потому, что ты лично слишком сросся с их средой. Молчанов это понимает, и это вполне его устраивает, поэтому он будет тебя держать. Может быть, ты думаешь, что личные отношения с отдельными писателями не исключают общение со всей писательской средой и что они тебя не связывают в отношении этой среды, но ты ошибаешься».

Ранее Горб поставил вопрос так: политика Ягоды и Молчанова в отношении литераторов и вообще интеллигенции — только частный случай их общеполитической линии, которая не только расходится с политическим курсом ЦК, но и крайне враждебна этому курсу. Он сказал мне: последовательно было бы, чтобы ты, который на своем участке работы оправдал практически политику Ягоды и Молчанова, признал правильность этой политики во всем ее объеме. Сделай то, что сделал в свое время и я, что сделали и многие другие из тех, с кем ты связан по работе.

И дальше интересный момент:

Должен сказать, что в силу объективных причин я не развернул особо значительную подрывную работу. Во-первых, в конце декабря 1935 г. я заболел скарлатиной и вернулся к работе только в середине марта 1936 г. После этого часто и подолгу болел, и в июне я ушел в отпуск, по возвращении оттуда обстановка в НКВД в связи с приходом Н. И. Ежова настолько изменилась, что малейшие попытки продолжать саботаж были бы разоблачены. В связи с этим я решил уйти из отдела на периферию, но Молчанов меня не пускал. Тогда Горб сказал мне, что он лично свяжется с представителями германской разведки, но что в связи с предстоящим его уходом из НКВД ввиду его болезни он бы хотел меня как (участника организации) работника НКВД связать с этим представителем разведки, а если почему-либо это окажется неудобным, то этот представитель сам лично свяжется со мной, сославшись на мой с Горбом разговор. Неизвестно, по каким причинам, но ни Горб не связал меня с представителем разведки, ни этот представитель лично ко мне не явился. Пока Горб еще работал в органах, я два или три раза бывал у него специально, чтобы рассказывать ему о настроениях среди писателей по тем агентурным материалам, которыми я располагал. Горб говорил, что эти материалы

интересуют германскую разведку и что именно поэтому он и требует от меня эту информацию.

Таким образом, мною через Горба была установлена шпионская связь с германской разведкой.

Дополнительно о своей подрывной работе в органах НКВД, как участник контрреволюционной организации, должен сказать, что, ведя следствия по делам троцкистов и правых, я умышленно тормозил ведение этих дел, всем своим отношением к следствию давал арестованным понять, что я не стремлюсь добиться от них признаний в контрреволюционной деятельности. Конечно, говорить им об этом прямо я не решался, т.к. боялся, что кто-либо из арестованных мог бы разоблачить меня.

Попробую резюмировать. Шиварова арестовали уже после того, как были расстреляны его непосредственные начальники — Ягода, Горб и Молчанов. Его показания уже никак не могли повлиять на их судьбу. Его «убрали», вероятно, в рамках кампании по зачистке прежней команды руководства ЧК.

В деле есть **показания и от 4 января.**

В них, по сути, повторяется все то, что Шиваров говорил раньше. Но появляются новые «факты»: якобы его завербовала болгарская охранка и он взял на себя обязательства в ее интересах (шпионить).

Про свою «подрывную» работу говорит так:

Шла в соответствии и во исполнение установок, данных мне Ильюшенко и Горбом. Я ориентировал агентуру на фиксации отдельных мнений писателей по различным событиям, причем загружал агентуру заданиями по фиксации откликов на события преимущественно профессионального литературного характера.

Летом 1936 г. мне была дана группа арестованных по террористическому делу «Шабалкинской группы» красных профессоров. Я так намеренно вяло, не используя имеющиеся в моем

распоряжении средства и материалы, вел следствие, что подследственным должно было стать ясно, что я как следователь не изобличал их и не стремился их изобличать, а прикрываю их. Если я прямо не говорил об этом подследственным, то это было потому, что я рисковал быть разоблаченным самими подследственными.

В результате группа эта была дана другому следователю, а я был выключен из списка следователей, ведущих дела по троцкистам.

Итак, суть этих признаний — Шиваров говорит, что покрывал антисоветских писателей. То есть он заявляет, что эти писатели, во-первых, были врагами, во-вторых, он сам как часть вражеской группы помогал им уходить от ответственности.

Вплоть до марта больше допросов не было. Шиварова оставили в покое. Судя по следующему допросу, следствие больше не интересовала его «контрреволюционная деятельность». Может быть, помогло чье-то заступничество?

Протокол допроса от 10 марта 1938 года

Вопрос. Подтверждаете ли вы ранее данные вами показания от 31 декабря 1937 года и 2 и 4 января 1938 года?

Ответ. Нет, не подтверждаю. Данные мною показания от 31 декабря 1937 года и 2 и 4 января 1938 года являются самооговором. Я шпионской деятельностью не занимался и участником антисоветской правотроцкистской организации не состоял и не состою. Записано с моих слов верно и мною прочитано, в чем и расписываюсь.

Ник. Шиваров.

Но отпускать Шиварова следствие все же не намерено. Потому следователь пытается найти хоть что-то, что ему можно вменить.

Протокол допроса от 20 апреля 1938 года

Приведу его как можно более полно, поскольку в нем Шиваров подробно рассказывает свою биографию. И есть основания полагать, что как раз эти показания — самые достоверные.

Вопрос следователя. Где вы находились в 1917 году?

Ответ Шиварова. До 1917 года мая месяца проживал в Болгарии в гор. Карлово, причем предшествующие полтора года я учительствовал в разных школах Карловского уезда. В мае 1917 года я был призван в болгарскую армию — в Софийский крепостной артиллерийский полк, 1 июня 1917 года был переведен в артиллерийскую школу прапорщиков, но через две недели заболел и пролежал до июля 1918 года, когда после выздоровления был направлен в нестроевую школу прапорщиков запаса. В ноябре 1918 года в связи с окончанием войны был демобилизован.

Вопрос. Что вы делали в Болгарии после демобилизации вас из армии?

Ответ. После демобилизации остался проживать в Софии, зарабатывая на жизнь как скрипач, работал в театре, формально же числился студентом (с целью освобождения от военной службы), основное мое занятие была литература.

Вопрос. Когда вы уехали из Болгарии?

Ответ. В конце октября 1920 года я поехал из Болгарии в Турцию, Константинополь.

Вопрос. Что побудило вас уехать из Болгарии?

Ответ. Хотел поехать в РСФСР.

Вопрос. Что вы делали в Константинополе?

Ответ. В Константинополе я дожидался возможности нелегального переезда в РСФСР, зарабатывая на жизнь как музыкант в кафе и в одном симфоническом оркестре.

Вопрос. Когда вы прибыли в Советский Союз и каким путем?

Ответ. В декабре 1920 года я нелегально на итальянском пароходе «Ференц Кирали» прибыл в Батум и обратился в советское консульство за визой, там мне объяснили, что мне как иностранному подданному консульство не правомочно выдать визу, и посоветовали обратиться в Советскую военно-дипломатическую миссию в Тифлисе. Немедленно по прибытии в Тифлис я направился в Советскую военно-дипломатическую миссию, но так как это был поздний час — вечером, мне предложили явиться на следующий день и направили в советское общежитие в Нафтлуги. По дороге в общежитие, после выхода из Советской миссии, я был арестован меньшевистским особым отрядом и заключен в тюрьму.

В начале января 1921 года я был выслан меньшевистским правительством Грузии на Азербайджанскую границу.

На Азербайджанской границе я явился в особый отдел 9-й или 11-й армии, где после допроса и заполнения анкет был задержан и через несколько дней направлен в г. Баку в Азербайджанскую ЧК.

После ряда допросов я был освобожден 9 марта 1921 года и сразу же стал работать в советских учреждениях...

Вопрос. Чем занимались ваши родители?

Ответ. Отец мой — Шиваров Христо Генов работал всю жизнь телеграфистом, мать — домашняя хозяйка.

Вопрос. Кто из ваших родственников проживает в настоящее время за границей?

Ответ. В Болгарии в настоящее время проживают мои родители — отец и мать в гор. Карлово, там же проживает моя старшая сестра...

Вопрос. Вы поддерживали связь с вашими родственниками?

Ответ. До 1923 года я связи с родителями не имел. С 1923 года до 1934 года изредка переписывался с отцом, а через него с братом и сестрами. Переписку я поддерживал с разрешения руководства того отдела, где я работал.

Вопрос. Привлекались ли вы к ответственности за время нахождения в Советском Союзе?

Ответ. Кроме изложенного случая моего ареста после отправки меня меньшевистским правительством Грузии в Азербайджан, я больше никогда и ни к какой уголовной ответственности не привлекался.

Вопрос. В чем вы обвинялись Азербайджанской ЧК в 1921 году?

Ответ. Я был задержан для выяснения личности, никакого обвинения мне предъявлено не было.

...**Вопрос.** Какое отношение имела ваша жена к генералу Холщевникову?

Ответ. Генерал Холщевников является родным дядей моей жены. Необходимо отметить, что Холщевников, будучи губернатором в г. Чите, за отказ принять репрессивные меры против совета рабочих был

осужден и 1 год просидел в крепости, но впоследствии по ходатайству родственников был освобожден. В белой армии не служил, за что подвергался репрессиям со стороны Врангеля. С приходом Красной Армии в Крым был назначен на ответственную военную работу в Севастопольской крепости. Умер в 1923 году как персональный пенсионер.

Вопрос. Какие у вас лично взаимоотношения были с генералом Холщевниковым?

Ответ. Личных взаимоотношений у меня с ним не было. О самом факте родства моей жены с генералом Холщевниковым указано во всех моих документах.

В конечном итоге Шиваров признал себя виновным только в том, что нелегально пересек границу СССР в 1920 году.

4 июня 1938 года Особое совещание при Народном комиссаре внутренних дел СССР постановило: Шиварова как социально опасного элемента заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет. Это можно было бы назвать великой удачей с учетом того, что стало с начальниками Шиварова.

Выписка из протокола

Шиварова отправили отбывать наказание в лагерь, который располагался на станции Вандыш (Архангельская область).

Из справки, которую выдали внучке в архиве УФСИН по Архангельской области:

26 июня 1938 года прибыл в эвакопункт поселка Няндомы
17 июля 1938 — поселок Ерцево
4 декабря 1939 — эвакопункт
2 января 1940 — поселок Вандыш

Из лагеря Шиваров подал жалобу о пересмотре его дела. В ней он указал, что под влиянием физических методов воздействия был вынужден подписать ложные материалы следствия...

Ему отказали.

Я, оперуполномоченный 3 отделения секретариата особого совещания НКВД СССР, сержант госбезопасности, рассмотрел архивно-следственное дело Шиварова в связи с поданной им жалобой о пересмотре...
Полагаю жалобу оставить без удовлетворения.

Сержант пришел к такому выводу на основании четырех фактов:

1. Шиваров прибыл в СССР нелегально.
2. Имел родственников за границей и поддерживал с ними письменную связь с 1924 по 1934 год.
3. Допрошенная Гайкуни охарактеризовала его как сомнительного человека.
4. «Арестованные — бывший начальник УНКВД по Саратовской области Стромин и бывший начальник УНКВД по Московской области Журбенко — характеризуют его как неустойчивого элемента».

Отказ утвердил лично нарком внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности Меркулов.

Весной 1940 года Шиваров написал письмо близким, в котором просил достать люминал (яд).

А в июне 1940 года Галина Катанян получила от него письмо, текст которого потом опубликовала:

Галюша, мой последний день на исходе. И я думаю о тех, кого помянул бы в своей последней молитве, если бы у меня был хоть какой-нибудь божишко.

Я думаю и о Вас — забывающей, почти забывшей меня. И, как всегда, я обращаюсь к Вам с просьбой. И даже с несколькими.

Во-первых, приложенное письмо передать Люси.

Во-вторых, возможно, что через 3-4 недели Вам напишут, будут интересоваться моей судьбой. Расскажите или напишите — что, мол, известно очень немного: учинил кражу со взломом, достал яд, и только. Остального-то и я не знаю. Кражу со взломом пришлось учинить, чтоб не подводить врача, выписавшую люминал (Бочкову), которым первоначально намеревался воспользоваться.

Хотя бы был гнусный, осенний какой-нибудь день, а то белая ночь. Из-за одной такой ночи стоило бы жить. Но не надо жалких слов и восклицаний, правда. Раз не дают жить, так не будем и существовать.

Если остался кто-либо, поминающий меня добрым словом, — прощальный привет.

Нежнейше обнимаю Вас,
Николай.

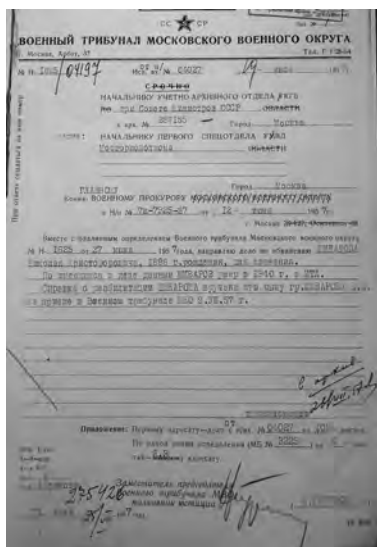
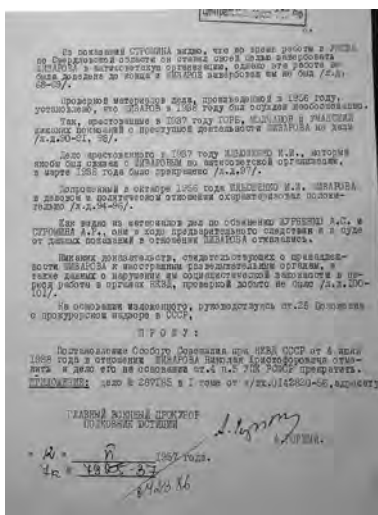
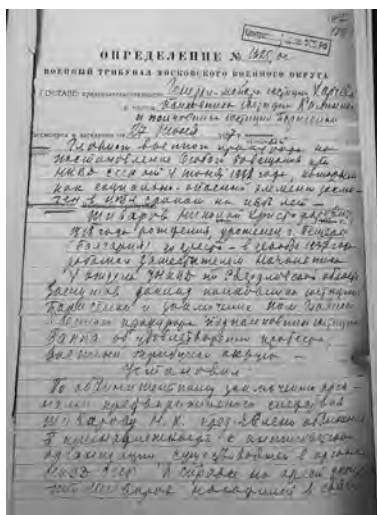
03.06.40. Вандыш

Письмо датировано 3 июня. Умер он 4-го, на следующий день и ровно спустя два года после вынесения Особого постановления в отношении него. В справке УФСИН, которую мы получили, указана причина смерти: «от паралича дыхательного центра на почве отравления морфием». Согласно акту о погребении, тело умершего в стационаре Шиварова похоронено на кладбище поселка Волошка.

В 1954 году военная прокуратура провела проверку и установила, что Шиваров был осужден необоснованно. В 1955-м сын Шиварова подал заявление главному военному прокурору (оно в материалах). Цитирую: «По словам матери и знавших его друзей, мой отец был честным и преданным коммунистом, хорошим семьянином. Я обращаюсь к вам с ходатайством о пересмотре дела моего отца и его посмертной реабилитации».

Главный военный прокурор подал надзорный протест в военный трибунал Московского военного округа. 27 июня 1957 года состоялось заседание. Читаю определение трибунала: «Постановление особого совещания от 1938 года отменить, дело за отсутствием состава преступления прекратить». Интересно, на основании чего было принято это решение. Цитирую:

Арестованные в 1937 году Горб, Молчанов и Уманский никаких показаний о преступной деятельности Шиварова не дали. Дело арестованного в 1937 году Ильюшенко, который якобы был связан с Шиваровым по антисоветской организации, в марте 1938 года было прекращено. Допрашиваемый в октябре 1956 года Ильюшенко охарактеризовал Шиварова положительно. Журбенко и Стромин от данных показаний в отношении Шиварова отказались. Никаких доказательств, свидетельствующих о принадлежности Шиварова к иностранным разведывательным организациям, проверкой не добыто...

Материалы реабилитации
Николая Шиварова

Есть еще один очень интересный момент. В процессе пересмотра дела Шиварова ставился вопрос: «Установить, не был ли причастен Шиваров к расследованию уголовных дел и нет ли данных о нарушении им законности и применении недозволенных методов следствия». Речь, судя по всему, шла именно о том, чтобы

выяснить — фабриковал ли он дела против писателей. Так вот — проверка нарушений не установила.

— Я проанализировала, был ли кто-либо из тех писателей и поэтов, чьи дела вел Христофорыч, расстрелян по результатам его расследования, — говорит Екатерина Шиварова. — Выяснилось, что таких случаев не было. Хронология событий указывает на то, что приговор о расстреле во всех этих случаях был вынесен и приведен в исполнение, когда Шиваров сам уже был репрессирован, находился в колонии и не мог повлиять на решение. И это касается Мандельштама. Я старалась быть объективной, но все равно у меня сложилось впечатление, что Шиваров скорее «отмазывал» своих «подопечных». Такое ощущение, что потери у русской литературы были бы несоизмеримо больше, если бы не ее «палач».

Тот факт, что Шиваров покончил с собой, на мой взгляд, это подтверждает. Единственное, что пока остается для меня непонятным, — почему он сделал это ровно через два года после вынесения ему приговора — 4 июня.

Желание потомков оправдать «цензора» естественно и понятно. Тем более что теперь появилась пища для раздумий. Но что кажется очевидным: никаким главным цензором он не был, от его решений ничего не зависело. Пытались ли руководители НКВД, которым он подчинялся, спасти каких-то литераторов? Вряд ли. Они так же, как потом их последователи, использовали Мандельштама в какой-то своей игре. В игре, где не оказалось победителей. Где каждый может быть назван «социально опасным элементом».

Для меня как журналиста, большую часть жизни работавшего в «МК», это еще и очень личная, если можно так выразиться, история. Осип Мандельштам — мой коллега в прямом смысле этого слова. В «МК» публиковались его стихи. Сейчас здесь трудится внучка следователя Шиварова, который вел его дело. Оба пали жертвами репрессий. Круг замкнулся?

Часть IV

Тайны Фемиды

Первый в России святой судья: почему Михаил Трубников был причислен к лику святых

Михаил Трубников — первый и единственный в России судья, причисленный к лику святых. В прошлом капитан 2-го ранга Балтийского флота, после отставки он вернулся на родную Вологодскую землю, где около 30 лет посвятил защите закона — сначала на посту мирового судьи, а затем в должности земского начальника, снискав глубокое уважение местных жителей. Однако народная любовь не уберегла его от красного террора: в сентябре 1918 года Трубников был арестован и расстрелян.

В истории нашей страны было немало трагедий, жертвы которых причислялись потом к сонму мучеников. Но судьба Трубникова уникальна, хотя до недавнего времени о нем мало кто знал. Пришло время восстановить историческую справедливость. Обществу представлена икона Трубникова, также в селе Молочном под Вологдой строится храм в его честь. Возможно, со временем он станет небесным покровителем всех российских судей.

СПРАВКА:

Михаил Дормидонтович Трубников родился 22 августа 1855 года в городе Кириллове. Он происходил из дворянского рода. Его отец, Дормидонт

Александрович Трубников, на момент рождения сына служил в чине поручика Корпуса лесничих. Мать, Анна Михайловна, занималась воспитанием детей. Благодаря заботе родителей мальчик получил блестящее образование, начав обучение в Вологодской мужской гимназии.

Чтобы лучше понять жизненный путь Михаила Трубникова, перенесемся в ту далекую эпоху. Сохранившиеся свидетельства говорят о том, что он с детства грезил морем и подвигами. Едва повзрослев, юноша поступил в Санкт-Петербургское морское училище. Прослужив на флоте 13 лет, в 1888 году он вышел в отставку по состоянию здоровья. Всего через несколько месяцев, пройдя строгую процедуру выборов в уездном Земском собрании, Трубников занял должность участкового мирового судьи 2-го участка Кирилловского уезда. Знания, дисциплина и твердость характера, обретенные на флоте, очень пригодились бывшему офицеру на новом поприще.

Что же представлял собой мировой суд во второй половине XIX века? Это было место, где вершились человеческие судьбы и разрешались самые острые бытовые споры. Официально рабочий кабинет судьи именовался «судебная камера». Сегодня это слово ассоциируется исключительно с тюрьмой, однако в Российской империи «камерами» называли служебные и присутственные помещения во многих государственных ведомствах.

Камера участкового мирового судьи была открыта во все присутственные дни, за исключением периодов, когда он уезжал на уездные съезды мировых судей. В уезде этот человек обладал колоссальным авторитетом и выполнял множество смежных обязанностей. Судья совершал нотариальные действия, а при отсутствии врача совместно со священником входил в состав так называемого воинского присутствия — специальной комиссии, которая освидетельствовала призывников. Кроме того, он приводил к присяге чинов лесной стражи и участвовал в работе

комиссий, определявших душевное здоровье. Словом, в ту пору мировой судья был фигурой абсолютно незаменимой, совмещающей в своем лице функции сразу нескольких ведомств.

ИЗ ДОСЬЕ:

Мировые судьи в Российской империи были выборными — Земские собрания избирали их сроком на три года. Эти судьи рассматривали дела меньшей правовой важности: мелкие гражданские иски на сумму до 500 рублей, споры о восстановлении нарушенного владения имуществом, а также дела о личных обидах и оскорблениях. В их обязанности входило судить за проступки, наказанием за которые могли стать внушение, выговор, замечание, денежный штраф до 300 рублей либо арест на срок до трех месяцев. На практике это означало, что самыми частыми уголовными делами, попадавшими к мировым судьям, были кражи.

«Назначением мирового института, — писал выдающийся дореволюционный историк права Григорий Джаншиев, — было внесение в сферу повседневных гражданских отношений первых элементов благоустроенного общежития — сознания гражданами своих прав и обязанностей. Если новый гласный суд называют — и справедливо называют — школой гражданского воспитания, то мировые учреждения с тысячами камер, разбросанных по самым отдаленным захолустьям нашего обширного отечества, являлись первой и самою важною ступенью этой школы...»

— Есть достоверные сведения о том, что в 1904 году Михаила Трубникова избрали председателем церковно-приходского попечительства в Вогнемской волости Кирилловского уезда, — отмечает председатель Вологодского областного суда Игорь

Трофимов. — Эта организация занималась благоустройством храмов, содержанием начальных школ и благотворительностью. Председателя выбирали сами люди — то есть те самые люди, чьи споры Трубников ежедневно разрешал в суде. Ему доверяли. И это лучшее свидетельство того, что он был глубоко справедлив.

Заслуги Трубникова были высоко отмечены на государственном уровне. Еще во время службы на флоте, в 1882 году, он был удостоен ордена Святого Станислава III степени. Позже, за многолетние гражданские труды, его наградили орденами Святой Анны III степени и Святого Станислава II степени.

Сложно определить, в какой именно момент Михаил Дормидонтович обратился к глубокой вере. Однако современники вспоминали, что любое судебное заседание он начинал с тайной молитвы, а каждую свободную минуту стремился посвятить паломничеству по святым обителям Вологодского края.

С древним Ферапонтовым монастырем Михаила Трубникова связывали особые духовные узы. Благочестивый земский

Прототипом для написания иконы Михаила Трубникова стал член Кирилловской земской управы (третий справа во втором ряду)

начальник любил эту тихую обитель и часами мог любоваться фресками прославленного иконописца Дионисия.

ИЗ ДОСЬЕ:

Стенопись Ферапонтова монастыря признана наивысшим творческим достижением Дионисия. Это единственный в мире полностью сохранившийся и документально подтвержденный памятник работы великого мастера. Он расписал величественный собор Рождества Богородицы в 1502 году вместе со своими сыновьями всего за 34 дня. Общая площадь росписей, изображающих земную жизнь Богородицы и жития святых, составляет около 600 квадратных метров.

В 1904 году началось активное возрождение Ферапонтова монастыря. Одним из первых крупных жертвователей на это благое дело стал праведный Иоанн Кронштадтский, внесший внушительную по тем временам сумму — 300 рублей. Михаил Трубников тоже не остался в стороне, тем более что его судебный участок включал в себя территорию обители. В качестве председателя приходского попечительства он принимал самое деятельное участие в делах монастыря. Здесь он регулярно общался с настоятельницей — игуменьей Серафимой (Сулимовой), назначенной на эту должность в 1905 году. Во многом благодаря ее энергии и трудам удалось сберечь монастырский ансамбль XV–XVII веков и бесценные фрески Дионисия. Сегодня этот уникальный комплекс включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО и открыт для паломников и путешественников со всего мира.

В мае 1918 года Ферапонтов монастырь оказался в центре противостояния с новой советской властью.

— Почему местные жители решили противиться воле советских чиновников? Историки объясняют это просто, — рассказывает председатель Вологодского областного суда Игорь Трофимов. — До революции храмы содержались на средства

самих приходов. И как такового церковного имущества там было немного. Когда большевики начали масштабную кампанию по изъятию и описи церковного имущества, крестьяне искренне возмутились: «Это наше добро!» И в мае 1918 года, когда очередная комиссия приехала переписывать ценности Ферапонтова монастыря, ее встретили крайне враждебно. Приход буквально восстал. По протестующим открыли огонь, толпу разогнали, а игуменью Серафиму арестовали. Впрочем, в Кирилловскую тюрьму ее помещать не стали, поскольку там не было женских камер. Монахиню оставили под домашним арестом в стенах обители.

К Михаилу Трубникову весной вопросов еще не возникло. К тому моменту 63-летний отставной офицер и бывший земский начальник уже не занимал никаких должностей и вел жизнь приходского старосты.

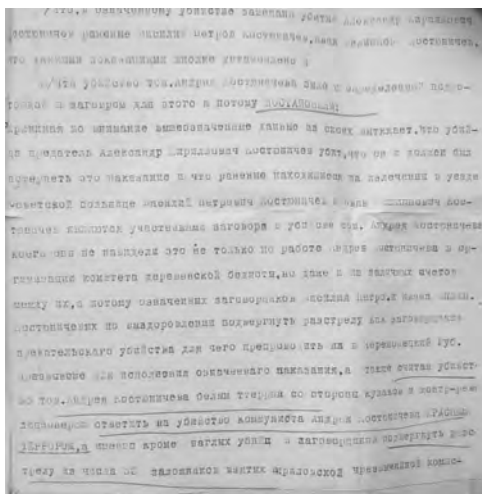
А дальше события разворачивались стремительно.

Поздно вечером 11 сентября 1918 года у себя дома был убит председатель Кирилловского совета бедноты, один из организаторов продразверстки в уезде Андрей Костюничев. Убийцы застрелили его из ружья, предположительно через открытое окно.

Местные жители были убеждены: активиста убили свои же из корыстных побуждений или личной мести. Ни в Кириллове, ни в окрестных деревнях никакого антисоветского подполья не существовало, контрреволюционных настроений тоже, поэтому политическая версия изначально казалась несостоятельной. Однако эта трагедия совпала по времени с масштабными государственными процессами. Всего неделей ранее, 5 сентября 1918 года, Совнарком издал декрет «О красном терроре». И эта смерть пришлась весьма кстати...

— 14 сентября, через три дня после преступления, заседала Следственная комиссия, подлинники материалов которой сохранились в наших архивах, — рассказывает Трофимов. — Она

официально признала, что убийство совершил родственник погибшего Александр Костюничев. Но к этому моменту заседания он уже был сам убит при задержании, а его поделщики — тоже родственники, Василий и Иван Костюничевы, — находились в больнице. Следственная комиссия зафиксировала в постановлении, что убийцы ненавидели Андрея не только за его работу в Комитете деревенской бедноты, но и из-за, цитирую, «личных счетов». И, несмотря на это, местный революционный трибунал постановил: «Ответить на убийство коммуниста Андрея Костюничева красным террором...» Было решено непосредственных убийц расстрелять «после излечения», а вместе с ними казнить еще 37 человек. Это были так называемые классовые заложники — безвинные люди из числа тех, кто имел отношение к Ферапонтову монастырю или, по мнению большевиков, вредил новой власти (как, например, бывший гласный Кирилловской городской думы Николай Бурлаков). Первым в этом расстрельном списке значился судья в отставке Михаил Трубников, вторым — епископ Кирилловский Варсонофий, третьей — игуменья Серафима.

Постановление революционного суда

В тот же день все они были арестованы. Ночь накануне казни они провели под стражей в Кириллове.

С помощью сохранившихся архивных документов и благодаря исследованиям Вологодского областного суда попробуем восстановить события того страшного утра — 15 сентября 1918 года.

В пять часов утра заключенных вывели из камер. Епископ Варсонофий, бывший в полном архиерейском облачении, благословлял конвоиров и товарищей по несчастью, за что один из стражников грубо ударил его по руке. Очевидцы вспоминали, что узники в ту ночь не смыкали глаз: владыка молился, читал псалмы и совершал всенощную.

В сопровождении карательного отряда из 20 человек узников повели на казнь по старой Горицкой дороге к горе Золотуха.

Матушка Серафима до последнего не верила, что расстреляют без суда и следствия. Отставной земский начальник Михаил Трубников тоже не молчал: пытался воззвать к разуму палачей, доказывая, что происходящее не имеет ничего общего с правосудием, а закон категорически запрещает бессудные казни.

Этим последним гражданским и духовным подвигом он поддерживал своих товарищей.

об:00. Место казни — гора Золотуха. По преданию, епископ Варсонофий громко сказал: «Вот и наша Голгофа!»

Первой застрелили Серафиму.

— Она при жизни молилась так: «Господи, прости меня, окаянную!» — рассказывает Игорь Трофимов. — И здесь, перед смертью, тоже стала молиться этой своей молитвой. Расстрельная команда подумала, что она называет их окаянными. И ее застрелили.

Последним убили Варсонофия. Вот как описывают это очевидцы:

Он повернулся спиной к расстрельной команде, поднял руки вверх и стал молиться. Пока он не окончил молитву, как говорят

очевидцы, стреляющие не могли в него попасть. А потом сказал: «Я закончил, кончайте и вы». И только после этого пуля достигла цели.

Свидетелями расстрела стали многие местные жители. Их же и заставили копать могилу, одну на всех. Убитых положили туда без гробов. Тело епископа Варсонофия бросили на тело матушки Серафимы.

Спустя пять дней местная газета «Известия Кирилловского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» опубликовала официальное извещение:

Кирилловская Уездная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и проч. доводит до сведения граждан города Кириллова и уезда, что уличенные в контрреволюционных выступлениях: ВАРСОНОФИЙ, епископ Кирилловский, СЕРАФИМА, игуменья Ферапонтова монастыря, ТРУБНИКОВ, Михаил Дормидонтович... 15 сентября сего года Череповецким губернским карательным отрядом на рассвете РАССТРЕЛЯНЫ...

Собственно, это и есть официальный отчет о преступлении.

Оплакивать погибших местным жителям не позволяли — людей, приходивших к могиле, разгоняли. Однако эти меры не помогали: верующие со всего уезда тайно стекались к горе Золотуха. А вскоре среди народа пошли слухи о чудесах и исцелениях, происходящих на месте казни. Гора Золотуха стала местом паломничества, и новая власть ничего не могла с этим поделать, несмотря на запреты и угрозы. Не отпугнул верующих даже скотомогильник, который распорядились устроить на месте расстрела.

Прошли десятилетия. Лишь в 1998 году на месте расстрела был установлен памятный поклонный крест, который освятил епископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан. С того

времени в епархии родилась традиция совершать к горе крестный ход от стен Кирилло-Белозерского монастыря.

В 2000 году на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви кирилловские мученики были причислены к лику святых. В составе Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской по представлению Вологодской епархии был канонизирован и праведный судья Михаил Трубников.

Долгое время о судебском прошлом Михаила Трубникова практически никто не вспоминал. Но затем пришло осознание: перед нами единственный святой судья в истории нашей страны!

Первым эту тему поднял председатель Вологодского областного суда Игорь Трофимов. Он обратился к митрополиту Вологодскому и Кирилловскому Савве с предложением написать отдельную икону праведника (до этого существовал только совместный образ кирилловских новомучеников). Иконописцы столкнулись со сложной задачей: как достоверно изобразить судью той эпохи?

— Костюм мирового судьи мы нашли в Красноярском краеведческом музее, — рассказывают в Вологодском суде. — Одевание сохранилось идеально, и все детали были воспроизведены на новой иконе.

Первая в России персональная икона святого судьи

Первую персональную икону святого праведного судьи торжественно освятили в Вологде — в храме Святителя Николая на Глинках, который расположен рядом со зданием городского суда. С этого момента у российских служителей закона появился свой небесный заступник. Хочется верить, что Михаил Трубников станет духовным покровителем и примером для всех судей нашей страны.

Поджог в Сибири: кто покусился на храм правосудия

Нападение на судью или поджог суда даже в криминальной среде всегда считалось табу. И все же подобные преступления случались как в СССР, так и в современной России.

Один из таких резонансных случаев произошел в Октябрьском районном суде Новосибирска в сентябре 2006 года. Подсудимый решил уничтожить здание, чтобы сжечь материалы своего уголовного дела и избежать ответственности. К счастью, в результате происшествия никто не пострадал, поскольку злоумышленники действовали ночью.

До сих пор залы заседаний и кабинеты этого суда хранят следы того сильного пожара. При этом само уголовное дело, ради которого все и затевалось, уцелело. Преступник не добился своей цели: его приговорили к длительному сроку, а позже он снова оказался за решеткой.

Чтобы изучить уникальные материалы «об уничтожении дела», автор отправилась в тот самый суд.

Здание Октябрьского районного суда Новосибирска расположено среди жилых многоэтажек. Двухэтажное строение светло-бежевого цвета обнесено забором, а прилегающая территория выглядит ухоженной. Такое благоустройство напоминает детский сад, и это сходство не случайно: раньше здесь действительно размещалось дошкольное учреждение. Сейчас интерьер выглядит стандартно для государственного учреждения, однако в первые годы работы

суда все было иначе. Помощник председателя вспоминает, что стены залов заседаний украшали сюжеты из советских мультфильмов. Процессы проходили в комнатах, где на преступников смотрели Волк и Заяц из «Ну, погоди!» или разбойники из «Бременских музыкантов».

— Как-то вели конвоиры одного задержанного, — рассказывает судья Игорь Мороз. — А тот идет и улыбается. На вопрос о причинах веселья ответил, что именно в этот детский садик его когда-то водила мама.

На стене одного из залов заседаний, рядом с которой установили защитную кабину для подсудимых, были нарисованы... милые гномики. Как справедливо заметил один из арестантов, все преступники родом из детства. Способствовало ли такое окружение гуманности приговоров, неизвестно — сравнительный анализ решений Октябрьского суда никто не проводил.

Судьи не жаловались на специфику своего рабочего места, однако все понимали: это государственное учреждение должно выглядеть иначе. Так что в середине 2000-х годов в здании затеяли капитальный ремонт. Рабочие обновили стены, потолки, полы, заменили окна и двери, а также реконструировали фасад. К 2006 году о бывшем детском саде уже ничего не напоминало. Здание приобрело строгий вид, а его окна украсили витражи с изображением богини правосудия Фемиды. Именно тогда и случилось чрезвычайное происшествие.

— Это произошло 3 сентября 2006 года в 04:30, — вспоминает главный специалист Октябрьского районного суда Новосибирска Галина Волкова. — Был выходной. Мне позвонила председатель и сообщила о происшествии. Я сразу прибежала к суду. До сих пор мурашки по коже, когда вспоминаю увиденное: полыхало целое крыло здания. Пожарные уже тушили огонь, но пламя было огромное. Слезы наворачивались от обиды — ведь мы столько сил вложили в ремонт.

— Взрывная волна распространилась по всему зданию, — говорит судья Игорь Мороз. — Одна из стен рядом с эпицентром взрыва упала. Выбило окна вместе с рамами в нескольких кабинетах, обрушилась часть кровли. В итоге полностью выгорели три кабинета, ущерб оказался колоссальный. К счастью, ночью в здании никого, кроме сторожа, не было. Сам он не пострадал, но, видимо, пережил сильный стресс, так как вскоре после инцидента уволился.

Здание Октябрьского районного суда после пожара 3 сентября 2006 года

Несмотря на масштаб бедствия, суд не приостановил работу ни на день. Чрезвычайное происшествие случилось в ночь с субботы на воскресенье. Руководители областного Управления Судебного департамента незамедлительно прибыли на место и, как только пожарные разрешили войти в здание, оценили масштаб разрушений. За воскресенье сотрудники отдела капитального строительства восстановили электроснабжение в уцелевшем крыле. После этого судьи, секретари и остальные сотрудники аппарата разместились в неповрежденной части здания.

Уже в понедельник утром Октябрьский суд возобновил проведение процессов. Профессионализм и выдержка сотрудников, которые продолжили работу в уцелевших помещениях пострадавшего здания, вызвали уважение у местных жителей. В течение недели специалисты Управления Судебного департамента восстановили локальную вычислительную сеть. Это позволило оперативно вернуть в строй электронный документооборот, который Октябрьский суд внедрил одним из первых в Новосибирской области.

Вскоре эксперты оценили масштаб материального ущерба.

Полностью выгорели три кабинета судей, пострадали еще два, а также помещение архива и залы заседаний. Огонь и вода при тушении уничтожили мебель, компьютеры, оргтехнику и личные вещи сотрудников (преимущественно сменную обувь). Общая сумма ущерба превысила 36 млн рублей. Экспертиза показала, что несущие конструкции здания не пострадали и подлежат восстановлению. Ремонтные работы провели в кратчайшие сроки, хотя отдельные следы того пожара остались до сих пор.

— Обратите внимание на эти темные пятна в зале — они остались от пожара и видны даже после ремонта, — показывает судья Мороз. — А вот в моем кабинете до сих пор обуглен верх подоконника.

Судья показывает следы пожара

Огонь уничтожил 40 уголовных дел, еще несколько томов были повреждены и требовали восстановления.

Злоумышленника задержали быстро. Им оказался Константин Шиховцов, чье уголовное дело должен был рассматривать Октябрьский суд. Выяснился и мотив: мужчина хотел уничтожить материалы, чтобы избежать ответственности по обвинению в грабеже, совершенном группой лиц. Он руководствовался логикой: нет дела — нет приговора. Примечательно, что именно его дело, хотя и пострадало, полностью уцелело.

Сейчас оно лежит передо мной. Часть листов обуглилась. Некоторые страницы помещены в прозрачные файлы и пакеты: если их попытаться достать, они буквально рассыпаются в руках.

Сгоревшие материалы

Из материалов дела следует, что на момент совершения преступления поджигателю было 34 года. Он родился в Узбекской ССР, имеет российское гражданство и проживает в Новосибирске. По специальности мужчина геодезист, однако в последнее время работал слесарем-механиком. Женат, воспитывает пятилетнего ребенка. Ранее он уже был судим по статье 158 УК РФ («Кража»). Тогда мужчина с помощью приставной лестницы проник в ювелирную мастерскую, но был задержан с поличным. Константин раскаялся в содеянном, вернул похищенное и полностью возместил ущерб, благодаря чему суд назначил ему два года лишения свободы условно. Однако этим шансом он не воспользовался.

Меньше чем через полгода Шиховцов совершил новое преступление. Согласно материалам дела, 11 сентября 2004 года Константин совместно с двумя сообщниками совершил налет на строительно-монтажное управление: злоумышленники проникли в здание, связали женщину-сторожа, после чего вынесли компьютеры, оргтехнику, две мужские дубленки и кулер для воды. Спустя 10 дней всю троицу задержали. На допросах один из соучастников признал вину и назвал Шиховцова организатором налета (хотя позже в суде отказался от этих слов).

Из-за болезни судьи, изначально рассматривавшего дело о грабеже, материалы передали его коллеге Захарову, известному своей принципиальностью и суровостью. Подсудимый Шиховцов понимал, что ему грозит длительный срок заключения, к которому добавят два года, что были назначены условно. До оглашения приговора все три фигуранта находились под подпиской о невыезде и надлежащем поведении: им запрещалось менять место жительства, а также вменялось в обязанность являться по каждому вызову в суд. Однако Шиховцов решил скрыться от приговора.

Как следует из материалов дела, обвиняемый несколько раз по ночам подходил к зданию суда и сверлил стену, за которой был кабинет №114 судьи Захарова. На этом участке образовалась слепая зона системы видеонаблюдения, из-за чего действия злоумышленника остались незамеченными. В проделанное отверстие он закачал газ. А потом использовал самодельное взрывное устройство. Из материалов следует, что ему помогали двое неустановленных лиц.

Вероятно, Константин Шиховцов рассчитывал, что взрыв и последующий пожар полностью уничтожит кабинет судьи с хранящимися там документами. Но судья запер уголовные дела в металлический сейф, а тот оказался прочным.

Интересно, что свою вину в поджоге Шиховцов так и не признал. Показания против него дали двое бывших заключенных, с одним из которых он сидел в одной камере в ИВС, с другим — в СИЗО. По их словам, подсудимый хвастался познаниями

в области оружия и взрывчатки и, оказавшись на свободе, рассказал о своих планах уничтожить улики. Супруга и брат Константина уверяли, что он ночевал дома, но суд их показания не учел.

Судебно-психиатрическая судмедэкспертиза не выявила у мужчины никаких отклонений. Жильцы дома предоставили суду исключительно положительную характеристику на Шиховцова,

отметив, что он «всегда доброжелателен, не откажет в помощи, за распитием спиртных напитков замечен не был».

Пока шло следствие по делу о взрыве, Октябрьский суд в 2007 году приговорил Шиховцова к восьми годам за грабеж. А 23 июня 2008 года Калининский суд Новосибирска признал его виновным по части 2 статьи 167 УК РФ («Умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога и взрыва») и приговорил к трем с половиной годам заключения. По совокупности преступлений его осудили на 10 лет колонии строгого режима.

Отбывал наказание Шиховцов в ИК №8 Новосибирска. Освободился он 14 ноября 2014 года. О его жизни на воле известно немного: уехал в Сочи, где привлекался к административной ответственности (даже был арестован) за нарушение Правил дорожного движения. В ноябре 2018 года осужденный скончался в возрасте 51 года.

Поджигатель
Константин Шиховцов

Из «изменников» в судьи: как безвинно осужденный прошел лагеря и возглавил районный суд

Тот, кто сам столкнулся с государственной несправедливостью, зачастую глубже других понимает ценность законности. Биография председателя суда Николая Маланичева полностью подтверждает это правило. В 1951 году, будучи военнослужащим, он был арестован по ложному обвинению в шпионаже и приговорен к 10 годам лагерей по политической статье 58-10 УК РСФСР («Антисоветская агитация») с последующим поражением в правах. В 1955 году дело полностью прекратили за отсутствием состава преступления, а самого Маланичева реабилитировали. По всей видимости, он стал единственным человеком в советской и российской истории, который возглавил орган правосудия после столь тяжелого репрессивного опыта. Юрист, прошедший через фальсификацию обвинений, пытки и лагерную систему, не сломался, а посвятил жизнь защите граждан: сначала в качестве адвоката, а затем — как судья.

20 ноября 2025 года Сокольскому районному суду Вологодской области исполнилось 65 лет. Больше половины этого срока его возглавлял Николай Маланичев. В преддверии юбилея нам удалось ознакомиться с архивным личным делом этого уникального судьи.

Все началось в годы Великой Отечественной войны. Вот строки из его личного письма тех лет:

Краснофлотский привет с Тихого океана.

Здравствуй, многоуважаемый дружище Леша!

Шлю тебе привет товарища по школе и привет краснофлотца-подводника, вернее ученика Военно-морской школы. Такая пора, когда млад и стар готовы и идут на фронт защищать Отечество от нашествия варваров, гуннов-немцев.

Кончится война, разобьем фашистов и тогда заживем снова прекрасно. Встретимся тогда: ты — инженер с портфелем и задумчивым видом, а я... Что я? Да просто буду служить во флоте. Чтобы мне стать работником флота, мне еще 5 лет учиться, но и тебе, чтобы стать инженером, столько же. Моя мечта быть военным сбывается. Научный кругозор сравнительно расширился. Учиться трудно. Так, например, изучаем электронavigационные приборы — это один из предметов штурманского дела. Здесь все основано на законах астрономии и точной механики.

Леша, иногда вспоминаешь, как мы проводили бывшее времечко? Помнишь, как мы спорили на различные темы? Я сейчас вступил на самостоятельный жизненный путь.

Пока, твой друг Малан. 01.02.1942 г.

Когда Николай Маланичев писал это письмо другу, ему было 18 лет. К началу Великой Отечественной войны он окончил 10 классов, что по тем временам считалось хорошим образованием. К тому же юноша учился только на отлично, за что получил прозвище Белинский. Однако на фронт он не попал: его направили в военно-морскую школу.

— Вместе с другими молодыми ребятами папа учился в отряде подводного плавания Тихоокеанского флота, — рассказывает

дочь судьи Вера Маланичева. — Вероятно, их готовили к войне с Японией. Но в итоге его направили сопровождать корабли, которые перевозили грузы из США в СССР. Отец сделал 14 рейсов. Великую победу встретил в Сан-Франциско. Он рассказывал нам, близким, как это было. Их — советских моряков — американцы буквально носили на руках! Забрасывали цветами, обнимали...

Николай Маланичев

После США были командировки «по правительственному заданию» (так значилось в документах) в Канаду и Японию. Детали этой службы Николай никогда ни с кем не делился, но бережно хранил награды — орден Отечественной войны II степени и медаль «За победу над Японией». Вскоре его перевели в Находку, где он возглавил секретную часть штаба Сучанского сектора береговой обороны Тихоокеанского флота.

В 1946 году Маланичев взял краткосрочный отпуск и отправился на родину, в Горький (ныне — Нижний Новгород), к своей первой школьной любви.

С Александрой (Шурочкой) Николай познакомился еще в старших классах: она была сестрой его одноклассника Алексея — того самого, которому он писал письма с Тихого океана. «Я думала, он к Лешке ходил, а он к Шуре», — шутила позже мать девушки. В том же 1946 году влюбленные поженились, и Николай увез молодую жену на Дальний Восток, где у них родилась дочь Вера. В июне 1949 года Маланичев демобилизовался и вместе

Николай Маланичев

с семьей окончательно вернулся в родной город, завершив военную службу.

Передо мной — личное дело Маланичева. Внутри — учетный листок, где указано, что он русский, из рабочей семьи, с 1949 года учился в Горьковском филиале Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). В июне 1951 года Николая арестовали.

Близкие вспоминают, как это было: представители КГБ пришли прямо на экзамен, завершавший учебный год. Ничего не объясняя, они заявили, что Маланичев подозревается в шпионаже.

«Я был арестован 9 июня 1951 года по оговору», — напишет он позже в автобиографии. Никаких подробностей следствия в официальных документах Николай, увы, не оставил.

Произошедшее шокировало семью. Родители — мать, бывшая заместителем главного врача поликлиники, и отец, рабочий на заводе, — не сомневались в невинности сына. Но когда чекисты пришли к старшему брату Николая, который завершал обучение в военном вузе, тот публично отрекся от арестованного родственника. Это произошло при молчаливом согласии матери.

«Очень уж брат хотел стать генералом», — говорят близкие. Забегая вперед, отмечу: генералом брат стал, а о том, какой ценой, — в семье старались не вспоминать.

— Когда папу забрали, мне было четыре с половиной года, — рассказывает Вера Николаевна. — Никто ничего не понимал. И вообще старались не поднимать эту тему. Но я знаю, что, когда мама написала жалобу в Москву, на имя Лаврентия Берии, ее вызвали в местное Управление МГБ и сказали: «Еще раз напишешь — арестуем и тебя. Дочь без обоих родителей останется».

Суд приговорил Маланичева к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с лишением всех прав. Вера Николаевна вспоминает, что они с матерью несколько раз навещали отца в лагере. Дорога была изнурительной: приходилось добираться на грузовых поездах и открытых товарных платформах.

— Колонна заключенных в фуфайках, конвоиры с собаками — я видела это не в кино, а в реальности, — говорит Вера Николаевна. — Помню, как сотрудники лагеря и другие осужденные удивлялись: «Надо же, к Маланичеву опять приехали!» Я потом узнала от отца, что многие жены тех, кто осужден по 58-й статье УК, отказывались от них. У кого-то с годами заканчивались силы и средства. А моя мама была исключением: ездила так часто, как только было возможно (когда разрешало лагерное начальство). Более того, она всегда брала меня с собой. Первые встречи с папой проходили на КПП, при надзирателях. А потом мы приходили куда-то на территорию, где стояло два небольших домика-барака. И вот там уже без стражи мы общались.

Папа работал на лесоповале. Помню, мы как-то приехали, а он к нам вышел... с бутылочкой меда! Сказал, что повалили одно дерево, а там в дупле было полно меда. Они его разделили на всех заключенных, но больше всего выдали тем, кто болел и к кому дети приезжали.

А еще мама рассказывала (но я вот этого сама не помню), что однажды на свидание его не вывели. Сообщили, что он в карцере за то, что отказался «наушничать» — докладывать на других заключенных. И тогда маме подсказали, чтобы она меня подговорила подбежать к начальнику лагеря, заплакать и попросить, чтобы папу выпустили. Так я, по словам мамы, его от карцера спасла. Помню, папа выполнял двойную норму: был высокий, сильный, здоровый. За хорошую работу его выпустили досрочно.

Однако в этом вопросе Вера Николаевна ошибается: ударный труд не был причиной освобождения. Осужденных по политической 58-й статье не выпускали просто за перевыполнение нормы. В действительности в ходе начавшейся хрущевской оттепели удалось доказать факт фальсификации уголовного дела. Само дело закрыли. Николай Георгиевич Маланичев был полностью реабилитирован Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 3 сентября 1955 года.

До сих пор доподлинно неизвестно, что именно послужило поводом для ареста. По одной версии, причиной стал донос секретаря партийной организации института, который вел разгульный образ жизни и заставлял студентов работать на своем личном огороде. Маланичев открыто критиковал его — и тот решил отомстить. По другой версии, поводом стали его заграничные командировки и банальная человеческая зависть одного из бывших сослуживцев. Удивительно, но сам Николай Георгиевич впоследствии сознательно вычеркнул лагерные годы из памяти. Он никогда публично не вспоминал о тяжелом труде на лесоповале и принципиально не пытался ознакомиться со своим следственным делом в архивах госбезопасности.

Вероятно, партийные органы и спецслужбы испытывали перед безвинно осужденным определенную неловкость. Иначе трудно объяснить, почему сразу после освобождения ему предложили руководящую должность — заместителя директора макаронной фабрики. Его восстановили в рядах КПСС и позволили экстерном

завершить обучение. Уже в 1956 году, всего через год после реабилитации, Николай Георгиевич с отличием окончил Горьковскую юридическую школу. В приложении к его диплому значились 22 оценки «отлично» и только 2 — «хорошо».

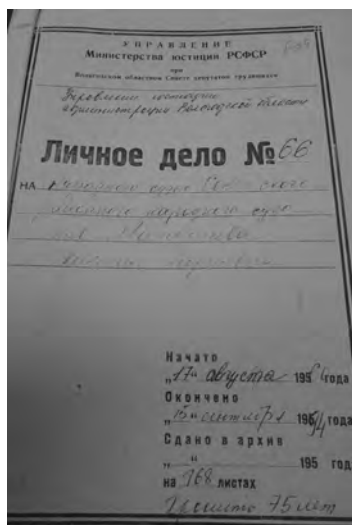
По распределению Маланичева направили в город Сокол Вологодской области, где он стал адвокатом местной юридической консультации.

— Свой адвокатский дебют вспоминаю, — делился позже Николай Георгиевич. — Почему-то коленки дрожали, и язык как чужой был. А вот когда судил первый раз, то страшно не было.

Возможно, внутренняя уверенность объяснялась еще и генетической памятью, ведь дед Маланичева в свое время тоже был судьей.

Николай Георгиевич руководил судом более 30 лет. При нем работа ведомства была полностью открыта для общества и прессы. Вот как описывал один из судебных процессов Маланичева корреспондент районной газеты:

Вводят 49-летнего Кони-
чева. Судье этот человек
хорошо знаком: когда-то
Маланичев уже судил его за хулиганство. Тогда суд
проявил гуманность, поверив, что человек глубоко
осознал свою вину и встанет на путь исправления.
Однако Коницев снова в пьяном угаре избил человека
и теперь понесет суровое наказание. Звучит при-
говор: «Именем РСФСР...» Спокойный, твердый голос,

Личное дело судьи Маланичева

четкие слова. Коничев подвергнут лишению свободы с принудительным лечением от алкоголизма.

Но прежде чем определить срок, судья тщательно проанализировал, почему подсудимый не остановился после первого предупреждения суда, а продолжал катиться дальше по наклонной. Маланичев взвесил все обстоятельства, мотивы и даже поступки людей, окружавших Коничева, которые прямо или косвенно подтолкнули его к новому преступлению.

Деятельность народного судьи не ограничивается только залом заседаний. В нее входит и большая работа по профилактике правонарушений. Маланичев регулярно выезжает в колхозы и совхозы, выступает с лекциями, беседами на правовые темы на предприятиях, в учреждениях, в училищах и школах.

Вот еще один показательный отрывок из газетной публикации тех лет, раскрывающий характер судьи:

Большое горе пришло в семью Валентины Федоровны Егоренковой. На работе погиб ее муж. Соседи подсказали сходить к судье Маланичеву, поможет. Так и вышло. Во время судебного процесса представители организации пытались переложить вину на самого погибшего. Однако решение суда было принципиальным: организацию, где трудился мужчина, обязали выплатить денежную компенсацию и оказать всестороннюю помощь.

Когда случится беда, люди Сокольского района идут к Николаю Георгиевичу. Он внимательно выслушает каждого, успокоит и даст добрый совет.

Изучаю уголовные дела, которые вел Маланичев.

Вот один из его первых приговоров — датирован 15 апреля 1961 года. На скамье подсудимых оказались трое молодых людей, которые в состоянии алкогольного опьянения избили на улице прохожего. Нападение произошло «беспричинно, просто из хулиганских побуждений». Потерпевший пытался убежать, но нападавшие догнали его и продолжили избиение, пока милицейский патруль их не остановил. В приговоре описываются действия одного из хулиганов: «Двумя пальцами сделал форму вилки, пытался выткнуть глаза у потерпевшего». К счастью, довести этот умысел до конца хулигану не удалось, однако потерпевший провел в больнице шесть дней. Маланичев назначил всем троим одинаковое наказание — три года лишения свободы, а также обязал выплатить материальный ущерб в размере 25 рублей.

Судья Николай Маланичев

В этом процессе есть примечательный юридический нюанс. В ходе предварительного следствия выяснилось, что один из обвиняемых ранее избил еще одного человека. Ему вменили дополнительный преступный эпизод. Однако Маланичев в ходе судебного разбирательства вызвал этого свидетеля на заседание. Тот неожиданно заявил, что пострадавшим себя не считает: драка произошла из-за взаимной личной неприязни и участники просто обменялись ударами. Тщательно взвесив эти показания, судья принял решение исключить этот эпизод из обвинения за отсутствием состава преступления.

Спустя 10 дней судья Маланичев рассматривал похожее дело. К трем годам заключения он приговорил мужчину, который

в состоянии опьянения угрожал соседям ружьем. Как следует из материалов, обвиняемый буквально бегал от квартиры к квартире, нецензурно ругался и угрожал убить всех, кого встречал. «Злостные хулиганские действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом и дерзостью», — резюмировал в приговоре судья.

Новое дело — и снова три года. Обстоятельства примерно те же: некий рабочий завода распивал водку с приятелями, потом схватил табуретку, молоток и стал все вокруг крушить. Досталось и его собутыльникам, да так, что их экстренно госпитализировали.

Подобные бытовые преступления составляли абсолютное большинство в практике Сокольского суда: громких уголовных дел в тихом городке не случалось.

— Когда я был молодым опером, Маланичев по-отцовски давал мне советы (он разбирался в оперативной работе), — говорит бывший глава УВД Виктор Пестерев. — Помню его судебные процессы. В коридоре обычно очередь из нарушителей: заходили по одному, выходили радостные те, кому судья год давал. А кому два-три года — не жаловались, понимали, что заслужили. Справедливый он был! Запомнилось, что не боялся криминальных авторитетов и возможной мести. На работу всегда ходил пешком...

— Наше знакомство состоялось в 1991 году, когда я служил в Сокольском ГОВД, — вспоминает бывший председатель суда Анатолий Лягин. — Маланичев помнил каждого нарушителя. Более того, многие факты, события и эпизоды он воспроизводил не заглядывая в дела. Это было феноменально! Ближе мы узнали друг друга после моего назначения судьей Сокольского районного суда. Николай Георгиевич раскрылся мне не только как специалист в области уголовного судопроизводства, но и как большой знаток гражданского права. Особое место в его практике занимали бракоразводные процессы: рассматривая их, Николай Георгиевич пытался по возможности сохранить семью.

На службу Маланичев приходил первым, уходил одним из последних. Его невероятной работоспособности удивлялись все коллеги. Николай Георгиевич оказался прекрасным наставником и замечательным рассказчиком, который щедро делился своими знаниями.

— Когда папа работал адвокатом, все подзащитные стремились попасть именно к нему, — рассказывает Вера Маланичева. — А когда он стал судьей, все боялись попасть к нему. Он был строгий, принципиальный. И это проявлялось во всем. Помню, был период, когда продукты сложно было доставать. Так вот, когда была возможность взять что-то «из-под прилавка», он отказывался: «А если мне этого человека завтра судить придется?» Категорически не признавал никакого блата. А вот что любил — так это читать. У него была огромная библиотека, и мне по наследству перешло его собрание сочинений Чехова. Папа был подписан на все судебные бюллетени, изучал решения Верховного суда. Это и было его главным хобби.

Николай Георгиевич воспитывал двух дочерей. По их воспоминаниям, отец никогда не повышал голос, но при этом держал детей в разумной строгости. При этом не был «сухарем». Любил пошутить и разыграть близких. Был случай, когда приехали родные из Крыма, а он им с совершенно серьезным видом рассказал об особом виде белых медведей, которые якобы бродят по льду вологодских рек. Гости поверили, пошли смотреть... Потом все смеялись.

Николай Георгиевич умер в августе 1996 года.

Его наследие продолжает жить в новых поколениях. «Я горжусь своим прадедушкой и хочу быть на него похожим», — написал недавно в школьном сочинении правнук.

— На долю Маланичева выпали тяжелые испытания, — говорит председатель Вологодского областного суда Игорь Трофимов. — В результате судебной ошибки он был незаконно осужден. Но, несмотря на это, не потерял веру в добро и справедливость. И всю свою жизнь посвятил тому, чтобы такие судебные ошибки больше не повторялись.

Часть V
В полете

Денежный дождь: дело о крушении самолета в Морозовке

Осенью 1941 года на небольшую советскую деревню Морозовку обрушился денежный дождь. Купюры разного достоинства разлетались по воздуху. Взрослые и дети, восприняв происходящее как чудо, азартно собирали банкноты, прятали их в карманы и за пазуху. Вскоре они обнаружили источник этого богатства — разбившийся самолет, перевозивший мешки с наличностью. Увы, на борту никто не выжил.

«Мертвым уже не поможешь, а нам деньги пригодятся», — примерно так рассудили деревенские жители и решили утаить находку.

Однако уже весной 1942 года они оказались на скамье подсудимых. Советский суд был суров: все, кто присвоил хотя бы часть этих денег, получили длительные сроки заключения. Но спустя время Фемида пересмотрела приговор в отношении одной из женщин — ее дело дошло до высшей инстанции. Чем же руководствовался Верховный суд СССР, оправдав осужденную?

Деревня Морозовка расположена на живописном берегу реки Мокши — в 150 километрах от Пензы и всего в трех от древнего Троице-Сканова (Свято-Троицкого) женского монастыря. В эту обитель с 350-летней историей, окруженную пещерами и святыми источниками, не прекращается поток паломников со всей России. Местные жители верят, что чудеса здесь не редкость.

Однако мало кто знает о «рукотворном чуде», которое произошло осенью 1941 года и обернулось для жителей деревни трагедией.

В моих руках материалы уголовного дела, уцелевшего по счастливой случайности и хранящегося в Наровчатском районном суде Пензенской области.

Днем 15 ноября 1941 года над Морозовкой, насчитывавшей тогда всего около сотни дворов, летел самолет. Он эвакуировал банковские ценности и финансовые документы авиационного завода №16 из Воронежа в Казань. В те суровые месяцы такая эвакуация была делом привычным. Но в этот раз спасти груз и экипаж не удалось. По словам очевидцев, самолет взорвался прямо в воздухе. Все шесть человек, находившиеся на борту, погибли, а истинная причина катастрофы до сих пор остается загадкой.

По площади почти в гектар разлетелись обломки, останки погибших и бумажные купюры.

— Первыми к горящему самолету подбежали те, кто молотил снопы на горе, — вспоминает местный житель Александр Харитошкин. — Их было человек десять, среди них и мой родной дядя. Кругом лежали тела, какие-то вещи, продукты и... деньги. Банкнот было очень много. Дядя взял только гаечные ключи и зарыл где-то под сараем — думал, пригодятся в хозяйстве. Он был мастером на все руки, а еще писал стихи и играл на бала-лайке.

По словам дяди, продукты и деньги были в крови, поэтому ему и в голову не пришло взять что-нибудь из еды, даже шоколадку. Хотя в то время в деревне свирепствовал голод. Ну а кто-то не побрезговал. К вечеру на место катастрофы прибыли сотрудники НКВД (в конце 1970-х годов мне удалось пообщаться с одним из них, и он подтвердил эти детали). Чекисты оцепили территорию по периметру, выяснили, кто из местных жителей успел побывать у самолета, и пришли к ним с обысками. У кого нашли ценности — тех сразу арестовали. А останки шести погибших — членов экипажа и пассажиров — мой отец

вывозил на своей лошади. Опознать их тогда не смогли и похоронили в братской могиле. В декабре 1941 года отцу исполнилось 18 лет, и он ушел на фронт. Дядя тоже отправился воевать. Но эту историю в нашей семье помнили всегда...

Между тем 14 апреля 1942 года семь жителей Морозовки предстали перед судом. На заседание их доставили из Наровчатской тюрьмы, где они содержались под стражей с момента задержания. Казалось бы, совершили ли эти люди настолько тяжкое преступление, чтобы изолировать их от общества? Однако шла война, и хищение государственной собственности каралось по всей строгости законов военного времени. Всем подсудимым вменили статьи 17 и 162 УК РСФСР за соучастие в краже.

Кем же были эти люди?

Согласно материалам дела, на скамье подсудимых оказались: 19-летние ранее несудимые и холостые юноши Иван и Николай; 44-летний малограмотный колхозник Фома Андреевич и его 20-летняя дочь Настя; 67-летняя неграмотная колхозница Александра Андреевна; а также 35-летняя малограмотная многодетная мать Наталья Степановна Алеханова (ее фамилию важно упомянуть, так как ее судьба сделала неожиданный поворот) и ее сын Виктор, 12-летний школьник.

Следствие зафиксировало:

{ Похищенные деньги были принесены домой, а потом с целью сокрытия спрятаны в солому в погреб.

В доме Фомы Андреевича и его дочери обнаружили колоссальную по тем временам сумму — 20 030 рублей. У остальных фигурантов изъяли от 2000 до 13 000 рублей. В отношении пожилой женщины в протоколе отмечалось:

{ Гражданка Александра Андреевна, кроме денег, похитила еще два куска мяса, один килограмм масла

{ и 0,5 килограмма конфет. Все это подтверждается
{ свидетельскими показаниями и не отрицается самой
{ обвиняемой.

Примечательно, что Алеханова с самого начала отрицала свою вину. Она утверждала, что не подходила к упавшему самолету и не брала денег, а купюры принес домой ее сын, после чего она сама отнесла их в колхоз. Однако суд эти доводы не убедили. Председательствующий сухо констатировал:

{ Приняла от своего 12-летнего сына Виктора похи-
{ щенные деньги в сумме 13 000 рублей.

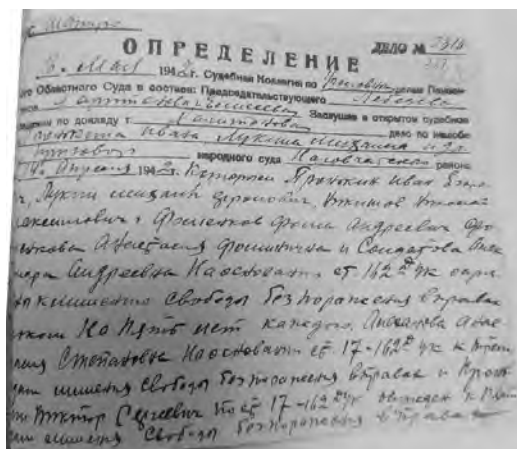
Все подсудимые, за исключением Алехановой, получили суровое наказание:

{ Подвергнуть лишению свободы сроком на 5 лет без
{ поражения в правах.

Наталье Степановне, с учетом шестерых малолетних детей на иждивении, назначили три года. При этом в приговоре содержалась пугающая формулировка:

{ На основании статьи 341 УПК несовершеннолетних
{ детей у осужденной Алехановой впредь до отбывания
{ срока наказания передать на воспитание Наровчат-
{ ского отдела народного образования.

С приговором Алехановой категорически не согласился прокурор, считавший многодетную мать невиновной. Он внес протест, и в итоге уголовное дело дошло до Верховного суда СССР. 5 августа 1942 года высшая инстанция рассмотрела это дело и вынесла следующее:

Определение судебной коллегии по делу о краже денег с упавшего самолета

Соучастие Алехановой материалами дела не установлено. Из документов следует, что в 1941 году ее 12-летний сын находился в поле вместе с другими фигурантами. Он принял участие в хищении разбросанных около горевшего самолета денег, собрав 13000 рублей, и принес их домой в то время, когда матери не было. По возвращении Алехановой сын Виктор рассказал, что принес с поля от сгоревшего самолета деньги и положил их на полку. На следующий же день Алеханова отнесла эти купюры органам власти. Что касается остальных денег, обнаруженных во дворе при обыске, то Виктор Алеханов в суде пояснил: он прятал их сам и матери об этом ничего не говорил. При таком положении Алеханова осуждена за соучастие в хищении денег необоснованно. Поэтому, соглашаясь с протестом и руководствуясь статьей 418 УПК, Судебная коллегия определила: приговор народного суда и определение областного суда в отношении Алехановой Натальи отменить, а дело в отношении нее прекратить.

— Это решение свидетельствовало о гуманизме судебной системы даже в то страшное время, когда судили за украденные колоски, — считает помощник председателя Наровчатского суда Пензенской области Любовь Комардина.

Этот случай действительно показателен. В масштабах воюющей страны дело обычной деревенской жительницы казалось незначительным, однако высшая инстанция нашла возможность пересмотреть приговор и восстановить справедливость. В тот тяжелый период государству было важно продемонстрировать гражданам, что закон может не только карать, но и защищать.

Наталью Алеханову освободили. Она вернулась в родную Морозовку и забрала из приюта всех шестерых детей. Как дальше сложилась ее судьба, доподлинно неизвестно, но среди односельчан ходили слухи, что после войны семья переселилась на Донбасс. Судьба остальных осужденных сложилась трагически. По воспоминаниям Александра Харитошкина, из заключения никто из них так и не вернулся. Впрочем, тех, кто мог бы точно подтвердить или опровергнуть эти сведения, в живых уже не осталось.

Цветы у памятника погибшим. Предоставлено судом

Зато доподлинно известно, что в 1973 году удалось установить имена погибших членов экипажа и пассажиров. Для этого активисты провели масштабное расследование: восстановили обгоревшие архивные документы и разыскали родственников жертв катастрофы. На братской могиле установили обелиск, к которому теперь каждый год местные жители приносят цветы.

Сама же Морозовка сегодня превратилась в покинутую деревню. Из десятка сохранившихся домов только четыре подключены к электричеству — сюда во время отпусков приезжают дачники, потомки прежних хозяев. Жизнь ушла из Морозовки вместе с закрытием местного колхоза. И теперь трагическую историю о «денежном дожде» и его горьких «плодах» здесь рассказать больше некому...

Взрыв над Читой: самый кровавый авиационный теракт в истории СССР

Крупнейшим по числу жертв авиационным терактом в советской истории считается взрыв на лайнере Ту-104А, произошедший 18 мая 1973 года в небе над Читой. Катастрофа унесла жизни 81 человека: на борту находились 72 пассажира, в том числе четверо детей, и девять членов экипажа. Выжить не удалось никому.

Эта трагедия заставила советские власти пересмотреть меры безопасности в гражданской авиации. Именно после читинской катастрофы в аэропортах страны был введен обязательный и строгий досмотр пассажиров, а также их ручной клади и багажа. Жесткий урок принес результаты: вплоть до распада Советского Союза подобных трагедий с подрывом бомбы в воздухе больше не было. Следующая масштабная трагедия такого рода — одновременный подрыв двух лайнеров террористками-смертницами — случилась лишь в 2004 году, уже в современной России.

Несмотря на давность событий, обстоятельства крушения под Читой до сих пор вызывают немало споров. Главные вопросы исследователей и историков вызывают личность и мотивы террориста — уроженца Азербайджана, который сумел пронести на борт самодельную бомбу.

ИЗ ДОСЬЕ:

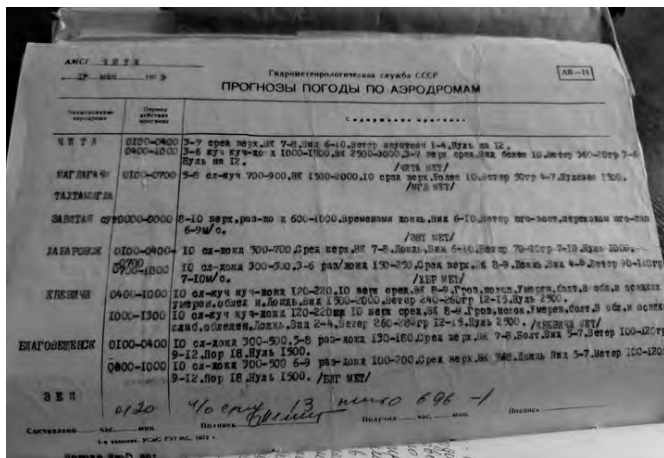
18 мая 1973 года произошла авиакатастрофа под Читой. Лайнер Ту-104А, выполнявший рейс №109 по маршруту Москва-Челябинск-Новосибирск-Иркутск-Чита, взорвался на подлете к аэропорту назначения. На борту находился 81 человек.

В тот же день было возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных пунктом «а» статьи 64 («Измена Родине») и частью 3 статьи 213.2 («Угон воздушного судна») УК РСФСР. Расследованием занимался следственный отдел КГБ СССР, а само дело взял под личный контроль председатель ведомства Юрий Андропов.

Поиски подлинных материалов этого расследования я начала с Забайкальского краевого суда, однако в его архиве ничего не обнаружилось. В ФСБ России на запрос ответили, что часть документов действительно хранится у них, но они до сих пор засекречены. И вот наконец этот барьер был снят.

— Уголовное дело, хранящееся в УФСБ по Забайкальскому краю, состоит из четырех томов. В основном это оперативные справки и фотографии, — рассказывает представитель Забайкальского краевого суда Виктория Михайлюк, которая по моей просьбе изучила и скопировала эти материалы на месте. — Многие снимки с места крушения настолько страшные, что их не стоит публиковать. К слову, для меня это еще и очень личное дело. В детстве на городском кладбище я часто видела памятник матери с ребенком с надписью «Трагически погибли» и датой смерти — 1973 год. Этот образ периодически всплывал в памяти. И вдруг в архивных материалах КГБ я обнаружила фотографию той самой женщины... К своему ужасу, из документов я узнала, что в момент катастрофы она была беременна.

В материалах дела есть сведения о том, как проходил полет. От Москвы до Иркутска лайнер вел один экипаж, после чего его сменили забайкальские коллеги. Метеоусловия на всем маршруте были благоприятными.

Из материалов дела. Фото сделано представителем Забайкальского
краевого суда Викторией Михайлюк

В 03:29 диспетчер Читинского аэропорта разрешил экипажу снижение и посадку.

Однако в 03:31, когда до аэропорта оставались считанные минуты, командир корабля неожиданно вышел на связь с землей. Диспетчер ответил, но пилот замолчал, успев лишь трижды коротко нажать на кнопку передатчика. На языке авиаторов этот прерывистый сигнал означал, что на борту возникла чрезвычайная ситуация, угрожающая безопасности полета.

Вскоре радиообмен возобновился:

Диспетчер. Отвечаю, Чита, отвечаю. Ваше удаление?

Борт. Из кабины поступило требование изменить курс, подчиниться указанию. Сигнал опасности включен бортмехаником.

Сейчас зайдут в кабину и скажут, куда лететь.

Диспетчер. Понял вас.

Борт. Пока прекратили снижение.

Диспетчер. Чита, ваша высота?

Борт. Следую на 6600.

Диспетчер. Понял вас.

В 03:33 с борта Ту-104А было зафиксировано еще девять тревожных сигналов. В этот момент лайнер резко изменил курс.

В 03:35 связь с самолетом полностью оборвалась. Радиолокаторы потеряли метку судна, находившегося на высоте 6600 метров.

Судя по материалам следствия, события в воздухе развивались следующим образом. Когда пилотам доложили о пассажире, угрожающем взрывом, командир корабля хладнокровно оценил обстановку. Экипаж рассчитывал с помощью переговоров выиграть время и успеть посадить лайнер, не пуская преступника в кабину. Однако в салоне возникли непредвиденные обстоятельства, которые привели к детонации взрывного устройства.

В 03:35 бомба взорвалась. Потеряв скорость, объятый пламенем лайнер начал стремительно падать. Этот страшный момент зафиксировали приборы слежения.

Из оперативного донесения:

Самолет шел с сигналом опознавания, проводка судна осуществлялась устойчиво, без провалов. Изменений маршрута полета и высоты не было. В 03:42 оператор доложил, что отметка самолета неподвижна на высоте 5500. При дальнейшем наблюдении произошло растягивание отметки на высоте от 5500 до 1000 м по экрану индикатора. Отметка приняла вид, характерный для падающих объектов после их подрыва.

В материалах расследования сохранились и кадры самого взрыва. Секрет их появления прост: как только с борта Ту-104А поступил

сигнал бедствия, на диспетчерском пункте автоматически включилась видеозапись экрана радиолокатора, из которой впоследствии сделали покадровую нарезку.

События той ночи подтверждали и показания очевидцев. Ранним утром 18 мая работник местного леспромхоза Виктор Сусин вместе с пятью другими мужчинами вышел из автобуса и заметил в небе лайнер. Из его воспоминаний:

Услышали сильный грохот вверх и увидели, как самолет в воздухе развалился на три части. Две отбросило в сторону, и они сразу же стали падать. Через некоторое время заметили летящих в воздухе людей.

Хвостовая часть фюзеляжа (кили, стабилизаторы и кили высоты, лопки парашюта). Лежит на киле. Пята в убранный положении.

Из материалов дела

К месту падения обломков в течение нескольких минут прибыли пожарные, спасатели и милиция.

Уже на следующий день, 19 мая, начальник Управления КГБ СССР по Читинской области генерал-майор Царев утвердил масштабный план агентурно-оперативных и следственных мероприятий.

В этом документе было зафиксировано пять основных версий катастрофы:

1. Диверсионный или террористический акт, совершенный антисоветскими, националистическими и сионистскими элементами.
2. Попытка захвата и угона воздушного судна изменнически настроенными и уголовными элементами с целью бегства за границу.
3. Провокационная деятельность агентов иностранных спецслужб и враждебных элементов.
4. Иррациональные действия психически больных людей.
5. Техническая неисправность, вызванная дефектами материальной части самолета или ошибками в летно-техническом обеспечении полета.

Следственные действия начали с масштабного осмотра места происшествия, который вели как с земли, так и с воздуха — с помощью вертолетов. Выяснили, что лайнер разрушился в небе на три

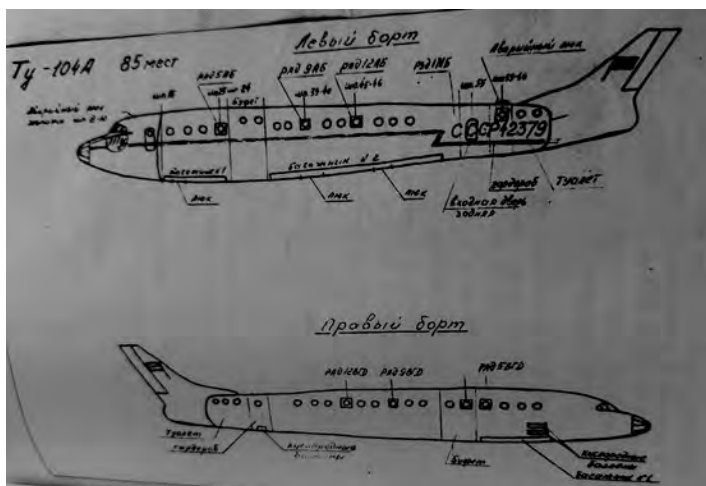

Из материалов дела

основные части: кабину экипажа, среднюю часть фюзеляжа с двигателем и хвостовой отсек. Они рухнули в тайгу на значительном удалении — до трех километров друг от друга.

Из протокола осмотра места катастрофы:

Подробный осмотр показал, что разрушение самолета на три части произошло в воздухе под действием сил, действующих по продольной оси... На упавших элементах конструкции обнаружен налет черной копоти, что дает основания предполагать: во время полета произошло два взрыва зарядов взрывчатого вещества. Однако не исключено, что взрыв был и один — под его воздействием отделилась кабина, а хвост оторвался из-за резкого увеличения давления набегающего потока воздуха (именно эта версия в итоге и подтвердится. — Прим. авт.). Взрыв произошел в непосредственной близости от правого аварийного люка первого салона. Были найдены обломки деревянных и фанерных

Из материалов дела

перегородок, имеющих сквозные отверстия, сходные с пулевыми отверстиями. На внутренней стороне передней входной двери самолета также имеется отверстие, похожее на пулевое.

В материалах дела сохранился реестр фрагментов лайнера, которые следователи отправляли на экспертизу. В этом перечне значатся аварийный люк, осколки иллюминатора, детали обшивки и даже смеситель из туалетной комнаты...

Перед экспертами КГБ стояли ключевые вопросы: что именно спровоцировало разрушение судна и было ли на борту какое-то взрывчатое вещество?

Специалисты пришли к однозначному выводу: на борту произошёл теракт, которому предшествовала стрельба.

Уже 19 мая, на следующий день после катастрофы, на месте трагедии обнаружили обезображенное тело без рук со следами двух пулевых ранений. Чуть позже в тайге нашли и сам пистолет, из которого стреляли: в его магазине не хватало ровно двух патронов. Проверка по номерам показала, что оружие принадлежало 22-летнему младшему лейтенанту милиции Владимиру Ёжикову — сотруднику линейного отдела Иркутского аэропорта, сопровождавшему этот рейс.

Следственная группа пришла к однозначному выводу: милиционер успел дважды выстрелить в преступника за мгновение до взрыва. Соответственно, этот раненый пассажир и являлся террористом. Последующие судебно-медицинские экспертизы подтвердили эту версию: характер специфических травм и отсутствие рук указывали на то, что взрывное устройство было на нем.

Чтобы установить личность подрывника, следователи восстановили схему рассадки пассажиров. Эксперты определили, чье кресло находилось в эпицентре взрыва. Проверив списки, сотрудники КГБ выяснили, что это место занимал пассажир по фамилии Рзаев.

Из материалов уголовного дела:

Приметы: рост 170 см, возраст 28–33 года, телосложение плотное, короткая стрижка, карие глаза. В верхней и нижней челюсти имеются зубы из металла белого и желтого цвета, присутствует диастема — щель между верхними центральными резцами.

Из материалов дела

Именно по этим примечательным признакам Рзаева впоследствии опознала его бывшая сожительница — бортпроводница Тбилисского аэропорта. Однако до этого в расследовании возникла путаница: в корешке авиабилета, который остался в кассе Иркутска, была записана фамилия Радаев. Допрошенный кассир пояснила, что билет оформлялся со слов пассажира, без предъявления документов. Ситуацию прояснила находка: среди обломков в тайге обнаружили уцелевший военный билет на имя Рзаева

Чингиса Юнус-оглы. Следователи пришли к выводу, что Радаев — это и есть Рзаев.

Из материалов уголовного дела:

1941 года рождения, уроженец города Кировабада Азербайджанской ССР, азербайджанец. Проходил срочную службу в войсковой части с ноября 1961 по январь 1963 года, первоначально в должности механика-водителя, а затем — моториста.

Но действовал ли террорист в одиночку? Следствие активно отрабатывало версию о наличии пособников.

На борту Ту-104А находились люди самых разных профессий и возрастов. В материалах дела на каждого из них как минимум одна оперативная справка, а в некоторых случаях — по две-три, включая подробные характеристики с места работы или учебы. Сведения о пассажирах собирались КГБ скрупулезно, чтобы понять — могли ли они быть причастны к теракту.

Листая эти документы один за другим, понимаешь: мотивов для совершения преступления у этих людей точно не было.

Вот, к примеру, Ольга Кац. Она летела роковым рейсом вместе с мужем и восьмимесячным ребенком. Ольга работала контролером на рижской трикотажной фабрике «Аврора», а ее муж — рабочим на военном заводе в Риге. Семья направлялась в Читинскую область, в деревню к Олиной маме, где планировали провести отпуск.

Из материалов дела

Или 20-летний Александр Алешкин. Рядовой летел из Москвы, где гостил у матери, к месту назначения — в забайкальский поселок Даурия — для дальнейшего прохождения воинской службы. В день вылета был одет в парадную форму танковых войск. Оpoznать солдата удалось по татуировке с изображением танка на груди. «При себе имел портфель, в котором лежал запас белья и махровые полотенца», — гласит справка. Разорванный портфель нашли в тайге недалеко от обломков лайнера...

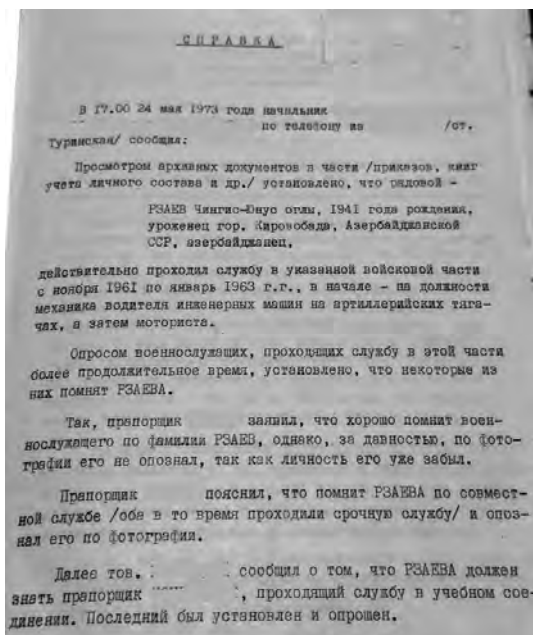
Среди пассажиров также значился директор Читинского медицинского училища Сурен Гаспарян, бухгалтер одной из читинских организаций с восьмилетним сыном Сашей (в его справке отмечено: при себе у ребенка были «детские книжечки, ученическая тетрадь»), директор Читинской филармонии Анатолий Аксенов, ветеран Великой Отечественной войны, орденосец Леонид Арестовулов, возвращавшийся из Москвы с торжеств по случаю Дня Победы... Архивные справки на этих людей стали их трагическим посмертным алиби. Все они строили планы и любили жизнь. Никто из них не подходил на роль сообщника. И все же на месте катастрофы оставались неопознанные фрагменты тел, поэтому полностью исключать версию о террористической группе следователи пока не могли.

Из материалов дела

Меж тем на самого террориста Чингиса Юнус-оглы Рзаева оперативники КГБ уже через неделю собрали подробное досье.

Рзаев родился в неблагополучной семье. Его отец отбыл двух-летний срок в тюрьме за спекуляцию и воспитанием Чингиса и его сестры не занимался. Мать страдала психическим расстройством и периодически проходила лечение в больнице. После развода с мужем она переехала в Тбилиси, злоупотребляла алкоголем и вела асоциальный образ жизни. Мальчик был предоставлен сам себе: часто недоедал и ходил в обносках (однажды в школе даже организовали сбор денег, чтобы купить ему обувь). При этом Рзаев амбициозно мечтал о поступлении в МГИМО. После армии он четыре раза подряд пытался штурмовать престижный вуз, регулярно прилетая в Москву на вступительные экзамены, но так и не смог пройти по конкурсу. За четыре года до трагедии Рзаев уехал в Баку, где устроился на мясокомбинат и даже занял

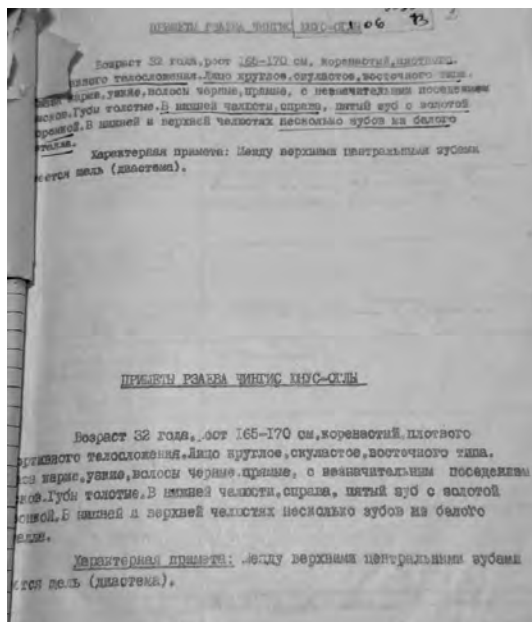

Из материалов дела

пост секретаря комсомольской организации. Однако уже через год он вернулся к матери в Тбилиси. Там он встретил девушку, которая вскоре родила от него ребенка. Рзаев младенца не признал и с девушкой расстался — размеренная семейная жизнь, вероятно, казалась ему слишком скучной, его манили заморские дали.

Из материалов следует, что примерно в этот период Рзаев побывал в туристической поездке в ГДР, откуда вернулся, по словам близких, совершенно другим человеком.

— Во время поездки в Таллин в одном из баров Рзаев познакомился с местным активистом, которым восхищался, — рассказывает Виктория Михайлюк. — Родственникам он описывал своего нового знакомого как очень остроумного, интеллектуального и успешного. Думаю, речь шла об активисте еврейского национального движения Леониде Кравцове. Напомню, что

Из материалов дела

в 1970 году в Ленинградском аэропорту была задержана группа, планировавшая без оружия предпринять попытку угона самолета в Израиль. На фоне этого «самолетного дела» КГБ приступил к разгрому сионистского подполья на всей территории СССР. Вероятно, так вышли на Кравцова.

В сентябре 1971 года Кравцов изыскивал возможность приобрести мины для подрыва электростанции. В том же году его арестовал КГБ Эстонской ССР. Мужчину признали виновным в распространении среди рабочих завода «Двигатель» и студентов Таллинского политехнического института заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Верховный суд Эстонской ССР постановил направить Кравцова на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа МВД СССР.

При обыске в квартире Кравцова обнаружили письма от Чингиса Рзаева.

Из материалов уголовного дела:

Леня, здравствуй! Моя сестра была у тебя в общест-
житии и хотела передать вино от меня, но дежурная
не приняла его, а также не сказала, в какой ты боль-
нице лежишь. Я очень жалею, что ты лежишь в боль-
нице, надеюсь, что уже выпишется. У меня к тебе
одна просьба, но не знаю, на какой адрес писать...

КГБ Эстонии планировал допросить Рзаева в качестве свиде-
теля по делу Кравцова, однако по каким-то причинам так этого
и не сделал.

Тем не менее к читинскому теракту Леонид Кравцов прича-
стен быть не мог: в мае 1973 года он все еще находился в спец-
больнице под бдительным надзором, что обеспечивало ему абсо-
лютное алиби.

Мать Рзаева, которую допросили следователи, рассказала, что ничего не знала о планах сына. За месяц до трагедии он лишь сообщил ей, что устроился на новую работу и вскоре уезжает в командировку. Кем именно и куда он направляется, Рзаев объяснить не стал.

Следствию удалось поминутно восстановить последний маршрут террориста. Из Москвы он вылетел в Иркутск, где остановился в гостинице местного аэропорта. Позже в его номере оперативники обнаружат бутылку азербайджанского вина и остатки закуски. При посадке на читинский рейс у Рзаева были чемодан, который он сдал в багажное отделение, и сумка, взятая в салон в качестве ручной клади. Окончательно версию о подготовке взрыва подтвердил обыск в тбилисской квартире его матери: там оперативники нашли обрезки проводов... Все сошлось.

Куда хотел угнать самолет Рзаев, так и осталось загадкой, которую он унес с собой. В ГДР? В Израиль?

Не исключено, что лететь за рубеж он и не собирался, а захват воздушного судна стал актом протеста, вызванным личными обидами и нереализованными амбициями. С учетом тяжелой наследственности, у него могло произойти острое психическое расстройство. Следствие выяснило, что милиционер, сопровождавший самолет, действовал по инструкции, пытаясь задержать преступника на борту. А тот в последнее мгновение замкнул электрическую цепь взрывного устройства.

Рассекреченные материалы уголовного дела наглядно показывают колоссальный масштаб работы советских спецслужб. Следственные действия одновременно развернулись на территории нескольких республик СССР.

Чингис Рзаев был признан виновным посмертно. Если бы он каким-то чудом уцелел при взрыве, его ждала бы смертная казнь. К сведению, ровно за месяц до происшествия с самолетом УК РСФСР был дополнен новой статьей 213.2 — «Угон воздушного судна», предусматривавшей высшую меру наказания при отягчающих обстоятельствах.

Читинская катастрофа навсегда изменила правила гражданской авиации. Именно после нее во всех аэропортах страны ввели тотальный досмотр пассажиров и багажа, а покупка авиабилетов стала возможна исключительно по предъявлению паспорта. В газетах о читинской катастрофе писали не много. КГБ, как гласит справка, провел мероприятия по «пресечению всевозможных ложных и панических слухов». Как бы то ни было, жесткие меры безопасности принесли результат: до самого распада СССР подобных терактов в стране больше не допускали.

«Небесный беглец»: дело об организации побега из колонии на вертолете

22 марта 2012 года в России произошел, пожалуй, самый дерзкий побег из мест лишения свободы: осужденный улетел с территории исправительного учреждения на вертолете. Этот почти голливудский сюжет развернулся в тихом поселке Шексна Вологодской области.

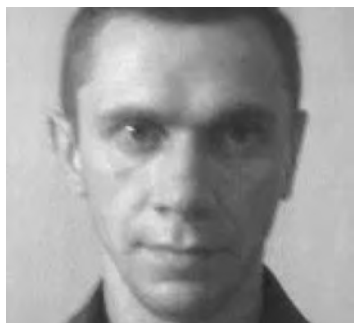
События развивались стремительно. Сначала мужчина и женщина захватили вертолет Ми-2 и приказали пилоту лететь к исправительной колонии №17. Зависнув над плацем, они сбросили трос. Осужденный зацепился за него с помощью альпинистского снаряжения, после чего вертолет унес его за пределы охраняемого периметра.

Подобное сотрудники колонии видели в фильмах, и реальность застала их врасплох. Впрочем, воздухом свободы Алексей Шестаков дышал недолго: в тот же день его задержали. Впоследствии суд назначил ему окончательное наказание в виде 25 лет лишения свободы.

ИЗ ДОСЬЕ:

22 марта 2012 года около 08:20 в воздушном пространстве в границах Шекснинского района Вологодской области неустановленными мужчиной и женщиной с применением пистолета и гранаты был совершен угон вертолета Ми-2 (бортовой номер

20975). Пилот под угрозой применения оружия направил воздушное судно к ИК №17. Неустановленные лица сбросили трос, к которому на земле на территории исправительного учреждения прицепился осужденный Алексей Шестаков, после чего вертолет был направлен в сторону Вологды. В результате совершен побег Шестакова из мест лишения свободы.

Алексей Шестаков

Передо мной первый рапорт, который лег в основу уголовного дела об уникальном для нашей страны побеге. И слово «уникальный» здесь не преувеличение. Ни в СССР, ни в современной России ничего подобного не происходило. В мире же известно не менее двух десятков побегов из тюрем на вертолетах, и о них наш персонаж читал, еще сидя за решеткой.

Итак, кто он такой — Алексей Шестаков?

Родился он в Череповце. В обычной школе окончил всего шесть классов, а оставшуюся программу осваивал уже в местах лишения свободы. К моменту побега он был судим неоднократно. В первый раз его привлекли к ответственности в 1991 году за кражу: тогда суд назначил ему три года лишения свободы, но из-за юного возраста подсудимого исполнение наказания отсрочили. Однако должных выводов Шестаков не сделал и уже через год оказался за решеткой по обвинению в разбое. Суд частично прибавил к новому наказанию прошлый неотбытый срок и окончательно назначил семь лет лишения свободы.

Шестаков освобожден 25 марта 1999 года. Уже в августе того же года в Череповце он убил девушку, с которой вместе выпивал,

а в декабре лишил жизни еще трех человек — совсем молодых людей, своих ровесников...

Вот как это было.

Судя по материалам дела, 24 августа Шестаков выпивал на улице вместе с девушкой Светланой, с которой познакомился накануне. У Светы были проблемы дома, и она решила излить душу первому встречному. Жалобы в духе «супруг плохой» и «все мужики сволочи» неожиданно разозлили Шестакова. Он задушил девушку, после чего снял с нее золотые украшения и забрал деньги. Задержать преступника сразу не удалось.

В декабре того же года Шестаков решил расправиться со своим приятелем Б. из-за неотданного долга в 7000 рублей. К преступлению он привлек знакомого, пообещав в качестве вознаграждения снять и оплатить для него квартиру на год вперед. План убийства они неоднократно обсуждали во время совместных застолий, и в итоге сообщник согласился. Когда они пришли в гости к Б., у того находился знакомый. Это не оставило преступников — они решили убить обоих. Шестаков напоил мужчин коньяком с подмешанным клофелином и задушил (сообщник помогал удерживать жертв). В этот момент в квартиру неожиданно вернулась девушка Б. Шестаков также напоил и ее отравленным коньяком и задушил. К слову, погибшая оказалась не только ровесницей Шестакова, но и его однофамилицей.

Чтобы скрыть следы преступления, Шестаков открыл краны на газовой плите, рассчитывая на взрыв и пожар. Однако соседи вовремя почувствовали запах газа и вызвали спасателей.

Из квартиры убитых преступники вынесли все ценные вещи для последующей продажи. Телевизор «Витязь» Шестаков даже преподнес в качестве подарка невесте. В ходе оперативно-разыскных мероприятий подозреваемые были задержаны и под тяжестью улик сознались в содеянном.

В июле 2000 года судебная коллегия по уголовным делам Вологодского областного суда приговорила Шестакова к 24 годам

лишения свободы. Первые пять лет ему предстояло отбывать в тюрьме, а оставшийся срок — в колонии строго режима. Суд также постановил конфисковать имущество осужденного. Его поделник получил 12 лет лишения свободы.

И вот путь осужденного за тройное убийство: тюрьма, затем исправительная колония №17. Позже его переводили в соседнюю ИК №12. А потом Шестакова вернули обратно — в ИК №17. Обе колонии находятся в поселке Шексна, недалеко друг от друга. Почему администрация перемещала Шестакова из одного учреждения в другое? Ответ на этот вопрос частично проясняется, если заглянуть за кулисы лагерной жизни.

ИК №17 в то время считалась далеко не самым худшим местом, хотя в ней не хватало сотрудников (проблема кадрового голода и низких зарплат в системе ФСИН актуальна и сегодня). О том, на каких правах Алексей Шестаков отбывал там наказание, красноречиво свидетельствуют материалы его первого допроса:

Следователь. У вас в личном деле стояла красная полоса, означающая склонность к побегу. При каких обстоятельствах она была снята? Кто принимал это решение?

Шестаков. Решение принималось Александром Белоликовым, заместителем начальника по безопасности и оперативной работе, с которым у меня сложились нормальные отношения с 2009 года.

Следователь. В связи со сложившимися отношениями с Белоликовым были ли сделаны какие-то послабления по режиму отбывания наказания?

Шестаков. Да, мне было разрешено жить в спортзале колонии.

Следователь. Это было на безвозмездной основе?

Шестаков. У меня сложились очень хорошие отношения с завхозом столовой С., который до настоящего времени отбывает наказание, а также с «положенцем» поселка Б., которые дали возможность общения с Белоликовым. Я поставлял в зону деньги, стройматериалы, компьютеры и т.д. В этом мне помогал мой брат и друзья.

Следователь. Каким образом складывались дальнейшие отношения с Белоликовым?

Шестаков. Я привозил ему спортивное питание, туалетную воду, лосьоны. Потом, когда мне нужно было снять красную полосу, он, Белоликов, сказал: давай десятку. То есть десять тысяч рублей.

Следователь. Во время отбывания наказания у вас был мобильный телефон?

Шестаков. Да, я регулярно им пользовался.

Следователь. Кто-то из сотрудников знал, что у вас есть телефон?

Шестаков. Вся администрация знала, что у всех есть телефон, а то и не по одному.

Следователь. Телефоны не изымались сотрудниками?

Шестаков. Если сотрудник видел в руках осужденного телефон, то забирал.

Следователь. Давали ли вы еще кому-то из сотрудников какие-то ценности?

Шестаков. Давал. Например, видеокамеру. Это было летом 2011 года. Ее принесли по моей просьбе к двум колонии. Сотрудник вышел и забрал ее. За какую услугу я передал видеокамеру, я и не помню. Много всяких просьб было. Например, когда у кого-то из осужденных изымали телефон, я приходил к сотрудникам и решал этот вопрос. Или,

например, просил, чтобы давали разрешение на свидание с девушкой, хотя свидания могли быть только с женой. <...> В колонии у меня всегда были наличные деньги. Хранил их в спортзале.

ИЗ ДОСЬЕ:

После инцидента против Белоликова возбудили уголовное дело. В декабре 2012 года суд признал его виновным в злоупотреблении должностными полномочиями (статья 285 УК РФ) и получении взяток (статья 290 УК РФ) и приговорил к четырем годам лишения свободы.

В общем, жил за решеткой Алексей Шестаков не хуже, а возможно, и лучше многих на воле. Судя по показаниям других осужденных, он организовал в колонии доходный бизнес: торговал запрещенными предметами и за деньги помогал решать различные вопросы с администрацией. В какой-то момент у него возникла иллюзия всемогущества — он решил, что способен на все. Даже улететь из колонии.

Естественно, совершить подобный побег без сообщников на воле невозможно. Однако ключевым организатором и спонсором выступил сам Шестаков.

Из показаний Шестакова:

Идея побега пришла лично мне. Вначале определился со способом, потом стал двигаться к этой цели. Делал сначала все сам. И финансированием никто не помогал. У меня было достаточно денежных средств. Сам позвонил в авиапредприятие где-то дней за десять до побега, сделал бронь вертолета на два дня. Вначале был вариант Ми-8, но оказалось, что он слишком большой, и тем более

в экипаже у него два пилота. Тогда решил Ми-2. Но пройти на авиапредприятие с какими-то взрывными средствами, оружием невозможно. Поэтому решил подготовить площадку, ближайшую базу отдыха «Ирма», где бы вертолет приземлился и туда сели Таня и Саша, с которыми я познакомился ранее по телефону. Затем нанял опять же по телефону человека по имени Сергей, имеющего непосредственное отношение к летному делу (бывшего летчика. — Прим. авт.), который приехал, осмотрел место, сказал, что нужно очистить, чтобы потом прилетел вертолет и сел. Он и координировал пилота.

Вертолет в «Ирме» должен был быть в 08:15, я ждал его в колонии к 08:30. В зоне в это время никаких мероприятий нет. Я вышел на плац. Он с вышек не просматривается, там достаточно места, чтобы над ним завис вертолет.

На плацу был один дедушка. Я просто гулял, ждал. Но вертолета все не было.

Тот самый вертолет

А вот что в это время происходило на воле.

Для достоверности стоит привести показания заместителя командира летного отряда «Вологодского авиационного предприятия» Василия Рычкова, который в тот день управлял вертолетом. Летчик рассказал, что ранее в коммерческую службу предприятия обратился мужчина и заключил официальный договор. Заказчик попросил забрать пассажиров с базы отдыха «Ирма» и доставить их в Вологду. Планировалось сделать несколько рейсов, первый из которых назначили на 22 марта, на 07:20. Бывший сотрудник этого же предприятия Сергей выступил в роли посредника — именно он прислал фотографии площадки на «Ирме», куда следовало посадить воздушное судно.

Из показаний пилота:

На базу отдыха мы прилетели около восьми часов. Я приземлил вертолет в указанном месте. Было светло, светило солнце. Подъехал автомобиль черного цвета. Из него вышли и сели в салон мужчина и женщина. Сергей мне объяснил, что это заказчики. У меня никаких сомнений не возникло, документов я не проверял.

Мы взлетели. Примерно через пять минут полета неожиданно с меня сдернули наушники. Я обернулся и увидел, что пассажир находится у меня за спиной. У него в правой руке был пистолет типа Макарова, а на мизинце висела граната зеленого цвета. Парень на меня направил ствол пистолета и сказал: «Летим к железнодорожному мосту в Шексне». В этот момент я реально опасался за свою жизнь. Я спросил: «Зачем?» Он ответил: «Надо». Его спутница в этот момент оставалась сзади. Я спорить не стал, выполнил требования.

К Шексне мы подлетели около 08:35. Пассажир ско-мандовал: «Давай к зоне», имея в виду исправи-тельное учреждение, колонию. В номерах я не раз-бираюсь. Сначала мы стали кружить над одной колонией, которая в самой Шексне, но они ска-зали, что это не та. И мы полетели дальше к той зоне, которая до моста. Я завис на высоте около 20 метров. Погодные условия позволяли. В этот момент на приборной панели сработала сигнализа-ция, предупреждающая об открытии двери в салон. Я понял, что они хотят кого-то забрать на веревке и улететь. Зависал минуты три, после чего парень мне просигнализировал подниматься. Я набрал высоту и улетел.

Из материалов дела

То, что вертолет сначала направился не к тому учрежде-нию, немного нарушило планы заговорщиков. «Мы потеряли 20 минут», — сокрушался позже Шестаков. Да и шум поднялся по всему поселку (все-таки нечасто над зоной зависает вертолет). Эта задержка, вероятно, сыграла роковую роль. И все же осу-жденный дождался вертолет, поймал трос, который сбросили ему, зацепился карабином и улетел.

Вскоре вертолет приземлился на ближайшем поле, которое захватчики указали пилоту. Едва оказавшись в салоне, Шестаков принялся переодеваться: выяснилось, что под тюремную робу он заранее надел джинсы и куртку.

Из показаний инспектора отдела охраны ИК №17:

Я несла службу на вышке поста №7. Около 08:40 увидела вертолет, который летел над исправительной колонией. Он снизился и скрылся за зданиями. Потом он стал подниматься, и я увидела, что с вертолета спускается веревка, за нее зацепился осужденный. Включила сигнал тревоги и произвела два выстрела из автомата.

К Вологде вертолет подлетел около девяти часов утра. Преступники приказали пилоту сесть в поле рядом с трассой на Москву. Как только машина коснулась земли, пассажиры выскочили из салона и скрылись. Пилот же надел наушники и по радиостанции сообщил диспетчеру о происшествии.

По всей области был объявлен план «Перехват». Удивительно, но накануне спецслужбы проводили учения как раз на тему возможного побега из колонии. Как считают эксперты, это помогло оперативно задержать беглеца.

Но вернемся к хронологии. Высадились преступники не там, где планировали изначально. В намеченном месте их ждали две машины и снегоход, которые Шестаков заранее заказал по телефону прямо из колонии. Однако сообщники посчитали, что там их могут подстеречь, а на новой точке высадки у них не было подстраховки.

— На дороге были сугробы, много снега... — вспоминал Шестаков. — Таня с Сашей пошли ловить такси, а я направился в сторону двух строек, от них через поселок — к лесу, а затем вышел

после побега. Ночь накануне они провели на съемной квартире в Вологде. Сопротивления при аресте сообщники не оказали.

Следствие велось оперативно и профессионально. Допросили всех причастных к инциденту лиц. Как выяснилось, большинство из них даже не подозревали, что помогают беглому преступнику. Этот случай стал ярким примером того, как в современный век с помощью телефона и интернета можно дистанционно организовать практически любое преступление, нанять людей и оплатить их услуги.

Что интересно, в мире во многих случаях организаторами побегов из тюрем на вертолете выступали именно женщины! Приведу несколько самых ярких примеров.

В августе 1971 года в Мексике сестра бизнесмена, осужденного за убийство, наняла пилота, арендовала вертолет и организовала для брата зрелищный побег. Этот инцидент лег в основу голливудского боевика, снятого четыре года спустя.

В мае 1986 года во Франции Надин Вожур — жена известного грабителя банков Мишеля Вожура — сама арендовала вертолет. Ради этого она несколько месяцев специально училась пилотированию. Надин пролетела на предельно низкой высоте над парижской тюрьмой, на крышу которой заранее забрался ее супруг. А дальше было все просто: Надин сбросила вниз веревочную лестницу, Мишель по ней вскарабкался. Эта история также была экранизирована.

В марте 1999 года в Австралии женщина-библиотекарь Люси Дудко, которую СМИ прозвали Рыжей Люси (настоящее ее имя Людмила Витальевна Жданова, она родилась в Куйбышеве), арендовала вертолет и под угрозой пистолета заставила пилота приземлиться прямо в тюремном двореке в Сиднее. Оттуда она забрала своего возлюбленного Джона Киллика, осужденного за ограбления банков. В итоге обоих арестовали. Позже в тюрьме Киллик создал несколько автобиографических книг, где подробно описал этот побег.

В деле Шестакова ключевая роль также принадлежала женщине. Кто же она?

Татьяна родилась в Ленинграде в 1976 году. В 25 лет она вышла замуж. Ее супруг, бывший заключенный, красиво говорил и обещал ради нее начать жизнь с чистого листа, но обещания не сдержал. Под его влиянием Татьяна пристрастилась к наркотикам и вскоре сама оказалась за решеткой. В 2008 году ее приговорили к четырем с половиной годам лишения свободы за хранение и распространение запрещенных веществ. 22 июня 2011 года суд освободил ее условно-досрочно, обязав после выхода на свободу встать на учет к наркологу и психиатру.

Женщина покинула колонию всего за полгода до резонансного побега. На свободе через мужа, который сидел в одной камере с Александром (Сашей), она познакомилась со своим будущим сообщником. Характер их взаимоотношений оставался сложным, однако в этой паре Татьяна явно была лидером — боевой и дерзкой.

Вскоре через общих знакомых о ней узнал Шестаков. Он периодически нанимал ее для выполнения различных поручений, а затем начал регулярно общаться с ней по видеосвязи. В итоге Татьяна влюбилась в заключенного. Отвечал ли Шестаков ей взаимностью, суд так и не установил, но то, что он использовал ее чувства для подготовки побега, было очевидно.

Именно Татьяна приобрела муляжи гранат и пистолета. Она же уговорила Александра пойти на дело, пообещав, что Шестаков заплатит ему два миллиона рублей — сумма по тем временам огромная для любого человека. На судебном процессе Александр утверждал, будто Татьяна тайно подсыпала ему в еду амфетамин, чтобы сделать более сговорчивым. В суде он вообще представлялся скорее человеком ведомым, слабовольным. Однако именно такие люди легче всего поддаются чужому влиянию.

В итоге Александр четко выполнил отведенную ему роль: угрожал пилоту вертолета и требовал изменить курс, заявляя, что им нужно «забрать брата». Примечательно, что после задержания Александр оказался единственным из их компании, кто искренне извинился перед пилотом.

На следствии и суде Татьяна заявила, что не брала денег за помощь, а руководствовалась, цитирую, «личными мотивами». Романтическая линия в этой истории в итоге зашла в тупик: как предположил один из следователей, женщина действительно влюбилась в Шестакова, а тот цинично использовал ее чувства.

«Установлено, что между ними велась переписка, была некоторая симпатия», — вспоминает сотрудник суда, присутствовавший на заседаниях. Саму идею побега Татьяна приняла без колебаний, о чем открыто заявляла в ходе процесса.

Следствие также детально подсчитало, во сколько обошелся этот побег. Сумма оказалась на удивление скромной. Муляжи гранат и пневматический пистолет стоили около 10 000 рублей, альпинистское снаряжение (трос и три карабина) — 3000, аренда вертолета — чуть более 80 000. Помощь бывшего пилота в расчистке площадки на базе отдыха «Ирма» обошлась в 10 000 рублей, услуги таксистов — примерно в 20 000, аренда квартиры — в 6000 рублей. С учетом сопутствующих мелких расходов общие затраты составили около 300 000 рублей. «Даже обидно, что так дешево», — шутили правоохранители.

Судебный процесс завершился быстро.

Основной целью был побег, с использованием воздушного судна - вертолёта Ми-2, как средства.
Ни террористических актов, захвата, угрозы или каких-либо других общественно опасных действий не планировалось.
Условием являлось то, что бы ни кто не пострадал, даже экономически, что и произошло.
Прошу Вас изучить все материалы данного дела, принять справедливое решение.
18.02.13 г. /Шестаков И.В./

Из материалов дела

Свою вину в захвате и угоне вертолета Татьяна не признала. Она утверждала, что лишь присутствовала в салоне и никому не угрожала. Александр настаивал, что из-за воздействия наркотиков не осознавал своих действий. Шестаков же пытался проявить благородство и взять всю вину на себя. При этом он иронизировал, заявляя, что благодаря его дерзкому поступку вскрылись проблемы в тюремном ведомстве.

Кстати, как признался мне недавно один из сотрудников ФСИН, страшнее побега для их ведомства ничего нет. Гибель заключенных от болезней, передозировок или в драках с сокамерниками — все это меркнет перед чрезвычайным происшествием такого масштаба. За побег жестко наказывают всех: от рядовых инспекторов колонии до генералов из центрального аппарата ФСИН в Москве.

— Шестаков мне показался безответственным, агрессивным, — вспоминает судья Александр Майоров, который был председателем на процессе. — Дерзкий по характеру. В целом вину он признал, оспаривал только отдельные признаки преступления. Объяснил свой мотив просто — желание свободы. В деле нет данных о том, что он собирался делать на воле. О планах уехать за границу не говорил.

Однако в первоначальных показаниях Шестакова осталась такая цитата:

Оставить колонию повод был весомый, но говорить я об этом не желаю. Поехать хотел в Москву, потому что там у меня были дела финансового плана. В Москве я должен был получить много денег. Подробности объяснить не желаю. Деньги я зарабатывал лично, но каким способом — объяснять тоже не желаю.

— Судебное слушание прошло в обычном режиме, — добавляет судья. — Помню день приговора — 28 января 2013 года. Сроки подсудимым назначили внушительные. Но Шестаков отреагировал спокойно, в отличие от других.

За решеткой тяжелее всего пришлось Александру, которого суд приговорил к 12 годам колонии особого режима. В следственном изоляторе его положение оказалось крайне тяжелым. Молодой человек находился в строгих условиях: передвигался только в наручниках и исключительно в сопровождении группы сотрудников с собакой. Сам он был убежден, что администрация ФСИН мстит ему за содействие в побеге заключенного. Александра неоднократно помещали в карцер, применяли к нему физическую силу и спецсредства — наносили удары резиновой палкой. Он несколько раз пытался покончить с собой. Его жалобы в Верховный суд наполнены эмоциями:

{ Считаю мое содержание чрезмерно жестоким и несо-
{ измеримым с содеянным.

Он подчеркивал, что назначенное наказание сопоставимо с теми сроками, которые дают маньякам и террористам.

А что же Шестаков? Он вроде не жалуется.

Часть VI

Нельзя помиловать

Глава 1

Дело советского инженера Малышева

В 1935 году в советской газете «Правда» появилась короткая заметка: в ночь на 2 июня был приведен в исполнение смертный приговор серийному убийце. Маньяком оказался обычный советский инженер.

Как могло случиться, что с наступлением темноты примерный труженик, коммунист и семьянин превращался в зверя и нападал на женщин, возвращавшихся с вечерней смены? Ответ на этот вопрос серьезно тревожил руководство страны. Дело преступника, орудовавшего в Харькове, дошло до Москвы, до высшего судебного руководства. Одним из главных спорных моментов стала квалификация действий подсудимого. Серийному убийце, помимо прочего, вменили преступление против порядка управления, выразившееся в «ослаблении авторитета власти». Судьи объяснили это просто: из-за нападений женщины в городе жили в постоянном страхе, а население ругало милицию за бездействие.

Об этой истории долгое время ничего не было известно. В обществе до сих пор распространено мнение, будто в СССР 1930-х годов маньяков не существовало. Однако подлинное уголовное дело сохранилось и все эти годы ждало своего часа в Государственном архиве РФ.

ИЗ ДОСЬЕ:

В 1927 году в Уголовный кодекс РСФСР (принятый годом ранее) внесли поправки, добавив главу «Преступления против порядка управления». Под

эти нормы могло подпасть любое действие, вызвавшее недовольство государства. Так, в статье 59.1 УК было прописано, что такое правонарушение, «не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти и Рабоче-Крестьянского Правительства, тем не менее приводит к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопряжено с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти». Союзные республики имели собственные Уголовные кодексы, созданные по образцу УК РСФСР. В УК Украинской ССР появилась аналогичная норма, которая дословно повторяла эти формулировки и позволяла судить обычных уголовников за «ослабление авторитета власти».

В той самой июньской заметке газеты «Правда» за 1935 год подробности дела описывались следующим образом:

Начиная с ноября позапрошлого года в одном и том же районе Харькова время от времени обнаруживались трупы изуродованных женщин. Поражала одна деталь: ни одна из жертв (а их число достигало двадцати) не была ограблена. Убийца насиловал женщин, а потом убивал. Долгое время не удавалось поймать преступника. И лишь 29 декабря прошлого года у одного из домов на площади Фейербаха был задержан некто Малышев Иван Степанович, пытавшийся смыть следы крови со своих туфель. В тот же день следы засохшей крови были обнаружены на его верхней рубашке, трикотажной фуфайке, брюках, носовом платке, белье и даже на стекле наручных

часов. Дальнейшее следствие показало, что Малышев (по профессии инженер) систематически совершал нападения. Судебная экспертиза установила, что его действия нельзя объяснить исключительно болезненным садизмом: он предусмотрительно и умело скрывал следы преступления. Суд приговорил инженера к высшей мере наказания — расстрелу.

На эту короткую заметку в «Правде» обратил внимание историк Олег Василенко. Она в газетном подвале занимала совсем мало места. Удивительно, но больше о маньяке Малышеве нигде не упоминалось: ни судебных репортажей, ни хроники. По крайней мере, нам с Василенко обнаружить другие публикации не удалось. Шансы найти следственные материалы тоже были невелики, ведь преступления совершались в Харькове. Однако само уголовное дело, как выяснилось, хранится в Москве.

Оно небольшое — всего несколько десятков листов. Попробуем по этим документам восстановить картину злодеяний, которые повергли в шок жителей Харькова и всей Украины.

Первые тела женщин стали находить осенью 1933 года.

Хронология событий выглядела пугающе. В ночь с 14 на 15 ноября в одном районе, но на разных улицах были обнаружены трупы двух женщин. Обе были изнасилованы и убиты ножом. Личные вещи, украшения и деньги остались нетронутыми. Обе жертвы возвращались домой поздно вечером после рабочей смены.

Расстрел убийцы-насильника

ХАРЬКОВ, 6 июня. (Морр. «Правда»). Начиная с ноября прошлого года, в одном и том же районе Харькова время от времени обнаруживались трупы изуродованных женщин.

Поразжала одна деталь: ни одна жертва (а их было до 20) не была ограблена. Убийца насиловал женщин, а затем убивал.

Долгое время не удавалось поймать преступника. И лишь 29 декабря прошлого года у одного из домов на площади Фейербаха был замечен некто Малышев Иван Степанович, сминавший кровавые пятна со своих туфель. В тот же день были обнаружены на его верхней рубашке, трикотажной футболке, брюках, носовом платке, трусах, туфлях и даже на стекле ручных часов следы засохшей крови. Дальнейшее следствие показало, что Малышев (по профессии инженер) насиловал и убивал женщин.

Судебная медицинская экспертиза установила, что действия Малышева нельзя объяснить только болезненным садизмом. Малышев предусмотрительно и умело скрывал следы своих преступлений.

Суд приговорил инженера-баничника к расстрелу. В ночь с 1 на 2 июня приговор приведен в исполнение.

Заметка в советской газете

Всего через сутки — в ночь с **16 на 17 ноября** — преступник совершил новое нападение. Женщине, возвращавшейся с вечерней смены, повезло: она смогла оттолкнуть нападавшего, получить лишь порез левой руки и убежать. А вот другой жительнице города удача не улыбнулась — ее тело нашли наутро.

Четыре жертвы за две ночи! Сразу стало очевидно, что действует один и тот же человек.

После этого убийца внезапно залег на дно. Полгода в Харькове было все спокойно (позже выяснится, что в это время инженер находился в командировке в Москве). Но летом 1934 года Харьков захлестнула вторая серия убийств.

На рассвете **12 июня 1934 года** был обнаружен труп молодой девушки.

18 июня около телеграфного столпа нашли еще одну погибшую. Ее личность установить не удалось — даже к моменту вынесения приговора она оставалась неопознанной.

В ночь с **19 на 20 июня** маньяк, вооружившись молотком и ножом, напал на прохожую, которая шла с работы. Девушка закричала, на шум выбежали соседи. Нападавший испугался и скрылся, но оставил на месте преступления свое кепи. Эта улика позже сыграет роковую роль.

20 июня — снова труп.

Преступник потерял всякую осторожность. Тела стали находить едва ли не каждое утро в самых разных местах: под мостом, у складов, во дворах жилых домов.

Жертвы внешне не были похожи друг на друга: блондинки и брюнетки, с длинными и короткими волосами, совсем юные (одной из них исполнилось всего 14 лет) и женщины среднего возраста. Их объединяло только одно — они в одиночестве возвращались домой поздно вечером.

Не все жертвы умирали на месте преступления. Девушка, на которую маньяк напал в ночь с **7 на 8 июля 1934 года**, смогла добраться до дома, но на следующий день скончалась от тяжелой черепно-мозговой травмы. Были и те, кто выжил,

но остался инвалидом. В материалах дела упоминаются пострадавшие, одна из которых «утратила дар речи», а другая — «лишилась памяти». Почти все женщины (за исключением тех, кому удалось сбежать, и еще двух погибших) подверглись жестокому сексуальному насилию, о чем свидетельствовали тяжелые повреждения.

Последней жертвой маньяка стала 39-летняя женщина, труп которой обнаружили у реки **29 июля 1934 года**.

Город буквально трясло от страха. На советскую милицию сыпались обвинения в бездействии. Однако оперативники в действительности бросили немало сил на поимку преступника. Из материалов дела, включая показания самого Малышева, следовало, что улицы патрулировались практически повсеместно. Сотрудники правоохранительных органов дежурили круглосуточно, но по роковому стечению обстоятельств каждый раз оказывались далеко от очередного места нападения.

Сегодня может показаться удивительным, почему женщины продолжали в одиночку ходить по ночным улицам. Но у них просто не было выбора — заводы работали в несколько смен. Тем не менее жители Харькова стали бдительнее: они чаще прислушивались к шуму за окном и, вооружившись чем придется, выбегали на помощь при первых же криках.

Задержали Малышева в ночь последнего убийства недалеко от его дома. Патрульный милиционер обратил внимание на мужчину, который пытался отмыть какие-то пятна со своих туфель. Его доставили в кабинет судебно-медицинской экспертизы для осмотра. На его рубашке, фуфайке, брюках, носовом платке и белье обнаружили следы крови и семенной жидкости.

«Кроме того, — отмечалось в материалах следствия, — у Малышева при себе был найден складной нож большого размера, а во дворе дома, где он проживает, — и молоток».

В ящике стола в его квартире нашли окровавленное белье.

Главными вещественными доказательствами стали забытое на месте преступления кепи, испачканные туфли и одежда. Дополнительным косвенным подтверждением вины послужил и тот факт, что в периоды командировок Малышева в Москву нападения на женщин в Харькове полностью прекращались.

Здесь необходимо подробнее остановиться на личности подозреваемого. Сведений о нем сохранилось немного. Иван Степанович Малышев, 30 лет, происходил из рабочей среды. Он работал инженером-практиком (не написано, правда, где), был женат и воспитывал ребенка. Ранее, в 1929 году, его уже судили по статье 170 УК УССР, однако детали того преступления в документах отсутствуют.

— Все свое время я отдавал работе на производстве и к 28 годам получил звание инженера-практика, — утверждал Малышев на допросе.

Характеристики с места работы были исключительно положительными. Но самая лучшая, пожалуй, содержалась в особом мнении одного из судей (этот член судейской коллегии не согласился с высшей мерой наказания и просил заменить ее 10 годами лагерей). В своем документе он подчеркивал безупречное пролетарское происхождение Малышева: его дед, отец и мать были рабочими, а отец к тому же состоял в партии. Из особого мнения судьи:

Его трудовые навыки заложены в нем еще с детства, во время работы с отцом-столяром. Стоит отметить его феноменальные способности, а также службу в частях Красной армии в 1920–1924 годах.

Под стражей инженер вел себя довольно спокойно. Вину в серийных убийствах он категорически отрицал. При этом Малышев

утверждал, будто страдает лунатизмом: якобы ночью он может встать, уйти в неизвестном направлении, а наутро ничего не помнить. Жена подтвердила факт ночных отлучек, однако уточнила, что муж уходил или возвращался сильно пьяным, так что вряд ли это могло быть во сне...

Один из свидетелей на процессе вспомнил, как во время семейного застолья Малышев внезапно произнес: «Провод, провод... Телеграфные столбы... Кровь... кровь... человеческое тело... кишки». Суд расценил этот спонтанный бред как прямое указание на эпизод с убийством женщины возле телеграфного столба.

Следствие продолжалось четыре месяца. Все это время Харьков полнился слухами, а дело инженера оставалось главной темой для обсуждения.

— Сама прокуратура растиражировала мой образ по городу как дикого зверя, который не может жить без того, чтобы не напиться крови, — возмущался Малышев, жалуясь на искусственно настроенное против него общественное мнение.

Выжившие женщины и случайные свидетели его опознали. Правда, в их показаниях обнаружилось несколько нестыковок: одни описывали нападавшего как широкоплечего и бритого мужчину (Малышев по это описание не подходил), другие утверждали, что на маньяке была серая рубашка (хотя обвиняемый в тот день носил белую). Более того, на дату одного из нападений у Малышева имелось стопроцентное алиби да почерк некоторых убийств заметно отличался. Например, в материалах дела описана гибель девушки, случившаяся через несколько дней после самоубийства ее мужа. Брат убитой был уверен: с ней разделились родственники покойного супруга, винившие ее в его смерти. По этой версии, они просто воспользовались паникой в городе, надеясь, что преступление спишут на неуловимого маньяка. Проверяло ли следствие эту зацепку — неизвестно.

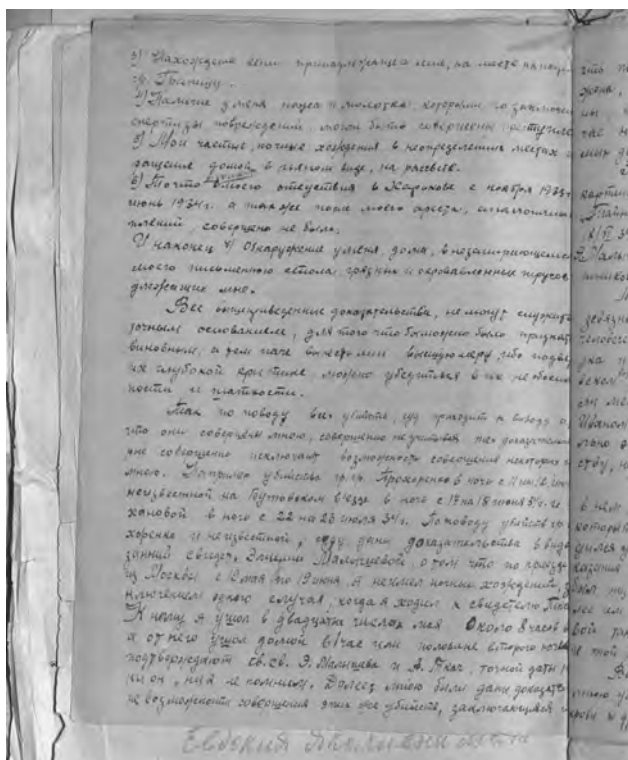
Будучи человеком грамотным, Малышев выстроил продуманную линию защиты. Он уверял, будто не способен на убийство по самой своей природе, поскольку с детства боится вида крови. Все улики он называл косвенными и утверждал, что стал жертвой заговора со стороны жены и ее любовника. О неверности супруги инженер, по его словам, узнал уже после ареста. Судя по показаниям Малышева, жену он очень любил. Во время московских командировок он отправлял в Харьков нежные письма в надежде, что супруга будет просить его поскорее вернуться домой. Но она не просила и отвечала холодно.

Малышев пытался убедить следствие и суд, что жена со своим любовником решили от него избавиться ради квартиры и прочего имущества. Из его показаний:

Она, не задумываясь над тем и нисколько того не стесняясь, что ее мужу и отцу ребенка, возможно, без всякой вины грозит смерть, сошлась жить с моим бывшим приятелем. Это говорит о том, что она мною не дорожила, а наоборот, только и ждала, чтобы стать совершенно свободной. И чтобы закрепить за собой эту свободу, а также квартиру со всем имуществом, подбросила трусы, предварительно испачкав кровью, в ящик моего письменного стола, а молоток — во двор.

Но самым изощренным аргументом защиты была следующая гипотеза подсудимого: «Можно также предположить, что жена, зная мой характер, доводила меня до такового состояния, что я, любя ее, от отчаяния напивался и, уходя из дома, бродил неизвестно где. Чем пользовался ее любовник, чтобы строить против меня улики. А он среднего роста, широкоплечий и бритый».

То есть, по версии Малышева, любовник жены убивал и насиловал женщин, чтобы свалить вину на него. Это, согласитесь, выглядит крайне неубедительно.

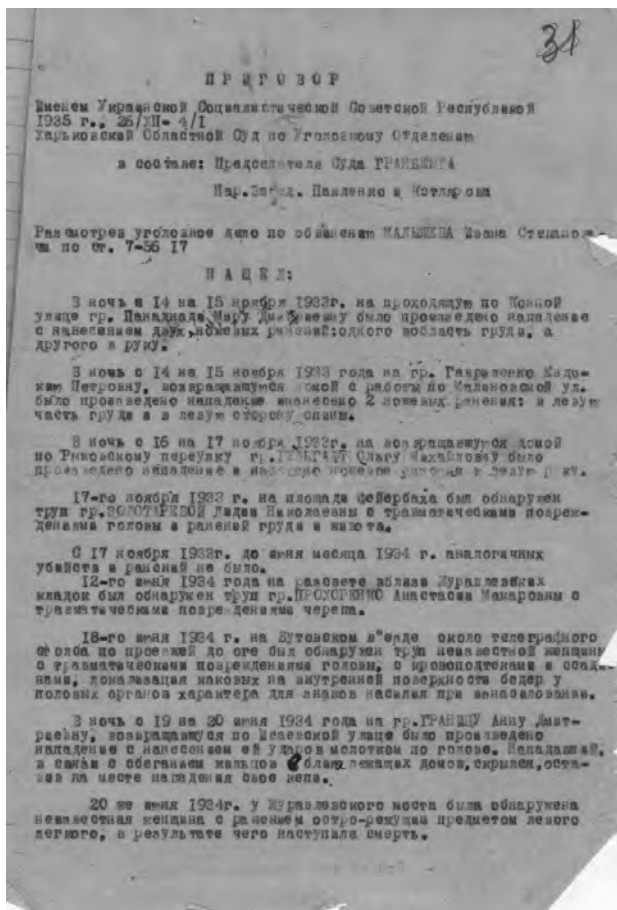
Из материалов уголовного дела. Написано рукой самого Малышева

Психиатрическую экспертизу подсудимому провели через несколько дней после ареста. Судить о ее качестве довольно сложно: в 1930-х годах многие видные отечественные психиатры были репрессированы. Как бы то ни было, эксперты выявили у инженера серьезные ментальные отклонения, но пришли к однозначному выводу: «Малышев сохранял полный контакт с окружающей действительностью и действовал вполне соответственно интересам самосохранения. Мог отдавать отчет действиям и ими руководить». То есть его признали вменяемым.

4 января 1935 года Харьковской областной суд признал Малышева виновным в убийстве 11 женщин и нанесении тяжелых повреждений еще семи. Таким образом, число доказанных жертв

составило 18 человек. Примечательно, что суд квалифицировал его действия не по статьям об убийстве, а как «преступление против порядка управления» и «бандитизм».

Первая мысль, которая возникает при анализе дела: это сделали ради вынесения смертного приговора. Действительно, за обычное убийство в те годы давали до 10 лет лишения свободы. Однако в Уголовном кодексе УССР действовала статья 138 («Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах»), и по ней суд и без

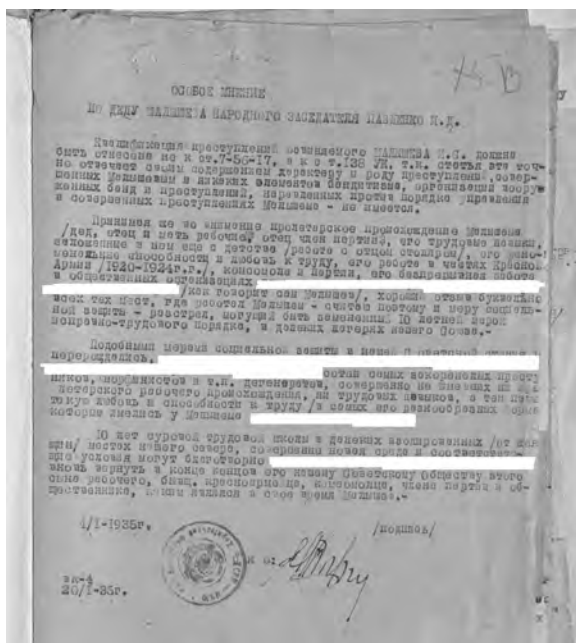

Из материалов уголовного дела

того мог выбрать любое наказание: либо расстрел, либо те же 10 лет. Выходит, юридической необходимости вменить серийному убийце преступления против государства не было. И тем не менее их вменили. В тексте приговора судьи сделали красноречивую пометку: расстрел является мерой вынужденной, поскольку «нет гарантий прекращения совершения подобных преступлений в будущем». Суд фактически расписался в том, что считает Малышева психически неполноценным и опасным, а потому не может рисковать, назначая ему фиксированный тюремный срок.

Особое мнение выразил народный заседатель Павленко. Он категорически не согласился со смертным приговором и настаивал на назначении Малышеву 10 лет лишения свободы. По мнению заседателя, инженера следовало судить исключительно по 138-й статье УК за умышленные убийства, без искусственной политической окраски в виде «ослабления авторитета советской власти»:

Никаких элементов бандитизма, организации вооруженных банд или преступлений, направленных против порядка управления, в деяниях Малышева не имеется. Принимая же во внимание пролетарское происхождение Малышева, его непрерывную работу в комсомоле и партии, общественных организациях, а также исключительно положительные отзывы буквально со всех мест его службы, считаю возможным заменить меру социальной защиты — расстрел — десятилетним сроком в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных регионах нашего Союза. Подобными мерами в нашей советской стране перерождались сотни самых закоренелых преступников, морфинистов и прочих дегенератов, не имевших ни пролетарского происхождения, ни трудовых навыков. Малышев же, напротив, обладает искренней любовью и способностью к труду в самых его разнообразных его формах. 10 лет суровой трудовой школы в далеких, изолированных от женщин местах нашего Севера, совершенно новая среда и соответствующие условия могут благотворно повлиять на этого сына рабочего, бывшего красноармейца, комсомольца и общественника.

Особое мнение

Это особое мнение заседателя не спасло серийного убийцу. После оглашения приговора Малышев подал кассационную жалобу на имя председателя Верховного суда СССР Александра Винокурова.

Думаю, не будет лишним процитировать ее:

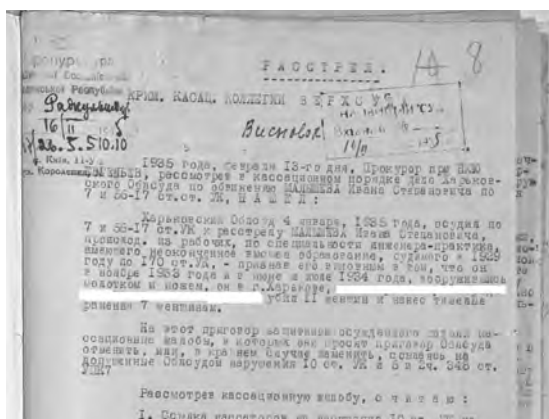
Я считаю, что суд, вынеся мне смертный приговор, относится ко мне совершенно несправедливо. Он пошел по линии наименьшего сопротивления, то есть рассматривал меня не как личность всестороннюю, а только как преступника...

Суд совершенно не учел невозможность совершения некоторых из преступлений мной, например убийства Прохоренко в ночь с 11 на 12 июня. Также доказано, что в ночь с 27 на 28 июля я ночевал дома,

никуда не ходил. И нападение на С. не мог совершить. Если нападал на эту женщину кто-нибудь, то не я, а кто-то другой. А скорее всего, это просто вымыслы. Тем более она заявила в милицию об этом не тотчас после нападения, а значительно позже, когда я уже был арестован и по городу стали распространяться обо мне самые невероятные и ужасные слухи, которые, очевидно, и возбудили у нее чувства, описанные в басне Крылова «Лев и осел», выраженные фразой «Дай и я его лягну».

Я прошу Верховный Суд учесть: если даже окажется, что я виновен (что совершенно невозможно), то могу быть очень полезен для социалистического общества, ибо обладаю большими природными дарованиями, подкрепленными большой производственной практикой и творчеством. Я должен жить, ибо я люблю труд и свою социалистическую родину, давшую мне возможность, научившую меня понимать и ценить труд общества и жить в нем.

10 марта 1935 года

Из материалов уголовного дела

В материалах дела сохранилось сопроводительное письмо из Верховного суда УССР в Верховный суд СССР. Судя по этому документу, ключевой спор между инстанциями разгорелся именно вокруг квалификации содеянного.

Защита Малышева последовательно доказывала: его действия нельзя подводить под главу об особо опасных преступлениях против порядка управления. Из адвокатской жалобы:

Преступление Малышева не содержат в себе тех элементов, которые закон считает специфичными для преступления против порядка управления.

Далее юристы ссылались на общие признаки этой категории правонарушений. К ним относились действия, нарушающие правильную работу госорганов или народного хозяйства либо ослабляющие силу и авторитет власти. Защитник резюмировал:

Совершенно ясно, что этих элементов преступления Малышева в себе не содержат, что они не нарушили и не могли нарушить правильную деятельность органов управления, а также не ослабляли и не могли ослабить силу и авторитет власти.

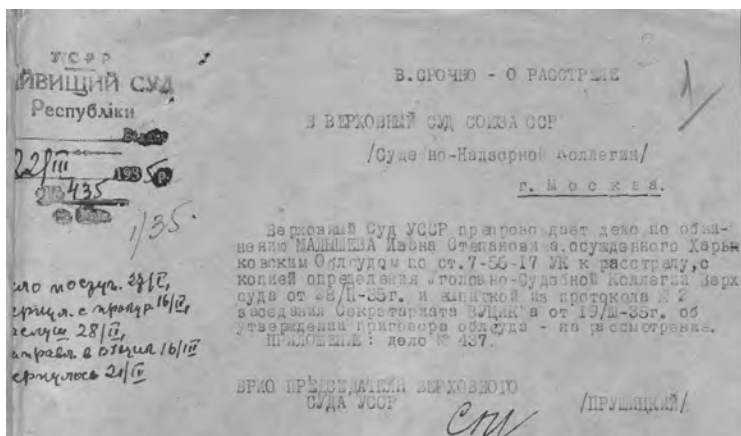
Прокурор против такого аргумента возражал, назвав его формальным. По его словам, утверждать, что преступления Малышева были направлены только против жизни и здоровья многочисленных жертв его преступлений, в корне неверно «в особенности в условиях развернутого построения социализма во всех областях жизни нашего Союза». Логика обвинения была железобетонной для той эпохи: злодеяния Малышева «нарушили в значительной мере нормальные условия жизни и труда женщин», которые боялись выходить из дома, и тем самым подрывали в глазах трудящихся авторитет советской власти, не сумевшей оперативно поймать маньяка и предотвратить эти ужасные трагедии.

Высшая судебная инстанция страны согласилась с доводами обвинения.

— Нельзя оценивать статьи Уголовного кодекса в отрыве от эпохи, когда они применялись, — отмечает доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии Наталья Лопашенко. — Но мне представляется, что подобное решение суда было слишком вольной трактовкой норм о преступлениях против порядка управления.

Статья 59.1 в УК РСФСР и ее аналоги в республиках фактически оказались «резиновыми».

— Входившие в состав СССР республики имели собственное уголовное законодательство, которое допускало применение закона по аналогии (сегодня это, конечно, исключено), — объясняет криминолог Данил Сергеев. — Так что в разных концах Союза привлекали за «ослабление авторитета власти».

Из материалов уголовного дела

Кассационная жалоба была отклонена. Приговор в отношении инженера Малышева привели в исполнение в ночь на **2 июня 1935 года**. Парадокс этой истории заключается в том, что по документам его расстреляли не как маньяка, а как бандита, «ослабляющего силу и авторитет власти».

Дело «первосентябрьского» маньяка: нападение в День знаний и мистическая смерть в СИЗО

1 сентября 1989 года почти весь личный состав уголовного розыска УВД Новосибирской области дежурил возле железнодорожных станций. Таким образом сыщики пытались предотвратить нападения орудовавшего в Сибири жестокого преступника на школьников.

И все же в этот день маньяку удалось совершить очередное правонарушение... К счастью, жертва смогла спастись и помочь следствию: девочка подробно описала нападавшего, благодаря чему его задержали в тот же день. Серийным убийцей и насильником оказался ранее судимый сварщик Фёдор Козлов. На следственные эксперименты его привозили под усиленной охраной: у каждого места преступления собиралась разъяренная толпа, готовая устроить самосуд. Суда Козлов дождался в изоляторе и спокойно выслушал закономерный вердикт — смертную казнь через расстрел. Однако приговор так и не был приведен в исполнение...

Ровно через год после своего задержания, 1 сентября 1990 года, «искитимского дьявола» (так окрестили убийцу местные жители) нашли мертвым в камере Новосибирского СИЗО №1. По городу сразу поползли слухи, что смерть не была случайной: поговаривали, будто с осужденным свели счеты за замученных школьников.

ИЗ ДОСЬЕ:

Фёдор Козлов совершал преступления на территории Новосибирской области. В 1976 году его осудили за двойное убийство — родной бабушки и троюродной сестры. В 1990 году суд признал его виновным еще в пяти убийствах (в четырех эпизодах им предшествовало изнасилование), а также в трех покушениях на убийство и изнасилование.

Паспорт Фёдора Козлова.
Из материалов уголовного дела

Хроника страшных событий началась летом 1989 года, когда в Сибири произошла серия нападений на школьников и студентов. Среди жертв оказалась и взрослая женщина. Она стала единственной, кого преступник не изнасиловал, а сразу убил. Позже Козлов признался следователям, что его остановили слова женщины: «Тебе же нужны маленькие девочки, а не я».

Первая жертва: исчезновение Натальи

16 июня 1989 года в Новосибирской области пропала 18-летняя студентка Наталья.

— Дочка после школы поступила в Новосибирский торговый техникум, — вспоминал позже ее отец. — Окончила два курса и проходила практику в селе Гусельниково. Жила там с подругой у родственников, работала в продуктовом магазине. К нам в поселок приезжала на выходные.

16 июня, в пятницу, мы ждали ее особенно сильно — у брата был день рождения. Мы ждали три дня, но ее не было. В понедельник позвонили из Гусельникова и спросили, почему она не вышла на работу. Мы забили тревогу, начали поиски. Выяснилось, что в пятницу вечером она действительно выехала к нам. Ее видели в автобусе и на остановке «Асфальтный завод».

От этой остановки до родительского дома оставалось около километра пути через лесополосу. Наталья всегда ходила этой дорогой. Местность считалась спокойной: рядом располагались воинские казармы, и прежде девушку никто не пугал. Что же произошло в тот роковой вечер?

Из материалов уголовного дела

Родственники во главе с отцом начали прочесывать местность в районе автобусной остановки. Ближе к железнодорожному полотну, в логу (небольшой сухой ложбине), они обнаружили обожженное тело. Рядом виднелся свежий след от протектора легкового автомобиля.

Из материалов уголовного дела

Пока близкие стояли у страшной находки в надежде, что это не Наташа, к ним подошла местная жительница. Женщина рассказала, что в пятницу слышала доносившийся из леса крик: «Мама!»

Прибывшие на место сотрудники милиции и эксперты подтвердили, что обнаруженные останки принадлежат девушке. По сохранившимся фрагментам тела и уцелевшим вещам — огнем не тронуло лишь наручные часы и булавку — родные окончательно опознали Наташу. Как позже установит следствие, преступник

сначала изнашивал и убил девушку, а через два дня вернулся на место преступления, чтобы сжечь тело и уничтожить улики.

Из материалов уголовного дела

7 июля 1989 года: два нападения за день

В этот день преступник совершил два нападения подряд. Первой жертвой стала Светлана, отдыхавшая на берегу у реки Бердь. Около шести вечера к ней подошел незнакомец и попросил закурить, после чего внезапно схватил и потащил в заросли. Он связал девушке руки и ноги белой тесьмой, а в качестве кляпа использовал ее плавки. Преступника спугнули отдыхавшие неподалеку люди — он сбежал. Светлана выжила и позже смогла описать нападавшего.

Второе нападение произошло в тот же день около железнодорожного вокзала Искитима. Елена возвращалась с работы, когда неизвестный предложил донести ее сумку, но вместо этого

попытался утащить в кусты. Девушка сумела вырваться, убежала и подняла крик. Лишь на суде обе пострадавшие осознали, что встретились с серийным убийцей и чудом остались живы. Этот день они по праву считают вторым днем рождения.

11 июля 1989 года: гибель Марины

В Искитиме пропала 11-летняя Марина. Из-за особенностей здоровья она училась в специальном интернате, но летом находилась на каникулах у родителей. Вечером девочка играла во дворе с детьми и вдруг как сквозь землю провалилась.

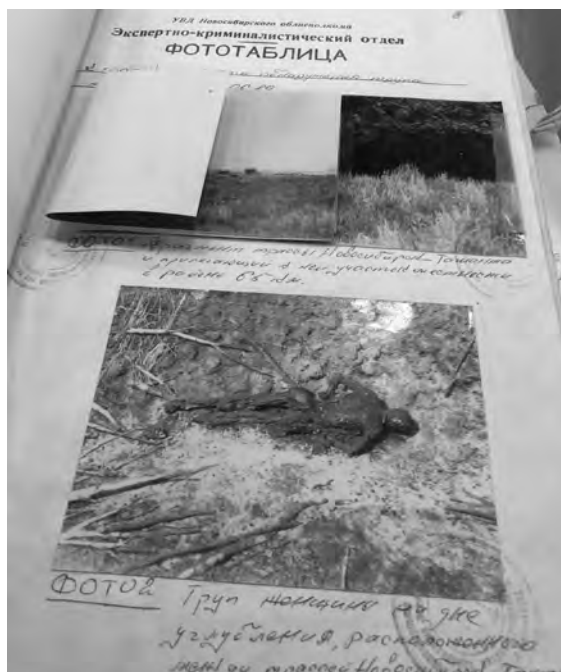
«Тихая, спокойная, подстрижена под мальчика. Голубые глаза, маленький вздернутый нос. На голове слева шрам от операции. Платье с фигурками кукол. Босая. По характеру очень доброжелательна, общительна и доверчива», — значилось в милицейской ориентировке.

Именно доверчивость ребенка оказалась роковой. К Марине подошел мужчина, представился сотрудником милиции, показал красное удостоверение и увел ее за гаражи.

Тело Марины обнаружили на следующий день. Преступник действовал по уже знакомой схеме: руки жертвы были связаны сзади белой тесьмой, во рту находился кляп из нижнего белья. Маньяк надругался над ребенком, после чего привязал к дереву и поджег.

8 августа 1989 года: убийство Инны

Очередной жертвой маньяка стала 11-летняя Инна. Преступник напал на школьницу среди бела дня, около 12 часов, возле электровозоремонтного завода в Новосибирске. Девочка шла домой одна, и поблизости не оказалось никого из взрослых. Козлов затащил ее в кусты, изнасиловал, убил, а тело забросал ветками.

Из материалов уголовного дела

15 августа 1989 года: убийство Елены

Следующей жертвой маньяка стала 23-летняя Елена, работавшая библиотекарем в Высшем военном училище МВД СССР. Козлов напал на девушку, изнасиловал, убил, а тело спрятал в кустах, забросав ветками.

В тот же день в газете «Советская Сибирь» опубликовали ориентировку и фоторобот преступника. Текст гласил:

Заметка в газете. Из материалов уголовного дела

Разыскивается мужчина, совершивший на территории Искитима и Новосибирска в июне–августе особо опасные преступления в отношении малолетних девочек. Преступления совершены, как правило, в районе железной дороги. Приметы: возраст 35–45 лет, рост 168–172 см, худощавый, сутулый.

21 августа 1989 года: омский эпизод

В 17:30 в кустах омского сада «Сибирь» прохожие обнаружили тело 16-летней студентки училища Светланы. Руки ее были связаны, во рту находился кляп. Экспертиза установила, что перед смертью девушку жестоко изнасиловали.

Уже 30 августа по подозрению в этом убийстве задержали 15-летнего Алексея. Подросток сразу написал чистосердечное признание, однако следствие быстро поняло, что это ложный след. Выяснилось, что юноша состоит на учете в областной психиатрической больнице с тяжелым поражением центральной нервной системы. Его немедленно освободили из-под стражи, а уголовное преступление в отношении него прекратили. Настоящего убийцу поймали всего через два дня.

1 сентября 1989 года: нападение в Бердске и задержание

Около 15:00 Татьяна шла вдоль заводского забора к железнодорожному вокзалу Бердска, собираясь ехать к родителям.

— Я оглянулась и увидела, что за мной идет какой-то парень, — вспоминала позже Татьяна. — Подумала, что он тоже торопится на электричку, и не обратила внимания. Вдруг кто-то сзади схватил меня за горло и потащил в кусты у железнодорожного полотна. Я сразу поняла: это он. Нападавший повалил меня на землю, стал душить, угрожал ножом и требовал, чтобы

я завела руки за спину. Но мне удалось вырваться. Я добежала до трассы, где меня увидел мотоциклист и подвез до вокзала.

На вокзале сотрудники милиции мгновенно отреагировали на рассказ девушки и начали прочесывать территорию. Из показаний милиционера Сергея Бахтина следует, что около 16:00 возле останочной платформы они заметили мужчину, подходившего под приметы. Им оказался Фёдор Козлов. При обыске в его карманах обнаружили белую тесьму и нож кустарного производства. Маньяка задержали.

15 сентября Козлов дал признательные показания. Он сознался в убийстве Светланы в Омске, а также раскрыл детали еще нескольких нападений, о которых следствию не было известно. Расчет преступника был прост: в советской судебной практике добровольное раскрытие неизвестных следствию эпизодов часто помогло избежать смертного приговора. Однако в случае с Козловым это не сработало.

Маньяками, как известно, не рождаются. Попробуем проследить жизненный путь Фёдора Козлова, опираясь исключительно на задокументированные факты.

Он родился в Семипалатинской области и был вторым ребенком в семье. Из приложенных к уголовному делу характеристик известно, что его мать отличалась вспыльчивым, неуравновешенным характером. Отец был угрюмым, раздражительным, регулярно злоупотреблял алкоголем и в нетрезвом виде устраивал дома скандалы.

Фёдор Козлов на следственных действиях. Из материалов уголовного дела

В раннем детстве Фёдор рос и развивался без особенностей. В школу пошел с восьми лет. Судя по документам, мальчик обладал неплохими способностями, однако интереса к учебе не проявлял с первого класса. В пятом классе он записался в географический кружок, но посещал его без особого энтузиазма. Педагоги отмечали у него полное отсутствие увлечений. Фёдор рос малообщительным, со сверстниками не дружил, а свободное время проводил на улице в компании трудных подростков. Родители полагали, что приятели-хулиганы оказывали на сына дурное влияние. С 14 лет Козлов состоял на учете в комнате милиции из-за регулярных прогулов в школе и побегов из дома.

Побеги из дома заслуживают отдельного упоминания. Их было так много, что близкие, учителя и сотрудники милиции потеряли им счет. После очередного задержания подросток объяснял: «Сбежал, потому что боялся наказания родителей за плохую успеваемость в школе и мелкие кражи». В 1964 году, после попытки обворовать местный клуб, Козлов совершил самое длительное свое путешествие, объехав десятки городов СССР. Его ловили, помещали в детские приемники-распределители в разных регионах страны и возвращали домой. Но он снова сбегал, открыто заявляя милиционерам, что жить в семье не желает.

В его характеристике указано:

Несмотря на частые пропуски занятий, он обычно наверстывал упущенное и переводился из класса в класс. Только в восьмом классе подростка оставили на второй год. В 1974 году он уехал от родителей сначала к старшему брату, а потом к родственникам в Тюменскую область.

Козлов поселился у своей родной бабушки, но вскоре обстановка в их доме накалилась.

У Фёдора сложились плохие отношения с бабушкой и жившей у нее 11-летней троюродной сестрой Таней — следовало из материалов его первого уголовного дела. Девочку он ненавидел за «ябедничество», а пожилую женщину — за «ворчливость и нотации». Козлов угрожал им ружьем, а однажды заложил в печь бутылку с капсюлем, что привело к взрыву. В ноябре 1975 года он отобрал у бабушки деньги, которые мать прислала на его содержание, и уехал в Ленинградскую область, однако вскоре вернулся.

В начале 1976 года Козлов поступил в тюменское ПТУ. 2 февраля ему пришлось переночевать у бабушки. По одной из версий, между ними произошла бытовая ссора, во время которой 17-летний юноша зарубил топором и бабушку, и Таню. По другой версии, он попытался надругаться над ребенком, но этот момент застала пожилая женщина, после чего он убил обеих.

Для проведения судебно-психиатрической экспертизы Козлова направили в Свердловскую областную психбольницу, чтобы определить степень его вменяемости в момент совершения преступления.

— Вел он себя спокойно, правильно осмысливал вопросы, отвечал логично, — вспоминал позже эксперт. — Говорил, что осознал вину. Пояснял, что был очень недоволен контролем со стороны бабушки и жалобами девочки. В общем, наша комиссия пришла к выводу, что Козлов психическим заболеванием не страдал и не страдает.

2 сентября 1976 года Тюменский областной суд приговорил несовершеннолетнего Козлова к максимальному для его возраста сроку — 10 годам лишения свободы.

Сначала подросток отбывал наказание в воспитательной колонии, а по достижении совершеннолетия его уже перевели во взрослую. Из характеристик руководства колонии следует, что Козлова назначали дневальным в отряде, но доверия он

не оправдал: его отстранили от обязанностей после того, как поймали за употреблением самодельной браги. Это осталось единственным нарушением за весь период отбывания наказания. После инцидента с брагой осужденный вел себя спокойно и много работал, регулярно выполняя сменные нормы на 110–115%. За примерное поведение ему даже присвоили звание «Отличник труда и быта» III степени.

В 1984 году Козлов обратился к администрации учреждения с просьбой о переводе в колонию-поселение. Однако из-за тяжести совершенного преступления комиссия отказалась направлять в суд соответствующее ходатайство, и осужденный отбыл весь назначенный срок полностью. Он освобожден 16 февраля 1986 года.

Согласно записям в трудовой книжке, после освобождения Козлов часто менял места работы. 3 марта 1986 года он устроился в строительное управление электросварщиком 4-го разряда, но уже через пять месяцев уволился. Спустя неделю занял аналогичную должность на заводе «Востокмаш», где продержался год. В августе 1987 года его приняли в управление промышленных предприятий сварщиком, откуда он ушел через месяц. В течение следующего года Козлов сменил еще три организации. Почему не задерживался надолго? На этот вопрос Козлов не смог дать ответ ни следователям, ни психиатрам, ни судьям. Последняя запись в трудовой книжке: «Принят 15 августа 1988 года электросварщиком в паровой цех».

Личная жизнь Козлова в этот период также была нестабильной. После нескольких краткосрочных сожительств он женился. Однако брак быстро распался. Супруга приревновала его к несовершеннолетней внучке пожилой хозяйки, у которой они снимали комнату. Кроме того, позже в своих показаниях женщина отметила, что муж настойчиво предлагал ей интимные практики, которые ей казались ненормальными.

После развода Козлов сильно переживал и даже разыскивал бывшую супругу, переехавшую в другой город. Но потом

по объявлению познакомился с Лидией. Она стала его второй женой. Молодые поселились у ее родителей в селе Есино Новосибирской области. На допросах Лидия вспоминала, что жили они хорошо: Федор был спокойным, выдержанным, некурящим и практически не пил. Повода для ревности мужчина тоже не давал.

В марте 1989 года, после рождения сына, молодой семье выделили квартиру в поселке Ложок. Поскольку супруге было тяжело справляться с младенцем, она осталась у родителей. Федор лишь периодически навещал близких.

— Он выпал из моего поля зрения, — рассказывала женщина. — Под предлогом ремонта в новой квартире муж пропал по нескольким дням. О его жизни в этот период мне ничего не известно.

В конце августа Козлов снова приехал к жене. 1 сентября он сообщил жене и теще, что отправляется в Искитим — забрать в фотоателье семейные снимки с сыном, сделанные накануне. Домой Федор так и не вернулся. Когда начали его искать, то выяснили: в фотоателье он не приезжал. А вскоре домой к ним пришли с обыском. Их сыну на тот момент исполнилось всего пять месяцев.

Вопрос о вменяемости задержанного следствие поставило сразу. Стало очевидно, что быстрой экспертизой тут не обойтись. 4 декабря Козлова перевели в 3-ю психиатрическую больницу Новосибирска, где он пробыл почти месяц. Все это время специалисты изучали его личность.

Нам удалось найти медика, на глазах которого происходила экспертиза.

— На вопросы психиатров Козлов отвечал достаточно откровенно, подробно, — вспоминает специалист. — Пытался анализировать свои поступки. Заявил, например, что у него есть вредная черта характера — «накапливать в себе злость». Вспоминая

события 1976 года, когда он убил бабушку и Таню, подследственный признался: будь в тот вечер в доме больше народа, он убил бы всех. И тут же добавил, что если бы родственники «не бегали, не кричали», то, возможно, остались бы живы.

По словам медика, Козлов разоткровенничался и о личной жизни. Рассказал, что потерял девственность рано — его соблазнила женщина старше, которая, как он считал, просто его использовала. В дальнейшем партнерш у него было много, но после близости он испытывал отвращение вплоть до тошноты. Козлов признал, что малолетняя родственница, жившая у бабушки, вызывала у него сексуальный интерес. Уже в тюрьме ему начали сниться яркие сны, в которых он ловил девочку, тащил куда-то, а она сопротивлялась, — эти видения его сильно возбуждали.

Говоря о лагерном сроке, Козлов отмечал, что его характер сильно изменился: приходилось тщательно скрывать первое преступление, опасаясь расправы со стороны осужденных. В зоне его тяга к девочкам только усилилась. Он начал собирать их фотографии, вырезки из газет и журналов. К концу срока, после отказа в переводе в колонию-поселение, его захлестнули обида и агрессия. Освободившись, он пытался снять это напряжение алкоголем и случайными связями. От спиртного быстро отказался из-за непереносимости, а женщины не приносили удовлетворения, пока он не женился второй раз. Правда, вторую супругу Козлов назвал вспыльчивой и пытался переложить на нее вину за свои новые зверства: якобы в период семейного лада он забывал о своих жертвах, но стоило поссориться, как его снова тянуло насилловать и убивать.

Психиатрам Козлов признался: в моменты нападений он чувствовал себя хищником на охоте. Больше всего его заводили выслеживание добычи и борьба с жертвой.

На вопрос, почему он убивал жертву, Козлов ответил, что только после удачного удара ножом разряжался. Через два-три

дня после очередного преступления он испытывал страх, смешанный с раскаянием.

По признанию арестованного, непреодолимая тяга насиловать и убивать преследовала его с первого дня на свободе. Во время экспертизы он откровенничал:

— Бывало, увижу девочку — и иду за ней, позабыв обо всех делах. Особенно это чувство обострилось весной 1989 года. Одну из жертв я не изнасиловал, а только убил, потому что во время борьбы она сказала: «Я же женщина. Я все уже знаю, тебе нравятся девочки несмышленные». Меня поразило, что она догадалась, и потерял к ней интерес. Ударил ножом.

На удивление, в беседах с врачами Козлов вел себя послушно: он явно рассчитывал на сочувствие и медицинскую помощь.

— Бредовых суждений не высказывал, обмана восприятия не обнаруживал, — продолжает психиатр. — Я бы сказал, что у него были напряжение и тревога. Но это не мешало Козлову нормально спать и питаться. С другими пациентами он не общался, держался особняком. Резюмирую: мы выявили у Козлова значимый конфликт в сексуальной сфере, слабость моральной цензуры на фоне того, что он отлично знает механизм вытеснения как психологической защиты.

2 января 1990 года комиссия из четырех экспертов пришла к выводу, что Козлов психическими расстройствами не страдает. В моменты нападений он полностью отдавал себе отчет в происходящем, действовал последовательно и целенаправленно.

Из официального заключения:

...следует признать его вменяемым. По своему состоянию в настоящий момент в мерах медицинского характера не нуждается, может предстать перед судом и нести ответственность за содеянное.

После возвращения из психиатрической больницы в СИЗО обвиняемый пробыл в общей камере меньше месяца. Вскоре он тяжело заболел и почти на месяц — с 24 января по 21 февраля 1990 года — лег в стационар тюремной больницы с правосторонней пневмонией. Не исключено, что таким образом его пытались спрятать: к тому времени следствие уже было завершено, сомнений в виновности Козлова не было, в обычной камере с ним могли расправиться.

Обложка уголовного дела Фёдора Козлова

Накануне судебного процесса на имя следователя по особо важным делам Новосибирской областной прокуратуры поступило коллективное обращение. Документ, под которым подписались без малого 400 человек, сохранился в материалах уголовного дела. Приведу его текст полностью:

жестокое. А самое страшное то, что масштабы преступлений растут с каждым днем. Самое время взяться всем миром и воздействовать любыми возможными психологическими методами на сознание преступных элементов. Если в сознании преступника будет мысль, что с ним расправятся публично на том самом месте преступления, то вполне можно быть уверенным: у него дрогнет рука, а страх предотвратит новые зверства.

Все, кто поставил подпись под этим письмом, не просят, а требуют — именно сегодня, не завтра! — публичной расправы с преступником, совершившим злодеяние над несовершеннолетней девушкой на территории лесопосадки, которое потрясло город Омск своей дерзостью и жестокостью. Публичную расправу требуем исполнить с помощью правоохранительных органов на месте последнего преступления. Таким подлецам и убийцам не место в обществе.

Попытаемся восстановить ход судебного процесса с помощью сохранившихся протоколов заседаний.

Суд. Подсудимый, чем объясните, что нападения на потерпевших между собой были подобны?

Подсудимый. Я нападал на потерпевших (называет четыре фамилии) с целью розыгрыша. При нападении я им угрожал, но убивать не хотел. В Бердском УВД на меня оказывали давление. Было заявлено: если я не буду давать им нужные показания, то меня в тюрьме посадят в общую камеру. А там, мол, заключенные уже наслышаны о деле Козлова, который обвиняется в изнасилованиях и убийствах детей. Первые показания я давал на следствии

2 или 3 сентября 1989 года, когда в СИЗО меня еще не доставили. Считаю, что обстоятельства нападения на двух 11-летних девочек совпали — это просто случайность.

Козлов продолжал настаивать на версии с «розыгрышами», описывая нападение, совершенное 7 июля 1989 года:

— Я шел с пляжа и увидел девушку, которая сидела и курила. Подошел к ней, попросил сигарету. Она дала мне прикурить. У меня возник умысел напасть на нее. Я просто хотел пошутить, симитировать изнасилование. Я обхватил ее локтем за горло и утащил в кусты. Там снял с нее плавки и заткнул ими ей рот, чтобы она не кричала, а руки связал шнурками. Вдруг услышал какой-то шорох. Потому бросил и убежал.

По второму эпизоду, произошедшему в тот же день, 7 июля, Козлов давал следующие показания:

— Поздно вечером я встретил девушку, которая шла с вокзала с сумкой и чемоданом. Я решил помочь, взял у нее сумку. После того как прошли мост, я напал на нее сзади, в стиле розыгрыша, потащил ее в кусты. Она сильно сопротивлялась. Я ей говорил, чтобы она молчала, угрожал ножом. Умысла на убийство у меня не было. Но она продолжала оказывать сопротивление. Когда по дороге шли люди, начала сильно кричать. Я не стал ждать, чем все это закончится. Убежал. Ей руки не связывал. В этот же вечер приехал домой, в поселок Ложок. А на следующий день пошел на работу. Да, на очной ставке по поводу обоих этих случаев

говори́л, что напа́дал для изнаси́лования и убийства. Тогда говори́л неправду. На самом деле напа́л для розы́грыша. На суде́бном заседа́нии говори́ю правду.

Думаю, даже из этих коротких выдержек многое становится ясно. Оправдания Козлова о «розыгрышах» звучали не просто неубедительно, а откровенно издевательски. Особенно если учесть, что все четыре выжившие девушки находились в зале суда и были вынуждены все это слушать.

Еще абсурднее выглядели его попытки откреститься от убийств. Из протокола допроса подсудимого:

От следователя я узнал, что на горе найден труп. В данном эпизоде я дал показания под давлением следователя Иванова. Во время следственных действий место преступления я нашел сам, интуитивно. А то обстоятельство, что моя сперма попала на тело потерпевшей, объяснить ничем не могу.

Настоящим испытанием процесс стал для родителей погибших детей. Вот фрагмент допроса потерпевшей Тамары Михайловны — мамы 11-летней Марины. Женщина вспоминала, что 11 июля вернулась с работы (она трудилась кладовщицей) в 20:30. Дети вместе с отцом играли на улице, Марина каталась на велосипеде. Чуть позже велосипед поставили в гараж, а девочка продолжила играть с детьми во дворе.

— Примерно через час я позвала детей домой, — рассказывала Тамара Михайловна. — Старшая дочь ответила, что Марины нигде нет. Мы с мужем стали искать, спрашивать у ребят, где Марина.

На этих словах допрос пришлось прервать — матери убитой девочки стало плохо прямо в зале суда.

23 апреля 1990 года Новосибирский областной суд приговорил Федора Козлова к высшей мере наказания — расстрелу. Убийца посчитал приговор слишком суровым. Его адвокат обратился с кассационной жалобой в Верховный суд РСФСР.

Защита выстраивала жалобу на тех же абсурдных доводах, что звучали в зале суда. Адвокат утверждал, будто вина Козлова в изнасилованиях и убийствах не доказана. Нападения на выживших женщин защитник требовал переквалифицировать на обычное хулиганство. Мол, подзащитный просто специфически шутил и устраивал «розыгрыши», не имея злого умысла. Первоначальные же признательные показания, согласно жалобе, были выбиты под давлением двух следователей, пугавших Козлова расправой со стороны сокамерников.

Верховный суд РСФСР на эти уловки не поддался. 27 августа 1990 года судебная коллегия по уголовным делам рассмотрела жалобу и оставила приговор в силе, резюмировав:

Суд первой инстанции правильно учел исключительную опасность личности Козлова и характер его действий, а также тяжесть наступивших последствий. Оснований для смягчения наказания Козлову судебная коллегия не находит.

Следующий документ в деле Козлова — лаконичная телеграмма на имя председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева. В ней сообщается, что осужденный к смертной казни Козлов покончил с собой 1 сентября 1990 года. Официальное следствие постановило: оснований считать его смерть насильственной нет. Однако никаких подробностей в архивах не сохранилось — ни имен тех, кто нашел тело, ни описания обстоятельств.

Совпадение даты ухода маньяка из жизни с Днем знаний породило немало слухов, что так маньяку отомстили за всех замученных им школьников.

Жена Козлова развелась с ним еще в период, когда он дал свои первые признательные показания. Сказала, что не хочет иметь с ним ничего общего. Родители Козлова, его брат — простые работяги, с ним не общались много лет, потому что не простили ему убийств родственников. Они так и не поняли, почему он стал убивать людей... А вот судебные эксперты, кажется, разобрались в этом: причина в накопленной злости, в ранней половой жизни и извращениях, в отсутствии моральных принципов. В памяти местных жителей «искитимский дьявол» таким и останется — наглым хитрым хищником, который охотился на доверчивых маленьких девочек.

Дело нижегородского «кукольника» Анатолия Москвина

Известный в научных кругах историк и лингвист Анатолий Москвин, получивший наводящую ужас мировую славу как «некрополист-кукольник», до сих пор находится на принудительном лечении в психиатрической больнице. Суд раз за разом отказывает защите перевести его на амбулаторный режим, признавая ученого опасным для общества. Ранее следствие доказало причастность Москвина к надругательству над 24 могилами и телами несовершеннолетних девочек на территории Нижегородской области. Все имена родственников жертв в этой истории изменены.

...В семье Николая и Натальи случилась страшная трагедия: от острого лейкоза в возрасте 10 лет умерла их дочь. Хоронили девочку в гробу, обитом розовым велюром. Нарядили умершую в пышное желто-бежевое платье и бежевые туфельки. Все эти подробности несчастные родители будут не раз вспоминать на допросах.

Анатолий Москвин

Спустя несколько дней после похорон отец обнаружил, что с могилы исчезла фотография дочери. А еще через неделю он пришел на погост вместе с женой, и оба остолбенели: могилу кто-то раскапывал!

— Холм был не той формы и ниже, — рассказывал Николай в полиции. — Ограда испачкана землей, цветы воткнуты в беспорядке.

Сотрудники полиции выехали на кладбище. Во время эксгумации выяснилось, что в головной части крышки гроба появилось отверстие размером 20 на 50 сантиметров, а сам ящик доверху забит землей. Труп там не было. Тело девочки нашли лишь в декабре 2011 года — замаскированным в лесу у корней огромного дерева.

...Светлана пережила ужасную трагедию. В автокатастрофе погибла ее родная сестра с мужем и двухлетней дочкой. Они ехали семьей на машине отдыхать на юг, но произошло лобовое столкновение. Шансов выжить не было. Всю семью похоронили в одной могиле. Тело племянницы перед погребением обернули в специальную пленку, поверх которой надели белое атласное платье с коротким рукавом, а на голову повязали гипюровый венок. Именно этот венок спустя несколько дней Светлана увидела торчащим из земли на раскопанной могиле. Как позже выяснят следователи, Москвина это захоронение привлекло обилием детских игрушек. Но он не тронул тело ребенка — лишь забрал с собой крошечное платье.

...Нина похоронила свою маленькую дочь, утонувшую в море. Девочку накрыла волна в тот момент, когда она бегала по берегу. Белое бальное платье, белые туфли, белые колготки... Перед тем как закопать гроб, на него сверху положили пупса. А саму могилу почти полностью укрыли мягкими игрушками. Наверху — деревянный крест с портретом.

Вскоре несчастная мать никак не могла понять, куда постоянно исчезает фотография дочери. Всего с креста пропало девять

снимков. Найти этому объяснение она не могла и просто выстав- ляла очередное фото. Но самое удивительное ее ждало потом. В цветник, сделанный на могиле примерно через полтора месяца после похорон, мать положила ожерелье из жемчуга. В середине сентября 2008 года, когда она убиралась в цветнике, ее рука про- валилась в могилу по локоть. Женщина тогда подумала, что могилу рыли, что-то искали («Может, узнали про ожерелье?»). Однако в правоохранительные органы она не обратилась. О том, что тела дочери в гробу не было уже три года, Нина узнала только от сле- дователей.

...Горе пришло в семью Семеновых неожиданно — у их 12-летней дочери обнаружили рак крови. Пока собирали деньги на пересадку костного мозга, она скончалась от сердечно-легоч- ной недостаточности. Дочь похоронили в зеленом пышном платье с рюшечками. После похорон мать посещала могилу практически через день. Очень быстро вместо креста установили памятник. И тут же с него пропала фотография дочери. Потом родители обнаружили на могиле большую пластиковую куклу в одежде, которую они выбросили. А о том, что тела дочери к тому вре- мени в гробу уже не было, узнали через два года.

...Иван Николаевич приходил на Нижегородское кладбище практически ежедневно — с тех пор, как похоронил свою 11-летнюю дочь. Девочка умерла от опухоли головного мозга. Похоронили ее в школьной форме. В гроб положили блокнот, цветные каран- даши, ручку, мягкую игрушку (медвежонка) и куклу. На могиле поставили деревянный крест с табличкой и фотографией. Сна- чала пропала фотография — Иван Николаевич решил, что ее унесло ветром. А потом он обратил внимание, что могила как будто немного просела, и заподозрил неладное. Когда эксперты после его обращения в полицию извлекли гроб, тела там не было. Его нашли только через год — в квартире Анатолия Москвина.

В общей сложности в полицию поступило около десятка заяв- лений от родителей, которые сообщили о том, что могилы их умерших детей осквернены. Не все захоронения, подвергшиеся

вандализму, оказались свежими. Некоторым было больше пяти лет. Но куда пропали тела?

Следствие рассматривало разные версии, среди них было и предположение о том, что орудует маньяк-некрофил. Родителям было страшно даже помыслить о мотивах преступника. Слава богу, самые жуткие предположения не подтвердились. Как потом скажет отец одной из девочек, «Все-таки хорошо, что он их хотя бы не насиловал».

Многие родители узнали о том, что годами навещали пустые могилы, только после ареста Москвина. Кто-то нечасто ходил на погост, кто-то просто не обращал внимания на то, что могилка просела. Но большинству и в голову не могло прийти, что с телами детей что-то может случиться. Да и надо признать, что Москвин со временем научился извлекать трупы и заново закапывать гроб почти виртуозно.

По воспоминаниям одной из бабушек, их семья до последнего отказывалась верить, что Москвин похитил их ребенка еще летом 2008 года. А когда они узнали подробности, то были просто в ужасе: Москвин отнес тело в лесополосу, спрятал и целый год «мумифицировал», засыпая смесью соли и соды. Лишь в сентябре 2009 года он решил, что тело достаточно подготовлено, положил его в рюкзак и принес к себе домой.

В общей сложности в квартире Москвина обнаружили 24 мумифицированных трупа (именно столько эпизодов надругательства следствию удалось доказать в суде). Все эти кражи он совершил в период с 2001 по 2011 год.

До сих пор сложно найти объяснение: почему близкие маньяка не забили тревогу? Неужели они не видели, что происходит с Москвиным?

Согласно показаниям отца, отправной точкой стал 2001 год. Занимаясь частным репетиторством, Анатолий Москвин выменял у клиентов парикмахерский муляж головы в счет оплаты занятий. Так в квартире Москвиных появилась первая кукла. Позже он приобрел второй аналогичный экспонат и снова сделал куклу.

— Это были две красивые куклы, которые находились в нашей с женой комнате. Почему сына стали интересовать куклы, мы не знали, — утверждал отец на допросах.

В тот период Анатолий преподавал в Институте иностранных языков, где организовал курсы по кельтскому языку. Занятия стала посещать девушка, которая ему очень понравилась. Она, по воспоминаниям отца, обладала феноменальными способностями — например, ей достаточно было одного взгляда на страницу, чтобы запомнить текст. В общем, Анатолий и эта девушка стали встречаться. Хотели даже пожениться. Однако после окончания университета невеста куда-то уехала.

— Сын очень переживал эту разлуку и все время ждал ее возвращения. И так на протяжении 10 лет, — делился отец.

На этом фоне у Москвина прогрессировала болезнь, скрывать которую помогал образ жизни его семьи. Пожилая мать некрополиста рассказала, что у них с мужем есть уютный домик в селе. Они называют его дачей. Туда они уезжали в апреле и возвращались в сентябре. Все это время сын находился в квартире один. Повода не доверять ему у них не было: Анатолий был человеком умным и успешным, мог сам себя обеспечивать и не нуждался в опеке.

В первый раз «другие» куклы они увидели, как раз вернувшись осенью с дачи.

— Куклы были страшные, лица обмотаны чулками, на самих какие-то одежды, — вспоминала мать. — Нам эти куклы не нравились. Мы спрашивали у сына, почему они такие страшные, на что он отвечал: ему не хватает времени, чтобы их облагородить. В это же время в квартире в небольшом количестве стала появляться одежда, которую приносил сын. Анатолий говорил, что она ему нужна, чтобы одевать кукол. Сначала эта одежда

лежала на диване, а затем он стал складывать ее в ванну и ругался, когда мы эту одежду перемещали. Несколько раз видели, что сын стирал свадебные платья. Говорил, что нашел их на помойке.

Из рассказа его коллеги. Михаил (имя изменено) познакомился с Москвиным в 2004 году. Практически сразу же Анатолий поделился с ним, что имеет страсть к коллекционированию кукол.

— Когда я в первый раз пришел домой к Москвину, увидел куклу больше человеческого роста, похожую на манекен, — вспоминал Михаил. — Она находилась в комнате его родителей, в левом дальнем углу около стула. Кроме того, я видел еще две куклы, сидящие на шкафу, в зале. Они размерами были похожи на настоящих кукол из магазина, были одеты в красивые платья.

Примерно в 2010–2011 годах я увидел в квартире Москвина еще одну куклу ростом около полутора метров, которая сидела в зале на диване. Ее лицо было заматано тряпкой, на голове — капюшон. С этой куклой Москвин разговаривал как с живой. Он ей меня представлял: «Ты не бойся, это Михаил пришел». После предлагал либо кукле поздороваться со мной, либо мне поздороваться с куклой. По правде сказать, мне она не нравилась, более того — пугала. Так что когда я приходил к Москвину, то просил его убрать ее куда-нибудь. И он куда-то эту куклу относил.

Одна из «других» кукол Москвина

Москвин поведал товарищу, что в другой комнате у него есть большая коллекция кукол. Однако рассмотреть эти «экспонаты» Михаилу так и не удалось: все помещение было до потолка завалено книгами. Впрочем, особого желания увидеть коллекцию у гостя и не возникало.

А вот запах он чувствовал... Неприятный, затхлый запах, который стал заметно сильнее в последний год. Он спрашивал об этом запахе Москвина. На тот отвечал уклончиво: «Так, ставлю магические опыты». А еще смущало Михаила, что по всей квартире валялась детская одежда, игрушки. Москвин говорил, что собирал их на помойках. И добавлял, что хочет удочерить ребенка.

Анатолий Москвин был признанным полиглотом, но главной страстью его жизни оставалась некрополистика. Он часами бродил по городским погостам, изучая эпитафии и надгробия, а часть своих научных трудов посвятил изучению истории сквозь призму погребальных традиций. Знал он и о том, что много веков назад практиковались «повторные» захоронения. Первое было временным, а второе уже постоянным. Или, например, умерших зимой складывали в отдельное помещение, где они были на морозе, а по весне каждый забирал «своего» покойника и предавал земле.

Словом, ни кладбищенской атмосферы, ни мертвецов Москвин не боялся. Тонкости мумифицирования он постигал с помощью научной литературы и... практики. Так, он пришел к выводу, что надо сделать «сушилку»: выкопал в лесу яму, в которую на время клал тела. Многое для него самого было экспериментом.

На допросах о целях своих изысканий Москвин каждый раз заявлял разное. Он уверял, будто хотел подарить погибшим детям вторую жизнь. В то же время признавался, что мечтал о ребенке и таким образом его «создавал». Иногда он заговаривал о поиске идеальной подруги, которая никогда его не покинет. Важный нюанс — все «куклы» исключительно женского пола в возрасте от 2 до 15 лет. Чтобы придать им объем, Москвин набивал высушенные тела газетами, пропитанными восковым составом, лица и кожу натирал парафином.

Позже оперативники вспоминали одно из самых тяжелых следственных мероприятий, когда Москвина привезли на кладбище — к могиле, которую он раскопал в 2008 году.

Со слов оперативников:

На месте он пояснил, что в течение всего июня 2008 года активно разыскивал эту девочку по всем кладбищам города и нашел ее только здесь где-то в начале июля. На тот момент на могиле стоял деревянный крестик и был холмик, на котором лежали несколько игрушек: зайцы, мишки и т.д. Он захотел пообщаться с девочкой-самоубийцей. Подкопал под крест, добрался до гроба. Вскрыл его. Взял тело девочки. Она была одета в белое длинное платье, гольфы до колен и белые туфельки. Он подумал, что, может быть, она станет его подружкой. Он решил взять тело этой девочки и унести его в сушилку, чтобы посушить и посмотреть, что из этого может получиться.

Забегая вперед, скажу, что некоторые родители потребовали возмещения им морального вреда. Но большинство от исков отказались.

Примерно за год до официального задержания у Москвина начались серьезные трения с законом.

Черная полоса в его жизни наступила летом 2010 года, когда его уволили из газеты «Нижегородский рабочий». Москвин писал для нее короткие краеведческие заметки и большие материалы, в том числе по истории некрополей. Поводом послужило официальное обращение Центра татарской культуры Нижегородской области. Представители этой общественной организации потребовали дать опровержение на несколько статей Москвина, посвященных истории татарских селений региона. Эти публикации они сочли провокационными и содержащими завуалированные выпады против татарской национальной группы.

В итоге главный редактор расторг с ним контракт. Позже Москвин обиженно вспоминал, что руководитель уволил его, «даже не выслушав, несмотря на четыре года безупречной работы». Историк

обратился в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, потребовав от татарской общины денежную компенсацию. Однако Советский районный суд Нижнего Новгорода ему отказал.

Эту неудачу Москвин воспринял крайне болезненно. По его собственному признанию, судебное фиаско спровоцировало «ухудшение психологического состояния». Впрочем, можно предположить, что крах карьеры и общественное порицание послужили мощным триггером, запустившим окончательную потерю связи с реальностью. Дальнейшие события развивались стремительно.

Из телевизионных новостей Москвин узнал, что 24 января 2011 года в аэропорту Домодедово прогремел взрыв, погибло много людей. Как он потом расскажет следователям, эта трагедия потрясла его до глубины души: он целые сутки не выходил из дома, непрерывно думая о жертвах теракта.

Уже на следующий день, 25 января, он «решил высказать свою гражданскую позицию по поводу этого теракта», оставив надпись где-нибудь на заборе или на стене дома. В магазине купил баллончик зеленой краски и отправился в то место, где ему было всегда спокойно, — на кладбище.

Из материалов уголовного дела (показания Анатолия Москвина):

Было около 21 часа. Дойдя до кладбища, я увидел, что оно густо засыпано снегом. Немного походил по территории и вернулся к конторе. По дороге я искал подходящие стены для надписей, но ничего не нашел. Решил использовать для выражения чувств боковую стену кладбищенской конторы, окрашенную грязно-желтой краской. С помощью баллончика нанес цифры: «24.01.2011». Затем немного погулял по кладбищу и подумал, где бы еще что-то написать. Больше подходящих мест не было, кроме постамента мемориала «Родина-мать». Долго сомневался, имею ли я право

использовать этот памятник для выражения гражданской позиции. В конце концов решил, что напишу лишь то, что мог бы написать в газетной статье о теракте.

Так на мемориале появились внешне безобидные лозунги: «Домодедово», «Нет террору» и «Слава России».

Однако, судя по дальнейшим показаниям подследственного, оставшаяся половина баллончика зеленой краски буквально жгла ему руки. Так что через день Москвин отправился на другое кладбище и принялся закрасивать портреты умерших на некоторых памятниках. Когда краска в баллончике закончилась, мужчина выбросил его в снег и ушел. В общей сложности Москвин закрасил 18 памятников.

Собственно, так на него и вышли правоохранители.

Москвин сразу во всем признался (да отпираться и смысла не было). Казалось, что он даже ждал, когда за ним придут.

В итоге Анатолию Москвину вменили надругательство над телами умерших и местами их захоронения по статье 244 УК РФ.

Насколько опасен был этот человек для общества? Ответ дала комплексная психолого-психиатрическая экспертиза: Москвин глубоко болен и страдает тяжелым психическим расстройством. Ученого признали невменяемым и представляющим серьезную угрозу для окружающих. Эксперты постановили, что он нуждается в принудительном лечении в психиатрическом стационаре.

Суд полностью согласился с доводами медицины. На основании статьи 21 УК РФ Москвин был освобожден от уголовной ответственности ввиду невменяемости. Производство по делу прекратили, а Москвину назначили принудительные меры медицинского характера.

— Было несколько маньяков, которые консервировали органы своих жертв, — объясняет известный судебный эксперт Виктор Гульдман, участвовавший в экспертизах десятков серийных убийц. — Некоторые, как битцевский маньяк Пичушкин, таким

образом «искали душу». Но случай с Москвиным по-своему уникален, потому что он изготавливал манекены. Тут можно говорить о параноидной шизофрении с бредовыми расстройствами, с фетишизмом. То, что он был очень эрудированным, умным, даже полиглотом, нормально. Такие люди могут отличаться высоким интеллектом. Мы знаем и писателей, и художников, и философов, у которых было это заболевание, и на начальных этапах оно помогало им быть неожиданными, яркими. Они привлекали к себе внимание, они делали открытия. А на поздних этапах болезни, когда начинается шизофреническое слабоумие, все эти способности редуцируются и утрачиваются.

Вопрос о том, насколько опасен Москвин для общества, остается ключевым. И тут специалисты непреклонны: пока имеется активная бредовая симптоматика, он может совершать повторные общественно опасные действия. А есть ли она, может сказать только экспертиза. Если медики когда-нибудь напишут, что он находится в том состоянии, когда бредовые расстройства исчезли, суд может (но не обязан) его освободить.

На сегодняшний день никаких изменений в юридическом статусе «кукольника» не произошло. Москвин продолжает принудительное лечение, хотя сам уверяет, что за 13 лет полностью избавился от недуга. Стоит отметить, что даже в случае гипотетической выписки пациент не останется без контроля. Его переведут на обязательный специализированный учет: он будет обязан регулярно посещать психоневрологический диспансер и получать амбулаторное лечение.

Размышляя о дальнейшей судьбе подобных больных, врач-психиатр Вадим Молодой отмечает:

— Человек с таким диагнозом (а параноидная шизофрения не излечивается полностью, можно лишь добиться стойкой ремиссии) совершенно не обязательно должен принудительно содержаться в спецбольнице. Например, доктор Григорий

Сегалин (основоположник эвропатологии — раздела психиатрии, исследующего влияние болезней на творческий процесс) призывал создать для таких людей «Институт гениального безумца». А главврач психиатрической больницы Владимир Анфимов писал о пациенте, знаменитом поэте Велимире Хлебникове: «Вот это наличие выдающихся задатков ясно говорит о том, что защищать от него общество не приходится, и, наоборот, своеобразие этой даровитой личности постулировало особый подход к нему со стороны коллектива, чтобы получить от него максимум пользы».

Никто не сомневается в тяжести заболевания Москвина, но очевиден и его незаурядный интеллект. Если создать такому человеку условия для работы, от этого выиграют абсолютно все. В моей практике в Институте психиатрии Минздрава был похожий пациент — крупный ученый. В периоды обострений он сам просил о госпитализации. Мы давали ему возможность работать в закрытой столовой между приемами пищи, и он там писал научные труды. Ментально нестабильных, но высокоинтеллектуальных людей в мире сотни. Сами по себе они зачастую не опасны для общества, а вот общество для них более опасно. Я бы создал для них в рамках большой больницы с прогрессивным главврачом специальное отделение, по которому они могли бы свободно передвигаться и заниматься там наукой.

Многие, кажется, до конца не определились, кто для них Москвин: маньяк или чудаки? Следует его на веки вечные замуровать за колючей проволокой психбольницы или наконец отпустить после мно-

Анатолий Москвин за решеткой

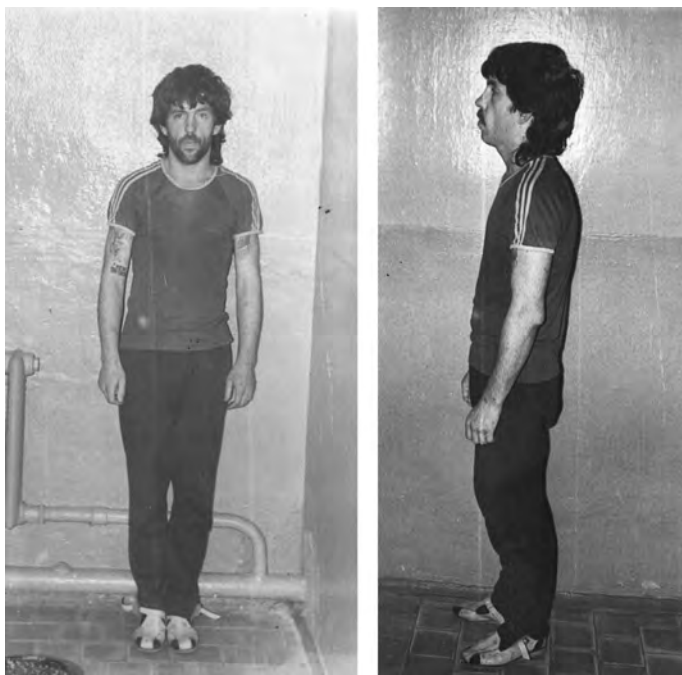
голетнего лечения? «Он же никого не убил, не покалечил, не изнасиловал», — говорят те, кто его защищает. Это так. Но нет никаких гарантий, что его эксперименты не переросли бы в физическую расправу над людьми, если бы в 2011 году его не задержали бы.

«Казнь» в камере смертников: забит до смерти в колонии для пожизненно осужденных

На рубеже 1980–1990-х годов Смоленскую область захлестнула волна жестоких убийств и изнасилований девушек. Маньяком оказался Артур Китаев — беглец из колонии-поселения, который годами жил по чужим документам. Его история — пугающий пример мимикрии жестокого убийцы. В обычной жизни он искусно играл роль заботливого сына, романтического жениха, ответственного работника и верного друга. Он писал стихи, вел дискотеки и производил впечатление эрудированного, приятного человека. На следствии Китаев искренне недоумевал: «Я хороший! Во всем виноваты женщины, которые меня не понимали». Спасти удалось лишь последней жертве. Девушка оказала яростное сопротивление, сильно укусила нападавшего и сумела сбежать. Именно ее показания помогли выйти на след маньяка. При задержании в сумке Китаева обнаружили жуткие трофеи — губные помады убитых им женщин.

В 1992 году суд приговорил Артура Китаева к расстрелу. Мораторий спас ему жизнь, но приговор все же был приведен в исполнение спустя 30 лет. Палачом стал другой серийный убийца, оказавшийся с ним в одной камере. Обстоятельства этой смерти до сих пор вызывают вопросы: многие уверены, что их встреча не была случайностью.

Чтобы восстановить подлинную историю рокового финала смоленского маньяка, автор изучила материалы уголовного дела и пообщалась с экспертами, которые знали обоих заключенных.

Артур Китаев

ИЗ ДОСЬЕ:

В 1992 году смоленская милиция задержала мужчину, совершившего нападение на местную жительницу в лесополосе. Она сообщила стражам порядка, что смогла обмануть его — под предлогом того, что якобы больна гонореей, предложила оральный секс и укусила за половой орган. Насильника задержали по горячим следам. Жертва его опознала, а характерная травма стала доказательством. Задержанным оказался Артур Китаев,

который находился во всесоюзном розыске за побег из колонии-поселения. За его плечами, как выяснилось, уже было две судимости. Жертвами маньяка стали женщины, проживавшие в Смоленской области и Пермском крае.

Корни жестокости серийных убийц исследователи всегда ищут в детстве. История Артура Китаева — не исключение.

Он родился в Перми в обычной рабочей семье. Роды были тяжелыми, с патологиями: мальчик появился на свет с огромной гематомой на голове.

{ — Четыре дня не приносили кормить, — вспоминала позже его мать на допросах. — Голова была большая. Очень долго состоял на учете у невропатолога-психиатра.

Здоровье ребенка было подорвано с первых лет жизни. К целому букету заболеваний — от рахита до скарлатины — добавилось заикание, развившееся в трехлетнем возрасте. А в 10-летнем возрасте ребенок перенес серьезный менингит, и с тех пор его беспокоили головные боли.

С такими диагнозами, как считают некоторые медики, надеяться на большие успехи в учебе не приходится. И Артур действительно еле справлялся со школьной программой. В его характеристике отмечалось:

{ Память, способность к учебе у него были, но не было никакого желания учиться. Совершенно не занимался ни в школе, ни дома. Кое-как на тройки окончил 8-й класс. Очень много пропускал уроков, был склонен к бродяжничеству. Учиться не хотел, родителям приходилось приводить его на занятия.

Параллельно проявились и первые криминальные наклонности: Артур начал воровать деньги у родителей. Однажды, взяв крупную по тем временам сумму 60 рублей, он надолго исчез из дома. Но тогда, по крайней мере, он не был замечен в употреблении спиртного.

В 1977 году Китаев поступил в ПТУ №16 на специальность моториста-рулевого речного флота. Первые полтора года, как следует из характеристики, он учился на хорошо и отлично, не имел взысканий и принимал активное участие в общественной работе. А вот в последующем поведение ухудшилось:

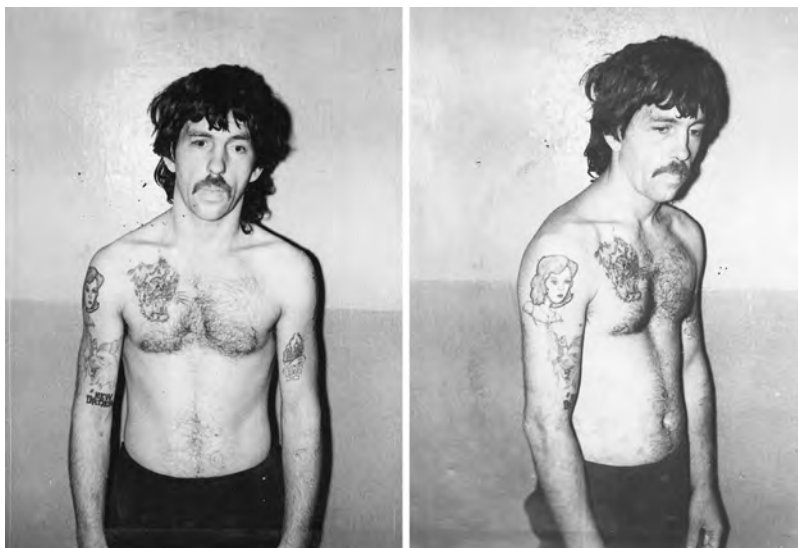
Стал употреблять спиртные напитки, систематически пропускать занятия. Дважды его задерживали за хулиганские действия в общественных местах. Поставлен на учет в комиссию по делам несовершеннолетних и исключен из членов ВЛКСМ.

В марте 1980 года деструктивное поведение Китаева вылилось в первое тяжкое преступление — он изнасиловал девушку. Тогда провели первую, правда амбулаторную, судебно-психиатрическую экспертизу при Пермской областной психиатрической больнице. Врачи признали его вменяемым, но отметили: есть органические поражения головного мозга с вегетососудистыми нарушениями и изменениями черт характера. Приговор Кировского районного суда Перми — пять лет лишения свободы.

Период заключения наглядно обнажил истинное лицо будущего маньяка. Из характеристики исправительно-трудовой колонии следовало:

В местах лишения свободы зарекомендовал себя плохо, имел 19 взысканий и только 2 поощрения. К труду относился недобросовестно, среди окружающих авторитета не имел. Внешний вид был неопрятен, с администрацией вел себя заискивающе, но не искренне. Лжив.

Свой первый срок Китаев отбыл полностью, освобожден 13 апреля 1985 года.

Артур Китаев

Выйдя на свободу, Китаев вернулся к гражданской жизни и устроился по специальности на судоремонтный завод — мотористом на теплоход «Мантуров». И снова обратимся к характеристикам, которыми изобилует уголовное дело:

За время навигации нарушений трудовой дисциплины не имел. Однако во время ремонтных работ совершил три прогула. Вспыльчив, но быстро отходит.

В этот же период он получил в драках несколько ушибов головы. В одном случае даже обращался на прием к врачу, который поставил ему диагноз «сотрясение головного мозга». В итоге Китаева направили на стационарное лечение, но места в больнице не оказалось, так что он лечился амбулаторно.

Криминальный финал мирной жизни наступил в ночь с 8 на 9 февраля 1986 года. Китаев, находясь в нетрезвом состоянии в квартире одного из домов по улице Магистральной в Перми, жестоко избил, а затем изнасиловал девушку, которая была на два года младше него. Более того, к соучастию в этом преступлении он принудил своего младшего брата Константина.

В квартире в тот вечер находилась целая компания. Друзья пытались утихомирить агрессора и защитить девушку, но Китаев схватил нож и под угрозой расправы выгнал всех в другую комнату. Один из его товарищей, который находился в тот день на месте преступления, говорил, что они все ужасно испугались Китаева:

— Минут через тридцать он вышел из комнаты — уже совершенно спокойный, не злой, выглядел абсолютно нормально. Лег спать. Утром встал отдохнувшим и отправился на работу. Когда ему напомнили о его поведении, он сказал, что теперь ему «крышка». Ругал себя, спрашивал, зачем это сделал. Обещал, что после дискотеки пойдет в милицию и сам все расскажет.

Обещание сдаться Китаев, разумеется, не сдержал. В милицию обратилась сама пострадавшая. Девушка рассказала, как он раздел ее донага, избивал, несколько раз душил, не только сам совершил половой акт, но заставил своего родного брата сделать то же самое у него на глазах.

— Он страшный человек. Извращенец. Маньяк, — говорила тогда потерпевшая, еще не зная, что дает Артуру Китаеву самую точную и жуткую характеристику на годы вперед.

Китаев на следствии и на суде вину не отрицал, но и не признавал, ссылаясь на провалы в памяти. Просил провести ему судебно-психиатрическую экспертизу, мотивируя тем, что после сотрясения мозга его беспокоят головные боли и он периодически «отключается».

Мать Артура на допросах плакала. Говорила, что, видимо, на его поведении сказались гены:

— Отец в нетрезвом виде такой же по характеру. Издевался над всей семьей. Очень тяжелый человек.

Новое уголовное дело повлекло за собой очередную судебно-психиатрическую экспертизу. На этот раз специалисты изучали личность Китаева с особой тщательностью.

— Китаев старался рассказывать о содеянном кратко, уклончиво, — говорит эксперт. — Пытался опорочить потерпевшую, отрицал совершение с ней насильственного полового акта. Заявил, что якобы избил ее только после того, как она бросила в него гантель.

В ходе стационарного исследования психиатры отметили, что мышление испытуемого абсолютно последовательно и логично. Он демонстрировал сообразительность, хладнокровно утаивал компрометирующие факты биографии и пытался выставить себя в лучшем свете, перекладывая вину на дурную наследственность и травмы. За маской психического расстройства скрывались банальная изворотливость, цинизм и наглость.

Официальное заключение врачей: преступление совершил вне какого-либо временного расстройства душевной деятельности, а в состоянии обычного алкогольного опьянения, а значит, вменяем.

Суд приговорил Китаева к девяти годам лишения свободы, признав виновным не только в изнасиловании, но и в вовлечении в преступление несовершеннолетнего брата.

Удивительно, но в колонии на этот раз Китаев смог себя зарекомендовать с лучшей стороны, всячески демонстрировал исправление и раскаяние. Не прошло и четырех лет (напомню, из девяти назначенных по приговору), как ему облегчили режим: перевели в колонию-поселение в Чердынском районе Пермской области.

Из показаний Китаева:

Отбывая наказание в колонии строгого режима в Пермской области, я твердо решил встать на путь исправления и поэтому сразу же пошел в хозобслужбу. Вел себя как положительно осужденный, за что и был переведен в колонию-поселение.

Днем 10 августа 1990 года Китаев совершил побег. Потом он будет говорить следствию и суду:

В колонии у меня было много врагов, которые мечтали свести со мной счеты. Из-за этого я отказался идти работать в лесную бригаду, за что меня наказали, посадили в изолятор на 15 суток. Из-за этого у меня сложились конфликтные отношения с администрацией. Виновным в побеге себя не признаю. Начальник колонии меня избил в лесу на работе, и я был вынужден уйти. Это не побег.

Кажется, это ярко демонстрирует: даже совершенно очевидные вещи Китаев отрицал.

Беглеца сразу объявили во всесоюзный розыск. Но то были 1990-е годы, время разрухи и беспредела, когда у милиции хватало дел и без поисков «поселенцев». Так что особенно его никто и не искал. Даже к его родителям пришли уже после того, как Артура задержали по подозрению в серии убийств. А стоило бы навестить их раньше. Ведь беглец приехал в Пермь как раз к своим родителям (они к тому времени развелись, жили в отдельных домах).

Из показаний брата Константина:

Летом 1990 года я около дома (тогда проживал с отцом) играл в лото. Ко мне подошел мальчик

и сообщил, что меня ждет брат Артур. Я встретил брата за домом, где курятник. Брат сказал, что сбежал из колонии, но подробности не рассказывал. Мы пошли с ним к реке, посидели, поговорили (в основном о том, какая жизнь стала в Закамске). Знакомых у брата в городе осталось мало. Помню, когда стемнело, мы пошли к отцу домой. И там была мать. Брат помылся, поел, переоделся. Возможно, переночевал. Куда он потом ушел, я не знаю. Родителям он тоже сказал, что совершил побег из колонии.

Младший брат помог ему через несколько дней — он дал адрес квартиры Марины (сестры своего друга), где можно спрятаться. Девушка, надо сказать, была замужем, но супруг находился в тюрьме, и, наверное, потому ее не смутило появление рецидивиста-беглеца Артура. Он читал ей стихи, она готовила ему обед. Очень быстро квартирант и хозяйка стали сожительствовать.

Из показаний младшего брата:

Вскоре я уехал в командировку на Алтай. Вдали опасался за Артура, ничего про него не знал. Когда я вернулся, отец сказал, что мать с Артуром хотят уехать на Смоленщину. Когда встретились с братом, я ему посоветовал поехать не туда, а на Алтай, где даже давали квартиры приезжим. То есть можно было начать все с чистого листа. Артур согласился. Мы собрали его в дорогу, дали денег. Я написал ему адрес своей знакомой, у которой можно остановиться на первое время. Но Артур быстро вернулся. Сказал, что эту женщину не нашел, а чемодан у него украли. Мать с отцом посоветовались и решили отправить его все-таки на Смоленщину. Поехал он

туда с матерью. Мать устроилась продавцом в магазине, а Артур водителем в совхозе. Я не знаю, как он устраивался, по каким документам.

В декабре 1990 года Китаев вместе с матерью переехал на постоянное место жительства в деревню Каменку Кардымовского района Смоленской области. И вскоре начал убивать, что называется, на постоянной основе.

Из материалов уголовного дела:

По подложным документам на фамилию Иванов 12 февраля 1991 года Китаев устроился на работу водителем в «Каменский». За ним закрепили автомашину марки ЗИЛ. 7 марта 1991 года Китаев выехал в командировку в Пермь, где в вечернее и ночное время занимался извозом граждан.

Вечером 17 марта 1991 года первой жертвой маньяка стала 39-летняя женщина. Галина спешила домой в пермский микрорайон Голованово. Когда рядом с остановкой притормозила машина, уставшая женщина согласилась принять предложение водителя подвезти ее. Вместо дома Китаев завез ее в темное безлюдное место. Изнасиловал в извращенной форме, убил. Забрал шубу из искусственного меха и песцовую шапку.

Командировка завершилась, и Китаев вернулся на Смоленщину, где продолжил совершать свои нападения.

18 мая 1991 года. Вторая жертва — 17-летняя Татьяна. В тот день она сдала экзамен в Смоленском медицинском институте. Девушка мечтала стать врачом, окончила Школу юного медика. Около семи вечера она вышла из института и направилась на остановку, чтобы поехать к родственникам в деревню Рыжиково. Китаев, увидев одинокую девушку, остановился, предложил свои услуги по частному извозу. Девушка, на свою беду, согласилась.

Он завез Татьяну в безлюдное место, напал, изнасиловал и убил. Забрал медицинский халат, клипсы, зонтик, косметику (помаду, лак и тушь). Труп девушки бросил в кювет.

20 мая 1991 года. Третьей жертвой стала 35-летняя Ольга. Нетрезвый Китаев, возвращаясь после работы домой, пришел на автобусную остановку. Из рейсового автобуса в этот момент вышла женщина, которая приехала из деревни в город, чтобы оформить пособия на детей. Так случилось, что они остались на остановке одни. Китаев напал, повалил ее и потащил за угол, а затем изнасиловал и убил. Помимо денег (у нее было при себе 150 рублей) он забрал часики и даже юбку. Зачем-то прихватил с собой ее свидетельство о браке.

9 июля 1991 года. Четвертая жертва маньяка — 20-летняя Галина. И снова остановка, но на этот раз все произошло в десять утра. Маньяк увидел девушку, которая вышла из автобуса, и стал ее преследовать. В безлюдном месте напал, поиздевавшись над ней, убил, а труп спрятал в кювете. Тогда его добычей стали золотые украшения и духи «Красная Москва».

9 июля 1992 года. Пятая и последняя жертва — 40-летняя Вера. Он напал на нее с ножом в лесополосе неподалеку от железной дороги. Женщине удалось перехитрить маньяка: она убедила его, что больна венерическим заболеванием, а во время орального секса укусила за половой орган. Китаев ревел от боли, а она, воспользовавшись моментом, убежала и позвала на помощь. Милиция на вызов пострадавшей отреагировала непростительно медленно. Зато на поиски преступника бросились ее муж и взрослый сын. Они-то, по сути, и задержали маньяка, отдав его в руки стражей порядка.

В промежутках между убийствами Китаев вел образ жизни абсолютно неуправляемого социопата. Он регулярно совершал мелкие кражи — выносил колонки из сельского клуба, воровал автозапчасти на заводе, похитил охотничье ружье у незнакомца. Параллельно он совершил еще как минимум два изнасилования, но тем женщинам чудом удалось выжить.

Он даже жестоко избил мужчину. Китаев набросился на случайного прохожего и долго избивал руками и ногами. Мужчина едва выжил (сломаны ребра, повреждено легкое), более двух недель провел в реанимации. А Китаев забрал его вещи, включая водительские права, куда потом вклеил свое фото.

Задержанный Артур скандалил в отделе милиции, уверял, что произошла какая-то ошибка. Но вскоре стал давать признательные показания:

20-го числа я выпил, пошел на остановку. Там стояла какая-то женщина. Я ее задел, она меня толкнула. Ударился лицом в железный уголок. Плохо помню, что творил. Она сказала, что заявит в милицию. Ну и я набросился и ударил ее. Закрыв тело курткой. Насиловать я не насиловал, хотя она и предлагала обойтись половым актом. Как предлагала? Когда она упала, то я бросился на нее. Она сказала, что лучше половой акт, но не бей. Штаны она сама сняла. Может, чтобы отвлечь внимание. И отодвигалась в сторону трассы Москва-Минск. А я сверху на нее сел. Она пыталась вывернуться из-под меня. Я намотал вокруг нее удавку, связал узел. И все. А сам на автобусе не поехал, пошел на электричку.

Это самые первые признательные показания, которые были написаны Китаевым после задержания. В них он рассказывает об эпизоде с Ольгой.

После этого он дал и другие признательные показания, но сообщал в них только о кражах. Настаивал, что никого не насиловал и тем более не убивал. В камере, чтобы отвлечься, писал стихи о погоде, природе, плохих женщинах и «ментах».

В ходе следствия цинично твердил: «Все было по согласию».

Офицеру Горьковского уезда
г. Смоленска

Явка с повинной.
Китаев Артур Кириллович, автор
сверток данное преступление, но не
т.к. у меня нет больше сил.
В июне 1952 года был мной одного
завертку, в районе створота
трассы, где-то метров 500 от
Мокшова - Мокша. Мокшова не
но было тогда. Я не знаю
поверил, но пишу, что пошел
туда работы и я обдернул вокруг
урава (завезли на узе полевой)
вело с оружием взял зонт, свисток
и ушел. Вскрыл её травой.
у неё не было. Она лежит по
в Мокшове с новой стороны.

15.07.52г.

А. Китаев

Явка с повинной. Были Мокшова, с утра, хотел
идти не один, встал в подвешен
близко до зуть-зуть прошёл, но всё
было плохо, потому что вёл её зве
и все пошел. на автобусе
на створоте в Мокшове

15.07.52г.

А. Китаев

Явка Артура Китаева с повинной

У следствия не было сомнений в его вине, и доказательств более чем достаточно. У его сожительницы нашли вещи убитых женщин, у него самого — губные помады (вероятно, хранил их как трофей). Экспертиза обнаружила его биоматериал на жертвах, а на нем — их. Но Китаев не собирался сдаваться.

Судебно-медицинские эксперты изучали его не только в условиях СИЗО и больницы, но и во время судебного процесса.

— Он был очень активен, — рассказывает один из экспертов. — Защищался, требовал уточнений тех или иных обстоятельств в свое оправдание, придумывал различные версии. Настроение у него часто менялось. Когда совсем запутывался в своих показаниях, начинал жаловаться на головную боль, головокружение. Утверждал, что преступления не совершал, а его не хотят понять. Было очевидно, что у Китаева нет глубоких нарушений памяти или интеллекта. Действия Китаева в момент преступления совершены не по бредовым мотивам, а с целью удовлетворения своего желания и сокрытия преступления. Как пример: чтобы совершить половые извращения с П., Китаев долго ожидал, спрятавшись, свою жертву в лесу. Мы пришли к выводу, что ему присущи такие психопатические черты характера, как жестокость, эгоцентризм, злобность. Совершая преступление, во всех случаях Китаев хорошо ориентировался, все осознавал, поэтому всегда скрывался.

18 февраля 1994 года. 10:00. Судебное заседание началось с того, что подсудимому Китаеву предоставили последнее слово и он этим правом воспользовался. Говорил четко, внятно, уверенно, с иронией и даже сарказмом.

Приведу несколько цитат, чтобы показать уровень цинизма маньяка.

{ — Господа судьи, секретарь и адвокат, а также наш
} достопочитаемый прокурор (хотя лучше его было бы

назвать иудатором, то есть последователем Иуды в наше время) и потерпевшие, хотя и они, я думаю, сами сомневаются в правильности выдвинутого мне органами следствия обвинения, — начал свою речь Китаев. — Я не отрицаю своей вины по некоторым статьям и даже подтверждаю ее, но я не могу согласиться с теми обвинениями, которые я ни сном ни духом не делал. Я не буду распыляться и говорить туманно, хотя и не мое дело доказывать свою невиновность. Мое личное мнение, что прокуратура и орган следствия в одном лице просто сфабриковали дело в отношении меня. Спросите почему — пожалуйста, я отвечу: им нужна раскрываемость преступлений, неистовая борьба с преступниками, но кто совершил все, что вменяют мне, их не интересует, просто им нужен козел отпущения. И они нашли его в моем лице. А тем более, что я совершил побег, а это обстоятельство изменило ход всего дела, тогда как я бегал два года, но никому до меня не было дела.

Интересно он интерпретирует свое криминальное прошлое:

— Если вернуться к моим прежним судимостям, то и там мы увидим, что и в то время я был осужден два раза ни за что.

А вот как Китаев оправдывал свои действия в случаях, где его вина была очевидна:

— По эпизоду К. Она врёт и изворачивается. У меня только один вопрос: почему после случившегося, как она считает, изнасилования она не побежала в милицию и не заявила? Если бы не началось следствие,

то никто бы и не узнал, что я ее подвозил, а то, что произошло, было по ее согласию, а не насильно. По эпизоду с другой женщиной. Даже если я и совершил в отношении ее изнасилование, то не могу объяснить, почему она об этом молчала полтора года. Просто все эти женщины не хотят признаться в совершении со мной полового акта в добровольной форме...

Китаев отрицал убийства, признавал факт краж и нанесения телесных повреждений.

Суд объявил перерыв, и окончание последнего слова обвиняемого прозвучало 21 февраля, то есть через три дня. Китаев, казалось, ничего не боялся, дерзил:

— Еще в пятницу я собирался спорить и бороться, но теперь я решил, что мне ни к чему оправдываться перед явной и так моей невинностью. Возможно, я и буду жалеть об этом, но что поделаешь. Возможно, я просто устал стучаться головой в глухую стену, которая с помощью прокуратуры выросла в большую «китайскую стену».

— Это, пожалуй, феноменально, — комментирует наш эксперт. — Он пытался манипулировать до самого конца, надеясь на то, что сможет посеять сомнения у суда.

Не посеял. 24 февраля 1994 года Смоленский областной суд огласил приговор: смертная казнь (расстрел) с конфискацией имущества.

Верховный суд приговор оставил в силе. Но Китаеву повезло: смертную казнь указом президента ему, как и многим другим, заменили на пожизненный срок.

Почти сразу он попал в колонию для пожизненно осужденных в Мордовии, известную в криминальном мире как Торбеевский централ.

— В таких местах любые манипуляции со стороны человека считаются на раз, — говорит бывший оперативник этой колонии. — Причем как другими осужденными, так и сотрудниками. В камерах сидят по двое–четверо заключенных, и часто соседи остаются одни и те же годами и даже десятилетиями. Если один из них пытается воздействовать психологически на других, то это обычно плохо заканчивается для него. Не приветствуется бахвальство своими прошлыми «подвигами», попытки выставить себя интеллектуалом и т.д. Ну а сотрудники вообще не любят, когда «пыжики» что-то из себя строят. Подход такой: раз попал сюда, то сиди и молчи, страдай, а не права качай.

Китаев качал. В 2010 году между ним и сотрудником произошел конфликт, в результате которого к Китаеву были применены физическая сила и спецсредства. Результат — серьезная травма позвоночника. Китаев стал инвалидом, передвигался на костылях. Но подписал бумагу, что претензий к администрации не имеет. Впрочем, он потом не раз жаловался.

В последние три месяца своей жизни Китаев содержался в камере №61 с неким Дустмуродом Ильёсовым, осужденным за убийство четырех человек.

Как следует из материалов дела, 13 сентября 2019 года около 10 часов утра между сокамерниками внезапно вспыхнула ссора на почве личных неприязненных отношений. Повод: Китаев якобы высказал в грубой форме, используя нецензурную лексику, недовольство тем, что Ильёсов непрерывно ходит по камере. Ильёсов повалил Китаева и стал жестоко бить. Потом произошло странное: он сам вызвал по связи сотрудников колонии и попросил их «прийти помочь Китаеву». Как он заявит позже на суде, якобы чтобы облегчить его предсмертные муки. Но, вызвав сотрудников, он продолжил зверски избивать соседа. Где логика? Но стоит ли ее вообще искать у таких персонажей?

Группа реагирования прибыла через четыре минуты. Китаев был еще жив, и его довольно быстро госпитализировали. Через

две недели, 29 сентября, в отделении реанимации тюремной больницы он скончался.

«Я хотел его убить и убил», — хладнокровно заявил на суде Ильёсов. Несмотря на диагностированное расстройство личности, эксперты признали его вменяемым. В марте 2020 года Торбеевский районный суд Республики Мордовии признал Ильёсова виновным в смерти сокамерника и приговорил его к 14 годам лишения свободы. Для человека, который уже отбывает пожизненный срок, это, сами понимаете, ничто.

В уголовных делах нет ни одного намека, что раньше Китаев и Ильёсов могли пересекаться. Версия о том, что Ильёсова могли «попросить» о мести родные жертв Китаева, тоже кажется странной. В конце концов, почему спустя столько лет?

Страшная смерть маньяка никого не тронула и жалости ни у кого не вызвала. В последние годы он связи с родными не поддерживал, переписку ни с кем не вел. Его злоба и наглость так и не покинули его, несмотря на суровые условия.